
Андрей Анатольевич Орлов
Дневник Великой Отечественной Войны
Боровиковой Александры Никифоровны
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Андрей Орлов

Дневник Великой Отечественной Войны Боровиковой Александры Никифоровны

«Автор»
2024

Орлов А. А.

Дневник Великой Отечественной Войны Боровиковой Александры Никифоровны / А. А. Орлов — «Автор», 2024

Данная книга представляет собой настоящий блокадный дневник жителя г. Ленинграда, который в годы Второй Мировой Войны работал в осаждённом городе на различных должностях и предприятиях, и который описал всё, что видел и слышал на протяжении нескольких лет войны. Блокадный дневник Боровиковой А.Н. - это не просто описание каких-то исторических событий, это личный дневник человека, для которого дневник стал единственным верным другом.Книга написана на основе 6 томов рукописных блокадных дневников моей бабушки: Боровиковой Александры Никифоровны, которая за период ВОВ написала более 1000 страниц формата А4. В одной книге описан период ВОВ: с 22.06.1941 по 25.10.1944.Дневники бережно хранились в архивах нашей семьи почти 80 лет, настала пора открыть их миру.Проект по расшифровке дневников, и вся работа по выпуску книги, заняли почти 8 лет.Книга издаётся в честь 80-летия Полного снятия немецко-фашистской блокады с г. Ленинграда, и к 79-летию Победы в Великой Отечественной Войне.

© Орлов А. А., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Огромная благодарность за выпуск данной книги 5
Предисловие 6
Глава 1. Июнь 1941 7
Глава 2. Июль 1941 9
Глава 3. Август 1941 13
Глава 4. Сентябрь 1941 39
Глава 5. Октябрь 1941 71
Глава 6. Ноябрь 1941 92
Конец ознакомительного фрагмента. 109

Андрей Орлов
Дневник Великой Отечественной Войны Боровиковой Александры Никифоровны

Огромная благодарность за выпуск данной книги

Единственный человек, которого я хочу отдельно поблагодарить, и который достоин того, чтобы его имя сохранилось на главной странице этой книги:

Будылин Максим Александрович, 1988 г. – искренняя благодарность от автора книги.

Предисловие

Данная книга посвящена светлой памяти моей бабушке, Боровиковой Александры Никифоровны, которая пережила Великую Отечественную Войну и Блокаду Ленинграда. К сожалению, я не знал свою бабушку, но сохранившиеся блокадные дневники позволили узнать её как сильного, отважного человека, который не боялся трудностей в жизни, и который был готов отстаивать собственное мнение, и бороться с любыми неприятностями. Она – одна их тех, кто пережил с 1941 по 1944 годы Блокаду Ленинграда, находясь в осаждённом городе, и кто был награждён почётной медалью “За Оборону Ленинграда”.

Долгие годы её дневники хранились ей самой, а затем и её дочерью, прежде чем дневники превратились в полноценную книгу, которая издаётся благодарным внуком.

Я благодарю свою бабушку, за то, что несмотря на пережитые несколько лет ужасов войны – многомесячные бомбёжки, обстрелы, бессонные ночи в убежище, голод, и холод, и увиденные ужасы блокадного города – трупы людей, которых убили фашисты своими авианалётами, ей удалось записать всё увиденное, и пережитое ей самой, на бумагу, которая в дальнейшем превратилась в 6 томов рукописных дневников.

Также я благодарю свою маму, и отца, за то, что за несколько десятилетий, они сумели сохранить эти исторические свидетельства очевидца того времени – страшного периода войны, который устроили фашисты, во главе с Германией.

Вспоминая каждый год такие события, как Прорыв Блокады Ленинграда и Полное снятие немецко-фашисткой Блокады с г. Ленинграда, мы вспоминаем всех:

И тех, кто отважно сражался в Великую Отечественную Войну против фашистов, и погиб на полях сражений. Не важно, где именно.

И тех, кто сражался за город Ленина, и погиб, не увидев окончания войны.

И тех, кто умер в самом Ленинграде от голода, или бомбёжек.

Если посчитать в сумме всех, то даже примерные потери – это миллионы человеческих жизней, людей, которые могли бы прожить свою жизнь долго, и счастливо, которые могли бы совершить много невероятных открытий и достижений, но вместо этого их всех настигла смерть.

Книга выпускается к 27 января 2024 года. Выход книги приурочен, к 80-летию Полного снятия немецко-фашисткой Блокады с города Ленинграда. Эта книга должна напомнить современному поколению, что война – это не праздник, это ужас.

Даже спустя 80 лет, мы должны помнить, и чтить всех погибших, в той ужасной, кровопролитной войне. Наши дедушки и бабушки сражались за мирное небо над головой. События тех лет никогда не должны повториться, этот ужас без конца не должны снова увидеть люди. Человеческая жизнь – одна, и она бесценна.

Светлая память всем, кого сегодня нет с нами.

Глава 1. Июнь 1941

Том первый

22/VI/1941

22/VI. Дата 22 июня 1941 года запечатлена на всю жизнь, не только нашу, но и наше поколение.

Коварный враг, зарвавшееся фашистская, сволочь, в лице Гитлера, нарушила нашу спокойную мирную, счастливую жизнь.

22/VI, когда я ещё спала, утром мне приносят повестку: “Срочно явиться в Штаб М.П.В.О. (**Местная противовоздушная оборона*) Фабрики”.

Раз срочно, то пришлось поехать.

В моей мысли тогда ещё ничего не было, я думала – просто проверка боевой готовности Ком. состава (**Командный состав*) Фабрики, или просто учение по П.В.О. (**Противовоздушная оборона*).

На июнь месяц было задание Наркома (**Народный комиссар*) распилить 8.500 м^3, выполняли хорошо.

И вот, 22/VI, утром, ничего не подозревая, получаю распоряжение от директора Фабрики – остановить цех, и передать людей в распоряжение главного механика для выполнения одного задания.

Я ему по телефону напоминаю, что нельзя же срывать задание Наркома.

Затем передают по радио, что в 12:15 будет сообщение из Москвы.

Как раз в то время я писала заявление Наркому, об уплате за 1940 г., но что-то не писалось, в душе было какое-то волнение.

И вот, в 12:15 включается Москва, товарищ Молотов сообщает, что фашистская Германия нарушила договор, и в 4 часа утра, перешла границы.

Были подвергнуты 4 города бомбардировке, есть убитые, и раненые.

Это была неожиданность.

Нельзя совсем это было считать неожиданностью, ибо мы знали, что хотя с Германией и договор, но друг был не надёжный.

Откровенно говоря (только от себя), этого нападения ожидала не сейчас, а почему-то позже – не знаю, почему так сложилось в моей голове.

После этого стало понятно всё: почему нас вызвали в Штаб, почему снимались люди с работы на другую.

*(*Текст зачёркнут)*:

И вот, начинается с того.

Жалею, что не писала раньше своего дневника, где я могла бы записать подробно все-все мелочи.

Все свои впечатления и настроения.

Настроение было с первых дней одно: хотя враг силён и коварен (**Текст пропущен*) победить (**Текст обрывается*).

(**Отсутствует кусок страницы, есть столько несколько слов*) … дневник свой я (**Текст обрывается*) тетрадях (**Текст обрывается*).

28/VI/1941

28/VI. Вот, с 22/VI, я ночевала дома всего 7 ночей, а остальное, всё время нахожусь на Фабрике.

Здесь у меня установлена койка.

Здесь, можно сказать, живу.

Сейчас иначе нельзя – война.

Время военное, надо быть наготове.

Ушедших в Армию надо заменить другими, или же направить по требованию на оборонные работы.

Учёт воздушных тревог веду отдельно, и помещу в конце этого дневника.

Глава 2. Июль 1941

3/VII/1941

3/VII. 3 июля у меня был выходной день (в четверг), и вот, утром лежу на койке, слушая выступление товарища Сталина.

Выступление товарища Сталина – это исторический документ, который в истории будут изучать наши поколения.

4/VII/1941

4/VII. На призыв товарища Сталина, 4 июля подаю заявление добровольцем, в тыл ополчения (**Вооружённые формирования, создаваемые из граждан (преимущественно добровольцев), как правило, не подлежащих призыву на военную службу по мобилизации*).

Но это заявление, как говорится, пока ещё только на бумаге.

Во-первых, это “Катушка” (**Деревозаготовительная Фабрика им. Володарского, которая в период с 1939 по 1946 гг. находилась в подчинении Главного управления лесопильной и деревообрабатывающей промышленности Наркомлеса РСФСР*), а во-вторых, на мне юбка.

Последнее убивает меня.

Не знаю, почему смотрят так на нашего брата – женщин, женщин, таких, как я, которых ничего не страшит.

Ведь женщинам, таким как я, только советская власть дала дорогу к жизни, когда от смуглой деревенской Саши, домработницы, батрачки (правда, в своё время очень живой и энергичной) – до техника, и инженера (**Батрачка – наёмный работник в сельском хозяйстве дореволюционной и Советской России, часто сезонный, из обедневших, имевших небольшой земельный надел или совершенно лишённых земли крестьян*).

Каков период роста, всего с 1927 г.

В первые дни Великой Отечественной Войны, у меня почему-то были предположения, хотя враг силён и коварен, но война будет не длительна.

Я почему-то надеялась, что тыл Германии, и порабощённых ею стран, скоро восстанет, но оказывается, что Гитлер крепко держит свой народ в руках, и воспитал их в духе фашизма.

Но первое время, может быть, влияла и его лживая информация.

Первые дни передавались всё время песни и марши советских композиторов.

Это были мои любимые песни.

Но как надоели они в эти дни.

Настроение у меня было и есть всегда бодрое, но на душе что-то не веселит.

Вспоминается всё:

Как переживает народ вблизи лежащих районах к фронту, как издевается, сволочь, Гитлер над народом, кто к нему попадается в плен.

Как рушились сёла и города.

Как нарушена была счастливая (мы этого не замечали счастья до войны), спокойная жизнь Ленинграда.

Эвакуация детей: раз видела автобус с ранеными на Московском вокзале.

Всё это дало отпечаток на душе.

Потом посылка рабочих на оборонные работы – цех оставался с одними старухами, но работали которые с большим энтузиазмом.

Не забуду никогда, но всё вместе взятое отзывается во мне только внутренне.

Никакой паники.

Я была, есть, и собираюсь быть спокойной.

Ленинград будет не тронут, не будет ступать по его улицам и проспектам фашистский сапог.

Сил хватит охранять как с суши, так и с моря.

Ведь с суши охраняют его Стёпы, Коли, Пети и др.

С моря Марки и Ильи.

От Марка получила два письма: одно из Курголово (**Посёлок Усть-Лужского сельского поселения Кингисеппского района Ленинградской области*), другое из Нарвы.

“Апостол” … это всё для меня.

Почему – не знаю, но что-то долго нет от него вести.

От Стёпы тоже было одно письмо – больше нет.

Не знаю, жив он, или нет.

Так вот прошёл месяц, наступил второй месяц войны.

Всё время на Фабрике.

В последнее время стало скучно, но наружу эта скука не выходит.

Переживаю всё внутри себя.

Наоборот, я веду себя всегда весело.

В особенности, во время дежурства.

Зайдёшь в Штаб, ну и всех насмешишь.

И то говорят: “там, где Боровикова, там всегда весело”.

Удивительно одно, что я, как стала жить на Фабрике, я привыкла пить пиво.

Каждый день, систематически.

Вот, наверное, растолстею.

Да ещё при отправке смены “А” на оборонные работы, мне поручили торговать продуктами.

Вот чертовская работа.

Проторговалась рублей на 60.

25-26/VII/1941

25-26/VII. Отправили – эвакуировали эшелон с половиной Фабрики.

В основном отправились там, так называемые “свои”.

Под Акуловкой (**Окуловка, Новгородская область*) им попало.

Вот, наверное, дрожали, “свои”.

В особенности, Исаак и Моисей.

27/VII/1941

27/VIII. В Штабе здорово смешила всех (**Текст обрывается*) мне анекдот следующего содержания:

Едут две студентки в вагоне, напротив их красивый армянин.

Одна другой и говорит: “знаешь, что скоро вот пройдут каникулы, скоро опять заниматься, и т. д.”

Другая и говорит: “Ой, как всё это надоело. Неужели нет другой темы разговора?”.

Тогда первая и говорит: “А хочешь, я тебе расскажу три правды?”

“Ну расскажи” – говорит вторая.

Вот начинается: “Завтра четверг – правда, послезавтра пятница – правда».

“Что ты мелешь глупости?” – говорит опять вторая.

Слушая их, говорит армянин: “А хотите, я вам расскажу три правды?” – этого и ждали студентки.

“Пожалуйста”, – заявляют обе.

“Тогда” – говорит армянин…

*(*Далее текст обрывается, зачёркнут, и стёрт лезвием).*

28/VII/1941

28/VIII. Была в кино и ночевала у Нюры Цветковой.

Смотрела картину “Девушка с характером” (**Советский художественный фильм, режиссёра Константина Юдина, 1939 года*).

29/VII/1941

29/VIII. Идя домой, зашла в Штаб, потрепалась с Ниной Дитиной.

Рассказала пару анекдотов.

Сводка сегодня не плохая:

Сбито 109 самолётов противника, наши потери 38 самолётов.

В газете от 27/VII 1941 г. сообщалось, что с 20/VII по 26/VII германская авиация пыталась совершить налёт на Ленинград 12 раз, но самолёты были отогнаны.

За этот период было 22 «В.Т.» (**Здесь и далее: Воздушная Тревога*), но мы не видели ни одного вражеского самолёта, и не слышали поблизости разорвавшихся бомб.

Живём спокойно.

На подступах к городу было сбито 41 самолёт противника, наши потери – 8 самолётов.

Вечером сходила под душ.

Меня встречает Нюра Цветкова, и говорит, что от Васи есть два письма.

Пошли мы с ней на берег, она дала мне прочитать.

Какая холодность в этих письмах: “Здравствуй, жена моя Нюра, – пишет твой муж Вася”.

Что это за письмо, так и веет холодком.

Перед сном была в Штабе, рассказала несколько анекдотов и ушла спать.

Там, где я, всегда говорят, весело.

А у меня, как говорят, кошки на душе скребут (**Глубокое внутреннее переживание, скрываемое от других*), а виду никому не подаю.

30/VII/1941

30/VII. Что-то с утра скучала по своему Апостолу, почему-то нет давно письма.

Сегодня какое-то настроение, что даже не опишешь.

Передали по радио: направление Невельское, Ново-Ржевское, Смоленское и Житомирское.

В 9:26 утра сигнал «В.Т.».

Было слышно стрельбу зениток, и даже был дан приказ: занять бомбоубежище.

Тревога длилась 1 час. 20 мин.

Вторая тревога с уходом в бомбоубежище длилась 50 минут.

Начало в 11:55, отбой в 12:45.

В 4 часа получила сводку Информбюро:

Бои идут на Невельском, Смоленском и Житомирском направлениях.

Сообщили также об отдельных эпизодах боевых действий.

Наконец-то, я не могу понять, какого чёрта мирятся народы Германии и порабощённых ею стран.

Что же не восстают против гитлеризма.

Тогда было бы легче добиться Победы.

В 6:31 вечера, только собиралась уехать домой, вдруг дают «В.Т.», ну, и сидишь опять, с трубкой у уха, ждёшь приказаний.

Стрельбы пока нет.

Ничего особенного не произошло.

Тревога длилась 32 минуты.

Итог тревог на 30/VII = 26 час. 31 минута.

На две ночи вырвалась домой.

Это было для меня полным отдыхом – отдохнуть от производственной сутолоки (**Сутолока – с**уматоха, беспорядочное движение, хождение большого количества людей в ограниченном пространстве*).

Но в моей комнате не отдохнёшь – такая сырость, и грязь.

Проветрив комнату, легла спать.

В четверг занялась своими домашними делами, потом поехала в город.

Хотела заказать пальто.

Мне хочется синее, но материал всё чёрный, и нет воротников.

В Пассаже купила мулине (**Пряжа, полученная заводским способом или ручной выделкой, произведенная специально для вышивания или других видов рукоделия*), но сейчас некогда вышивать, да и не за чем.

Были резиновые боты, но мне не достались.

За день было три тревоги, общей продолжительностью 90 минут.

Тревога, длившаяся с 17:50 до 18:25, была не спокойная, было очень слышно стрельбу зениток.

В то время мы как раз с Ленкой обедали.

Мне показалось, что уже бомбят, но это была только пальба зениток.

Пока Ленинград защищается крепко.

По радио сообщили, что СССР заключил соглашение с Польшей о совместной борьбе с гитлеризмом.

Получила одно из неприятных писем, в части света.

Вечером Нина Дитина сообщила, что есть приказ по Фабрике о переселении меня на Палевский (**Палевский жилмассив – построен в 1925–1926 году, и расположен между проспектом Елизарова и улицей Ольги Берггольц*), в квартиру Факторовича.

Пусть отрубят голову, но я туда не поеду.

Будут дёргать, и трепать мои нервы, по каждым пустякам.

Глава 3. Август 1941

1/VIII/1941

1/VIII. Приехала на Фабрику в 8 часов утра, и прочитала приказ.

Действительно, да…

Сейчас напишу директору такую записку, что ахнет.

Получила от Апостола долгожданное письмо, он всё ещё в Нарве.

Вечером написала ему ответ, но унылое письмо, т. к. настроение было паршивое.

Пиво сегодня не пила, т. к. директор сказал, что, если я буду пить так, то сделаюсь алкоголиком.

Поэтому не пошла, не хочу быть пьяницей.

Вечером зашла к Катюше Богомоловой.

Она дежурила в Штабе.

Рассказала несколько анекдотов, насмешила всех, и незаметно, пока они смеялись, ушла домой.

(Это рассказ про старушку в академии, когда я ещё училась на 1 курсе, как она зашла в мужскую уборную рано утром).

Обошла несколько раз цех, и легла спать.

Во сне ничего не снилось, но спала спокойно, и выспалась хорошо.

Утром что-то было скучновато, было желание сделать покушение на Апостола, потрепать его как следует за волосы, и крепко-крепко поцеловать, но здесь его нет.

2/VIII/1941

2/VIII. Утром мне Полина Сиротина сообщила, что Чепик очень ругалась из-за комнаты.

Днём было две «В.Т.» – в 9:30, и 10:30, но прошли обе спокойно.

В 12:30 зашла в плановый отдел, потом пошла с М. Марковной к себе, встретила Тану, последней рассказала анекдот…

> У одного офицера был деньшик (*Денщиками называли солдат русской Армии, которые занимали должность постоянной прислуги при офицерах) и исполнял (*Дальнейший текст стёрт лезвием).
> (*Несмотря на это, ресурсы Интернета позволили установить, что здесь содержался отрывок из сатирического романа Ярослава Гашека (1883–1923) «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны», и т. к. лезвием затёрта почти целая страница формата А4, можно предположить, что присутствует несколько разных фрагментов из указанной книги. Один из них – это тот, часть которого написана в дневнике: Вставка № 4. Текст из романа Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» – отрывок про Деньщика.
> *Вероятно, текст был удалён из-за военной цензуры того

времени).

В 7:30 сходила в столовую, наелась помидор солёных, скушала тарелку чечевицы, стакан чаю, да днём выпила с Борисом по большой кружке хлебного квасу.

Распёрло так, что не сходится пояс юбки, пришлось прибавить на петличку.

Вдруг, вызывает директор, и говорит:

– “Ну, сейчас возьму за бока Боровикову!”

А я и говорю, что:

– “К.М., только не сейчас, т. к. только что скушала тарелку чечевицы”.

Он захохотал, подобравши живот, и спрашивает:

– “А пиво пила?”

Я говорю:

– “Выпила кружку хлебного квасу”.

– “Ну, тогда” – говорит: “тогда сейчас брать тебя за бока и подавно нельзя!”

А я ему тогда добавляю, что:

– “Плюс ко всему, я ещё боюсь щекотки, всё вместе взятое: щекотка, квас, чечевица – очень опасно”.

Ну, он у меня и нахохотался!

Вечером с Титовым вытянули по кружке пива.

Потом составили список на 25 человек, отправляемых на оборонные работы.

Спокойной ночи, А. Н., ложись спать, и пусть тебе приснится Апостол.

3/VIII/1941

3/VIII. Доброе утро, А.Н.!

Ночью звонил Боря Модестов, и говорит, что у меня свет в цеху – конечно, врал.

Прослушала сводку:

Направление – Псковское, Смоленское, Белоцерковское и Эстонское.

Балтика опять хорошо подбила.

Хорошо, что наш транспорт вернулся обратно.

Почему-то сегодня пришло обратно письмо, посланное Степанову в г. Энсо (**Ныне: Светогорск*).

На конверте написано: “за неимением адресата”.

Это значит…

Какая скука щемит мою душу, уже третий день – не знаю, почему.

В особенности сейчас, когда передают песни.

От песни “Любимый город” (**Песня советского композитора Никиты Богословского на стихи поэта Евгения Долматовского, написанная в 1939 году для кинофильма “Истребители”)* так болит сердце, что хочется плакать, но помешала Ленка.

Любимый город будет спать спокойно, что будет впереди – не знаю.

Проводила сегодня смену «Б», под Нарву.

Эх, сама бы съездила туда с удовольствием, а то сидишь здесь.

Ох, как надоело.

Уже 33-ю ночь ночую на Фабрике, за период войны с 22 июня 1941 года.

Опять поют песенку из кинофильма “Искатели счастья” (**Советский фильм режиссёров Владимира Владимировича Корш-Саблина и Иосиф Соломоновича Шапиро, 1936 года*).

Так хочется с горя выпить кружку пива, может, будет полегче.

Чуть-чуть всплакнула, когда передавали эту песню: “Кто его знает?” (**Песня “И кто его знает” написана в 1938 году В. Г. Захаровым и М. В. Исаковским*).

Слушала последние известия.

Всё же, желанную кружку пива, я сегодня выпила.

Какое кошмарное было сегодня настроение, так я жалела, что я не мужчина, тогда бы моё место было на фронте, а не здесь отсиживаться и слушать по радио то, что можно осуществить на деле, на месте самому.

Ведь мне не страшна смерть, в особенности, когда её положишь за Родину, знаешь, за что, которая дала тебе жизнь.

Кипит душа, желанием громить фашизм.

С горя, давай сегодня громить всех мух в своём кабинете.

Какой кошмарный был сегодня день.

Мне уже делают замечание, что я, такая живая и весёлая, становлюсь скучной и молчаливой.

Это отзываются передаваемые издевательства фашистов над городом.

Пропади всё пропадом, злосчастный Гитлер, и вся его прихвостня.

Злосчастный Гитлер, нарушил всё, что так было хорошо.

Ну ладно, Шурочка, пора ложиться спать, а завтра, вставай такой бодрой, и весёлой, как была раньше.

Спокойной ночи – спи, Саша!

4/VIII/1941

4/VIII. Честное слово, смешно – настроение меняется по погоде.

Сегодня бодрое, бурное настроение.

С таким настроением только бить фашистов, покрошил бы их несколько душ.

Послала два письма – одно Апостолу, и второе на станцию Хитола (**Хийтола – узловая станция Октябрьской железной дороги на 173,0 километре перегона Кузнечное – Алхо*), товарищу Степанову.

Бурные письма – по настроению, вот, скажут, дурёха – ну, ничего, надо же пареньков поддержать.

Время сейчас горячее.

Ну и у нас, не как у лягушек, тоже бьёт горячая кровь.

Сегодня дан приказ ему на Запад, чтобы освободили комнату № 1 на Боровой.

Хватит дурака-то валять, иди в цех, а то засиделась.

Сидишь уже, наверное, с полчаса.

Живучи на веку, повертишься и на сиделке, и на боку – как сказал Кирилл товарищу Сталину, от которой поговорки Сталин расхохотался (**Советская классическая проза. Панфёров Федор Иванович. Книга Бруски. Где-то пишут Том 2-й, где-то книга IV*).

Вечером, попив с Титовым чайку, пошла на территорию, и вот, слышу очень сильную стрельбу в направлении Финского залива.

Наверное, Балтфлот купает фашистскую акулу.

Постояв минут пять, послушав стрельбу, хотела пригласить к себе Титова, вдруг, в 20:35, даётся сигнал «В.Т.».

Погода был пасмурная.

Тревога продолжалась 20 минут.

Ничего особенного, прошла спокойно.

Сейчас опять иду на берег, слушать стрельбу.

Сегодня приехал М.К. Русских, который ездил разыскивать эшелон, и разыскал кое-что; когда он ехал в обратный путь, сошёл на станции с эшелона, их задержали.

Взял он свою кружку, налил воды, взял кусок омлета, ест, и запивает.

Вдруг показываются три вражеских самолёта, и начали бомбёжку того эшелона, с которым он только что приехал.

Ну, а он бежать.

Отбежал метров 200, показалось мало, он ещё бежать.

Потом началась стрельба по самолётам.

Когда всё кончилось, он хватился своей кружки, и нигде её не нашёл.

В Акуловке, когда он ехал с военными, показался в воздухе низко фашистский стервятник.

Это было по всем приметам, но наши зенитки сбив его, оказалось, что наш самолёт.

Лётчику ранили руку в локте.

Через 5 минут, в 21 час, дали снова «В.Т.», которая длилась 20 минут.

Прошло всё спокойно.

Сейчас иду опять на берег, послушать команду Балтики.

Тихо спит она, но зорко охраняет свои границы, свой любимец Ленинград.

5/VIII/1941

5/VIII. Добрый день, А. Н., пора вставать.

Сводка:

Направление Холмовское, Смоленское, Белоцерковское.

Сегодня опять написала едкое письмо директору.

Вот несчастье, эта Катушка.

Когда с неё я выберусь.

Так мне хотелось осуществить это в отпуск, но помешал этому, сволочь, Гитлер.

Пошла на бревёнку, просидела, и вспомнила про диспетчерское совещание.

Запоздала на 10 минут.

Получила замечание от директора Фабрики.

Сегодня “Гл. инженер” уже давал свои глупые распоряжения.

В 12:35 как раз передают статью, где рассказывают, что за 40 дней сбито около 100 самолётов.

Вечером пошла ночевать к Нюре Цветковой, выпили бутылку портвейна, и легли спать.

6/VIII/1941

6/VIII. Встала в 7 часов утра.

Сегодня опять настроение неважное.

Когда же всё это кончится.

Завтра выходной день – не знаю, поеду или нет, домой.

Ночевала всё же на Боровой.

7/VIII/1941

7/VIII. Обрадовалась, как маленькая, что у меня выходной день.

Целый день провела в городе.

Обошла Пассаж, ДЛТ, Гостиный, и Апраксин.

Вечером выпила кружку пива, крепко поужинала, и сидела, вышивала салфетку, так как днём купила белого полотна.

Здорово поспорила с Ниной Дитиной, которая так панически настроена о ходе военных действий.

Высказывается так, как не полагается честному советскому гражданину.

8/VIII/1941

8/VIII. Встала в 6 часов утра, вместе с последними известиями.

Направление:

Холмовское; Кексгольмское, Смоленское, Белоцерковское.

Германское Информбюро подвело итоги 3-х месячной войны, в котором говорится, что фашисты уж очень сильно дерутся:

1) 16 фашистов уничтожили целый полк наших бойцов.

2) Далее сообщают о линии Сталина.

3) За 6 недель войны немецкое командование взяло в плен 895 тыс.

Танков – 13 145

Орудий – 10 388

Самолётов – 9082

Советское Информбюро разъясняет, что техника подсчёта такова, если допустить, что в захваченных районах осталось рабочих и крестьян, которых считают военнопленными, то эта цифра людьми возможна.

Далее Информбюро сообщает, что по подсчётам, потери Германии: 1,5 млн. убитыми и ранеными.

Наши потери 600 000 человек.

Захвачено и уничтожено 6000 танков.

Наши потери около 5000 танков.

Артиллерии 8000 орудий.

Наши потери 7000 орудий.

Самолётов свыше 6000.

Наши потери 4000.

Таков урон и потери за 6 недель войны.

Настроение сегодня, не сказала бы, что хорошее, но нельзя сказать и плохое.

Мне уж очень не нравится командование Фабрики – Анакин.

С комнатой пока не сделала ничего.

Сегодня домой не пойду.

Вот, опять, скоро проклятое диспетчерское.

Пойдёшь опять чесать языки, даже действуют на нервы.

Сегодня видела во сне, якобы я эвакуировалась.

Неприятный сон, как будто попала под обстрел, или бомбёжку.

На диспетчерском совещании здорово поспорила с гл. инженером, такие даёт бестолковые распоряжения, сам ровным счётом ничего не знает, а хочет показать себя хозяином.

Бьюсь до победного конца, не изменяю своего упрямого характера.

Что будет, всё равно, настою на своём.

В 4:30 иду с 4 поста, и вдруг, слышу гул.

Посмотрела на Неву, идут 3 военных катера, наверное, подкрепление в Кексгольм (**Ныне: Приозерск*).

Приятно было на них посмотреть, идут по-боевому, быстро.

В 17:30 дали сигнал «В.Т.».

Продлилась 18 минут, ничего особенного.

В 9 часов пошла ночевать к Нюре Цветковой.

Она встретила меня в проходной с сумкой, и в ней графин, для пива.

Только перешли дорогу, пошёл дождь, но мы следовали дальше.

Дойдя до Палевского, ударил сильный дождь, мы спрятались под крышу пивного ларька.

Нюра в дождь пошла, купила пива 3 кружки, и мы в дождь пошли к ней.

Закусили селёдкой.

Настроение моё было не плохое.

Я поиграла на гитаре, и спела несколько песен – вернее, помурлыкала.

9/VIII/1941

9/VIII. В 6:30 была уже на Фабрике, до 8 час. занималась рукоделием.

Не могу бросить свою привычку что-нибудь, да надо делать.

С утра что-то не везло в цеху.

Станки плохо работали, но к 9 часам дело наладилось.

В 8:30 утра вернулась смена «Б» из Кингисеппа.

Воздушные налёты заставили их покинуть оборонные работы, и вернуться обратно.

6/VIII сбито 2 вражеских самолёта, есть жертвы среди оборонников.

В 12 часов сообщили по радио, что восстановлены дипломатические отношения с Норвегией.

Как это приятно.

Как растут с каждым днём симпатии к Советскому Союзу.

Об этом не должно быть и сомнения, они должны быть, есть, и будут.

Сегодня получила письмо от Коли Ульянова.

Тот час же написала ему ответ.

С ответами к бойцам никогда не задерживаюсь.

22:10 вечера – надо закончить записью о сегодняшнем дне.

Погода была пасмурная.

К вечеру настроение моё тоже испортилось.

В 2 часа вызвали к директору Фабрики.

Анакин заявил, что надо ещё отправить 120 человек на оборонные работы.

На мой цех пало 15 человек.

Отправляю из смены «Б» 3-х человек, из смены «А» – 9 человек: Прядичева, Савину, Строеву, и Постюковича.

Кроме того, предложили ехать одному из нас: или Русскому, или же Ерофееву.

Русского отправлять что-то жалко.

Пусть лучше едет Ерофеев, он что-то последнее время гоняет лодыря, работает со своим штатом совершенно не по-военному.

В 2 часа встретила А.Э. Грубе.

Моя симпатия на всю мою жизнь.

Какой он всё же хороший человек.

Вот о таких людях, как он, всегда отзываешься хорошо.

В 4 часа было партсобрание (**Собрание членов партийной организации)*.

Ох, этот “директор”, Анакин.

Доклад был скучный, сухой.

Ох, как испортило настроение это собрание.

Как надоело управление Фабрикой.

Такая бражка (**Фразеологизм: бражка – это смесь дрожжей и сахара для создания алкогольного напитка самогон, здесь же подразумевается, как страшная смесь*).

Когда-то всё это раскопают.

Подлец на подлеце сидит, другой погоняет.

Скрывают свои шкуры от Армии.

Вот бы кого на передовые, здесь нечего им караулить женские юбки, да брюшко своё отъедать – нет.

Свой своего не укусит, наоборот, отстоит.

Давно собираюсь сообщить в Райком Партии об этих проделках, но всё думаю, будет лучше, но всё же когда-то, наверное, выведут из терпения – сообщу.

Двум смертям не бывать, а одной не миновать – всё равно не хорошо.

Послала два письма: одно товарищу Ульянову, второе – Апостолу.

Такое весёлое ему послала письмецо, и свою страшную рожицу – не знаю, как он её примет.

У меня к нему такое расположение, чтобы поднять его боевой дух.

Правда не знаю, приятны ему, или нет, мои письма.

Ох, если бы я знала, я бы сразу же повернула руль в ту, или иную сторону, хотя сейчас и поздно, но лучше поздно, чем никогда.

Т.к. рулевой из меня не плохой, а он как раз краснофлотец (**Воинское звание рядового состава ВМФ СССР*), которых я в жизни не любила, а считала их за бабников.

Теперь, пока не получу ответа, буду молчать.

К вечеру мои тучи развеялись.

Вот уже 20 минут, я пишу, и пишу.

А в душе А …

Как хочу встретиться, и поговорить.

Наверное, я в эти дни поеду в район, и всё же уйду от всего этого на фронт.

Только бы послали меня в Эстонию… тогда бы всё.

Ну ладно, пора кончать.

Шурочка, иди в цех, проверь работу, и пора баиньки, ведь завтра опять ждёт новое, или хорошее, или плохое, наверное, плохое, завтра обещался приехать А.Э. Грубе.

Ну, ставлю точку, а в голове давно думаю составить поэму, или стишки, посвящённые…

Если составлю, то увидите, он будет преподнесен первому…

10/VIII/1941

10/VIII. 11 часов дня, сообщение Информбюро.

С 7 на 8 августа наши самолёты совершили налёт на Берлин.

С 9 на 10 августа, тоже, были повреждены военные объекты, и видимы пожары.

В ночь на Москву совершили нападение фашистские стервятники, сбито 8 самолётов.

Наши потери при налёте на Берлин – один самолёт разыскивается.

Вчера мне рассказали анекдот:

Пошла одна дама покупать ботинки и десяток яиц.
Голова была забита другими мыслями.
Заходит в обувной магазин и говорит:
“Покажите мне 42-й размер яиц”.
Продавец магазин был маленький ростом, и говорит:
“Что вы, гражданка, таких размеров у нас не имеется. Зайдите в соседний, там есть покруппее”.

В 12 часов слушала последние известия, где передали, что в 14 часов будет общеславянский митинг.

14 часов: волна 19.37, 19.75, 19.47, 21.79, 22.72, 24.51, 50.93 и т. д.

Митинг всеславянских народов (**Вероятно, имеется ввиду: I Всеславянский митинг в Москве. Воззвание ко всем славянским народам "Братья угнетенные славяне!"*)

Русский писатель Алексей Толстой открывает митинг.

Как равные среди равных, все объединились на уничтожение фашизма.

Речь длилась 18 минут.

Польский генерал, чешская писательница, хорват, болгарин и др.

Уже стали мешать передаче, и говорили не на русском языке.

Ничего не понятно, не стала слушать, да и некогда.

Дали военный заказ, надо готовиться к нему.

Здорово поспорила с Федей Титовым.

Ох, и мужик же, хуже захудалой бабы.

Язык такой, что хоть привяжи.

Сегодня одно, завтра другое.

За все мои противоречия, и упрямство, я чувствую, начинают на меня нападать.

Но ничего, себя в обиду не дам.

В 20 часов, как всегда, пришла смена товарища Ерофеева, и я ушла ночевать к Нюре Цветковой.

Взяла с собой работу, в 12 часов легли спать.

Где-то вдали раздавались орудийные выстрелы – глухо-глухо.

Я боялась, что будет «В.Т.», но проспала спокойно.

11/VIII/1941

11/VIII. Соскочили в 6:20, собрались быстро, и пошли на Фабрику.

Опять что-то на правом берегу были слышны выстрелы.

Сейчас 7 часов, слушаю последние известия.

Шли бои 10 августа на Солецком, Холмском, Смоленском, Белоцерковском и Уманском направлениях.

За 9/VIII сбито 45 немецких самолётов.

Наши потери 25 самолётов.

С 8 на 9 августа сбито 10 самолётов противника, при налёте на Москву.

Налёт немецких самолётов на Москву с 10 на 11 августа.

Пробрались одиночные самолёты.

Есть убитые, и раненые.

Возникли пожары жилых зданий.

Военные объекты не пострадали.

В 12:34 дали «В.Т.», длилась 26 минут.

У нас прошло спокойно.

На 5-м Г.Э.С. (**5-я Государственная Электростанция "Красный Октябрь" Ленинградского Совета Народного Хозяйства Ленинграда. Построена на юго-восточной окраине Ленинграда в 1922-м году в районе Уткина заводь*) передают, были разрывы бомб.

А во вчерашнюю вечернюю пальбу, бомбили Тосно.

Не знаю, сколько правды, т. к. это чужие разговоры, а не видела сама.

Утреннее сообщение.

Направления: Белоцерковское, Смоленское, Уманьское и Эстонское.

7 часов вечера, митинг всеславянских народов.

Выступали Ванда Василевская, Янко Купала и др.

Сегодня насмешила здорово Заикина.

Она рассказывала, как бомбили их под Кингисеппом, на оборонных работах.

Вот, говорит, умываюсь я в речке, река глубокая, вдруг вижу, летит фашистский самолёт над самой моей головой, низко-низко, остановился надо мной, посмотрел и помахал рукой.

Я так испугалась, голову спрятала в колени, и сижу.

Долго сидела.

Я ей говорю: наверное, ты ему не понравилась, т. к. очень чёрная, если бы была красивая, тогда бы он тебя посадил в самолёт и увёз в Германию, но, наверное, не понравилась.

Вечером нервничала из-за светомаскировки (*С*крытие от наблюдения воздушного и наземного противника световых демаскирующих признаков войск и сил, военных объектов, промышленных районов, и населённых пунктов, и их имитация на ложных объектах*) в цехе – не знаю, что и делать.

12/VIII/1941

12/VIII. Послушала бегло Информбюро.

Направление: те же.

Как близко враг стоит к Ленинграду, не знаю, что и будет.

Ночь прошла спокойно.

Во сне видела прежнюю свою симпатию З.З. Гущу – не знаю почему, но как-то это было приятно, всё же сказывается – я его люблю, по-прежнему, за его простоту и весёлость.

Эх, З.З., ещё бы раз хотя встретиться с тобой и, наверное, встретимся, по крайне мере у меня такое предчувствие.

Днём приезжал Власов, по части спецзаказа.

Сижу около 6-ти часов вечера, вдруг ко мне приходит Боря Чижов, и говорит, что с воздуха поймали бумажку (листовку), я её прочитала, и под сукно, а потом передала директору.

Сволочи, кто сочинял эту бумажку, и кто её пускал, мало тому свинца, надо бы что-нибудь покрепче.

Грязные уста, ещё обращаются:

“Товарищи красноармейцы, не слушайте провокаций, что над вами издеваются – это ложь. Избегайте провокаций и переходите к нам”.

Мне противно записывать эти слова, рвёт моё сердце на части.

Вот, сволочи, идиоты, не нахожу даже слов, как выругать за эти провокации.

Не поздоровится вам, и никто вашим листовкам не поверит, и едва ли кто к вам перейдёт, и так вы отравили нашу счастливую спокойную жизнь, а сейчас ещё пускаетесь на такие подлые авантюры – нет, ничего не выйдет.

Пуля вам в лоб, прохвосты!

До 9 часов вечера сидела на Фабрике, а потом, поругавшись с механиком, ушла ночевать к Нюре Цветковой.

Вечером написала записку Васе Виноградову, и вложила в Нюрино письмо.

Одновременно прочитала её письмо к Васе.

Какая холодность!

13/VIII/41 г. Получила письмо от Пети Бецелева – надо ответить.

13/VIII/1941

13/VIII. Встала рано, хотелось ещё поспать, но Нюра уходит рано и вот пришли на Фабрику в 6:30 утра, я зашла в Штаб, хотела прослушать последние известия, помешал “директор”, что-то разговаривал по телефону, и всюду величал себя директором – то же, не директор.

Сегодня настроение не поймёшь.

С утра было очень плохое, т. к. сводка была очень скромная, но днём что-то сразу прояснилось.

Какая-то бурность во мне, какое-то предчувствие.

По-моему, сообщат в ближайшие дни, и интересное, в нашу пользу.

Будем ждать, а сейчас, А. Н., иди, пообедай, а то очень хочешь кушать.

В 4 часа слушали лекцию, по тушению зажигательных бомб.

Народу было много, полный красный уголок (**Помещение, отведённое для культовых коммунистических мероприятий (партсобраний, приёма в Партию, Комсомол, пионеры), а также под нужды агитации и политического просвещения*)

Лекция ничего, понравилась.

Был сегодня Шведов, и сообщил, что 10/VIII 41 года, сволочи-фашисты, заняли Кингисепп и Волосово.

Верится не совсем, но разговаривать ни с кем не буду, разве с Соколовым.

Дальнейшее покажет.

Пусть это останется в моём дневнике.

Но мы в Ленинграде спокойны.

Но он же сообщил, что под Псковом в тылу осталось 48 точек (**Огневые или пулеметные точки*), за которыми фашисты охотятся, но никак не могут найти их.

И вот, эти тыловые точки, бьют наступающего врага в затылок.

У меня почему-то предчувствие, что скоро дадут ему жару, опомниться не успеет.

Завтра выходной день, но я сегодня дежурная.

14/VIII/1941

14/VIII. Ночь прошла спокойно.

Разбудили меня в 7 часов, и просидела у директора до 8 час.

Вопрос решался об оборонных работах.

Мужчин послали всех, остались у меня: Егоров на бревёнке, и Иванов Арсений.

Ничего, будем работать, не сдадим темпов, и не подведет Арсений.

Днём съездила в Райсовет (**Районный Совет народных депутатов, представительный орган государственной власти в районе*), по одному делу.

Меня выбрали в эвакуационную комиссию по эвакуации детей.
Комиссия в составе: Боровикова, Басов, Огаркова, Романова.

Вечером было совещание, после поездки Басова в Райсовет.

Места для эвакуации:

1. Вологда
2. Челябинск
3. Новосибирск
4. Иваново
5. Казахстан
6. Удмурская АССР

7. Киров
8. Молотов
9. Свердловск
10. Омск
11. Актюбинск
12. Караганда
13. Павлоград
14. Кзыл-Орда.
15. (**Цифры стоят, но названия пункта в блокадном дневнике не написано*)

Еду домой, приехал Павлуша Ерофеев.

Так обрадовалась, что забыла взять с собой сумку с грязным бельём.

Так завозилась за неделю, как чёртик, ходила грязная, не похожая на начальника.

Приехала домой, и ужаснулась.

Чёрт-Ленка в моей комнате пьянствовала с кем-то.

На столе у меня такой хаос!

Грязные тарелки, хлеб, в бутылке вино, и пустые бутылки, сварен суп.

Ну, я прибрала посуду, убрала всё в комнате, легла спать, ну, конечно, немного выпила сливянки (**Сливовая наливка или настойка*).

Вдруг, ночью слышу стук.

Оказывается, лошадь-Ленка, ждала-ждала меня, и решила ехать за мной, на Фабрику, а я в то время уже спала дома.

Так я ей не открыла дверь, уж очень хотелось спать.

Я знала, что она придёт, и разгонит сон.

15/VIII/1941

15/VIII. Встала вместе с радио, в 6 часов.

Сразу же пришла ко мне Ленка, крепко позавтракали, и я поехала опять, на Фабрику.

На 14/VIII шли бои на всех участках фронта, от Ледовитого океана до Чёрного моря.

Наши войска оставили город Кировоград, Первомайск.

Ничего, не радуйся, Гитлер, посмотрим, как побежишь обратно.

Я уже купила карту Западной Европы, скоро будем смотреть на запад, как они будут драпать.

Ну, хватит писать, время уже 8:25, пора начинать работать.

Днём составила список на эвакуацию женщин с детьми.

Карпова устроила целый концерт, но потом утихомирилась.

Не хочет уезжать.

Я бы сама уехала, вернее, только свезла бы домой вещи, а потом снова могла бы быть здесь, для защиты Ленинграда, если принесу какую-то пользу.

Откровенно говоря, жаль барахлишко.

Чёрт его знает, живёшь, как будто всё мало, а оставлять всё же жалко, особенно для грабежа фашистам.

В 13:05 была в столовой, дали «В.Т.», а я без задних ног побежала к себе, но «В.Т.» была только 6 минут, прошла спокойно.

В 15:40 дали опять «В.Т.», длилась 20 минут.

Утреннее сообщение:

Направление – Кексгольмское, Старо-Русское, Смоленское, Эстонское.

День и ночь прошли спокойно.

16/VIII/1941

16/VIII. День был бестолковый.

Встала в 7 час., в 8 час. пила чай, вдруг, звонит телефон, звонил Петя Бецелев, я думала Саша (картофельный жених).

Бецелев сообщил, что ранен в руку, и лежит в Госпитале.

Завтра к нему поеду, надо узнать, это моя обязанность, навестить.

День прошёл бурно, так, что некогда было взять дневник.

Сейчас 6 часов, спешу домой, в то же время надо записать прошедший день.

Прошёл он в том, что составлялись списки на эвакуацию, и т. д.

Ну, ладно, кончаю.

Спешит Кузьмич.

Еду.

До свиданья, Катушка.

Здравствуй, Боровая.

Приехала домой.

Такая скука – все надутые, все молчат.

Я напилась чаю, и легла спать, конечно, немного поработала иголкой.

Это моя болезнь, и не мешает война.

17/VIII/1941

17/VIII. Встала в 6 утра, вместе с радио.

Вечернее сообщение: бои по всему фронту, и какие-то коррективы, по уничтожению самолётов.

В ночь с 16 на 17/VIII был налёт на Москву, но самолёты не были допущены.

Вчера в 8:05 была «В.Т.», длилась 45 минут, прошла спокойно.

Сегодня в 6:45 опять «В.Т.», длилась 5 минут.

По призыву Комсомола (**Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи (ВЛКСМ)*) сегодня воскресник – не знаю, как он пройдет.

Забыла записать, когда я ехала домой, от Кузнечного шло очень много военных, и очень я их сожалела, т. к. они шли усталые, и нагруженные, а было очень жарко.

Впереди их шли другие военные, с собаками.

Воскресник по моему цеху проходит неплохо.

Сегодня в 16 час. я должна ехать к Пете Бецелеву.

Сегодня взяли в Армию М.К., очень жаль, уж он очень хороший мужик.

С ним можно поговорить обо всём.

В 16:30 поехала к Пете Бецелеву.

Оказывается, далеко.

Ехать больше часу, до площади Стачек.

Идя через площадь, вдруг, вижу фашистский самолет, танк, стоят на площади, и много кругом народу.

Но я спешила, и прошла, не остановилась.

Зашла к нему, в очередь ходячих.

Встретила его во дворе.

С ним были какие-то две дамы, но они скоро смотались, а мы с ним просидели больше часу.

Идя обратно по площади, тогда уж посмотрела на самолет, и на танк.

Такая махина, плюнула я на него, и ушла.

На Фабрику приехала в 8:45, и мне говорят – письмо.

Предполагала от кого, конечно, от него и есть – Апостола.

В нём дает он мне выговор, что я ему пишу редко, ведь я же ему послала три письма, верно, он их не получил.

Эх, Апостол, был бы ты здесь, да ещё бы…

Как жаль, что прошло то время, неужели не вернется.

Вспоминаешь семью.

Всё это прошло, и никаких надежд на хорошее будущее.

Пусть он останется хорошим товарищем в моей памяти, и то, я довольна.

Значит, не судьба.

Завтра пишу ему ответ.

Да, когда я была у Пети, видела раненых латышей.

В одного из них чуть не влюбилась.

Ха-Ха-Ха.

Старые традиции в части знакомства сидят ещё во мне.

Написала на сон грядущий Апостолу письмо, и чуть не заплакала, что-то так было скучно, и жаль его.

18/VIII/1941

18/VШ. Встала в 7:30, но не спала с 6 час.

Бои шли по всему фронту.

Сдали г. Николаев.

Говорили, что несколько германских полков опять разгромлены, на юго-западном направлении.

Интересно проходит жизнь.

Пообедав, иду домой, и встречаю своих работниц.

Нюра Цветкова принесла мне картошки и огурцов, в то же время передает пакетик Матвеева, с огурцами.

Напёрлась до ушей, едва пыхчу.

А бывает время, пожрать некогда.

Сегодня опять послала 5 человек на оборонные работы.

Настроение швах (**Оценочная характеристика кого-либо или чего-либо как находящегося в плохом, ослабленном, обессиленном состоянии; плохо, скверно*).

Ленинград спокоен, но до определенного времени.

Ленинград сейчас в очень опасном положении, если взвешиваешь всё по серьезному.

Что-то будет, через несколько дней, жаль только города.

Это никак не может уложиться в голову.

В этом-то мы уверены, что победа будет за нами, но жалко той разрухи, где пройдет фронт.

Сволочь, этот, Гитлер, какое на его голову проклятье.

Такое хорошее лето, такая погода, такой урожай, и эта, сволочь, топчет советские поля.

Несколько дней передают по радио – бои по всему фронту.

Как это тяжело, ведь надо дать отпор, на любом участке фронта.

Сегодняшняя утренняя сводка, как говорят, ошпарила, о сдаче Николаева, и Кривого Рога.

Чёрт прёт и прёт к угольной базе.

Что-то сейчас с Одессой.

Какая отрава эта война, для всех.

19/VIII/1941

19/VIII. Отправляется эшелон с женщинами и детьми.

Думали, направить в Омскую, сейчас направляем в Уфимскую.

Одно время предлагали мне поехать провожатым, с эшелоном, сейчас молчат.

Сегодня сказала Т. Павловна, что она имела разговор с Поповым, в смысле провожатого.

Попов говорит, что из Басова ничего не выйдет, т. к. он курица, а это действительно.

А Боровикову жаль отпустить, и лишаться инженера, а если я выпорхну с Катушки, то совсем расстанется со мной.

Оказывается, меня ценят, несмотря на мои упрямства. Ах, он Попик, все же он хороший человек!

Пора, Шурочка, бы спать, но ты опять берёшь перо в руки, чтобы записать остаток дня.

Очень устали глаза, так как весь день работала иголкой, вот тоже, привычка.

Часов в 9 вечера проводили занятия по Д.П.В., у 8 навеса.

Наши командиры работают неплохо.

Результат не плохой, но вот военизированная охрана себя подвела.

Вечером была в Штабе, и Попов рассказал про своих Моисеев.

> В своё время они все подали заявления в добровольцы, а сейчас они ходят по Казани, все штаны в ржавчине, не могут отстирать ещё с Акуловки.

Спокойной ночи, Шурочка, спи, пусть приснится тебе Апостол.

Но не приснился, утром очень скучала.

19/VIII/1941

19/VIII. Сводка:

Сдан г. Кингисепп.

Как это все тяжело.

Ведь совсем близко от Ленинграда, как говорится, рукой подать.

Удивляюсь, почему в Ленинграде спокойно, или его точка зрения – забрать Ленинград целым, и невредимым.

Но Ленинградцы так Ленинград не сдадут.

Окружающее спокойно, спала ночь спокойно, пишу, и распиваю чай, а там, на фронте, валятся, наверное, сотни, и тысячи трупов, идёт резня, не на жизнь, а на смерть.

Но моё настроение не сломишь, всё равно победа будет за нами.

В 10-м часу я вышла на бревёнку, и слышу гул с правого берега Невы – самолет, потом пошел на центр города, и вдруг слышу, стрельба по нему.

Романова и говорит: почему не дают «В.Т.».

Потом уже дают «В.Т.».

Прошло благополучно, длилась 10 минут.

Сегодня по правому берегу тянутся обозы беженцев – крестьян на телегах, и с табунами коров.

Жаль смотреть на них.

Как жаль народ, так и скотину.

Куда идёт народ, бросая всё насиженное веками, что же ожидает впереди.

Да, жизнь.

Ведь, которые там родились, дожили до старости, вырастив внуков, а вот теперь, вынуждены покидать всё, и с небольшим скарбом (**Пожитки, движимое имущество, домашняя рухлядь*) двигаться вперёд, в глубь страны.

Единственное утешение, что они везут с собою скот, и все пожитки, не оставляя даже кошек, на растерзание и муки, в руки немцев.

Это хорошо.

Пусть зарвавшийся Гитлер, и его банда, всюду встречают мёртвую тишину, и никакой надежды на жизнь.

В 16:45 нахохоталась до слёз.

Это над сторожем б/баржи Егоровым.

Сегодня, в 3 часа ночи, он выкупался в Неве, не знаю, как ему, помогло, и вот, он сушился сначала в кипятильнике, а потом в сушилах.

В 16:30 он звонит по телефону 50, и спрашивает меня, сколько барышня распилили, я говорю: 49,6.

Затем взяла трубку, а Катя Янухнова и спрашивает его, как он выкупался, он говорит – обеими ногами.

В общем, мужик вскочил в воду по грудь.

Сидишь тоже круглыми сутками.

Целый день хотелось спать, и вот вечером, проводив всех, решила вздремнуть.

Слышала, кто-то заходил ко мне, или Нюра, или лошадь-Ленка, но я уже спала, и не хотелось повернуться.

Пробудилась в 8 часов вечера, сходила в Штаб, отметила свое присутствие, затем в столовую, покушала противного винегрету, стакан чаю с пирогом, и пошла на берег.

Прошёл военный катер, но я видела его только вслед.

Какая скука, какая отрава жизнь, безразличие, и нет конца – надо жить, и жить.

Ведь, откровенно говоря, я ещё не жила, но мне уже 37 лет.

Жизнь моя прошла в учёбе.

Вот, только встала на ноги, сейчас бы только жить, но вот опять волна.

Одеть, обуть есть что, но всё это сейчас не интересно.

Безразличная стала жизнь, ничего тебя не интересует, и в личной жизни.

Безразличная стала жизнь, ничего тебя в личной жизни не интересует (**Записано на другой странице. Вероятно, в другой момент времени*).

Ждёшь завтрашнего дня, а что он принесет.

Да то же самое, что и сегодня, те же неприятности.

Вставай в 6 час. утра, и целый день бегаешь, и ничего не делаешь, а устаешь, как чёрт.

Послала сегодня опять письмо в Нарву.

Паренька надо поддержать, хоть морально, в то же время он обижается, что его забыли.

Эх, Апостол, Апостол, красиво всё началось, но не знаю, чем кончится.

Каждый день мы с ним отдаляемся, всё дальше и дальше.

В то же время он молодец, его стойкость нравится мне.

Кроме хорошего, я о нём ничего не скажу, во всем виновата я сама.

Живу на сегодняшний день я только мечтами о нём – не знаю, он знает об этом, или нет, но по моим письмам он должен догадаться.

От Симы так ничего и нет, наверное, нет его в живых.

А жаль всё же парня, и жаль то, что я его не изучила, тогда как он мною интересовался.

Каждый день сердце ноет, и ноет, об них, этих сильных мальцах.

Ведь часто бывает так, когда потеряешь человека, только тогда начинаешь его ценить.

Многие женщины, девушки, увлекаются с выгоды.

Я на жизнь смотрю совсем по-другому.

Инженера считают чем-то высоким, не заглядывая во внутрь души человека.

Я никогда не ставила себя высоко перед Апостолом.

Дело в человеке, а не в марке, и звании чина.

Зачем мне муж инженер, когда я сама инженер, и к чему мне друг жизни, именно только с высшим образованием.

Но мое увлеченье можно приписать к неудачным.

Виновата только я сама.

Интересно, как он, доволен, что связал свои узы с ней?

Вот, у меня есть дневник 3 лет, который писала я ещё в молодости, вспоминала, где я только Борю Шиляива, но он ушёл уже в область предания, да и он, наверно, меня уже забыл, разделяют 14 лет.

Встреча с А.И. Николаевым – это короткий, но красивый эпизод в жизни.

Где-то он, жив или нет.

Вот с ним я с удовольствием встретилась, т. к. эта личность осталась мною не раскрыта.

Интрига всегда интересна в жизни.

Последнюю интригу Апостола я раскрыла быстро, в виду простоты его характера.

Чем он нравился – человек сам не врал, и всему верил, следовательно, никогда в жизни не был обманут.

Что меня сейчас привязывает к нему, даже не знаю, ведь я знаю, что нас с ним разделяет крепкий барьер, и он уже потерян, для дальнейшего, параллельного следования моей жизни.

Но вместе с тем, в нём есть что-то притягивающее.

Пусть, останемся хорошими товарищами, и то, я довольна.

И то, будет какая-то надежда, в моей личной жизни.

Что-то он подумает обо мне, после вчерашнего письма.

Или просто сочтёт дурой, но, до этого, по-моему, он не дойдет.

Сейчас собираюсь сходить на бревёнку, хоть немного разогнать, или ещё больше нагнать скуку.

20/VIII/1941

20/VIII. Разбудило Информбюро.

Бои продолжались по всему фронту.

Особенно усиленные на Кингисеппском, Новгородском, Гомельском, Одесском направлениях.

Наверное, у Апостола горячее время, т. к. от него бои в 30 км.

Цех работал на погрузке баржи, хотели послать в Мурзинку, но я отстояла, пусть сходит Катушка, т. к. эта публика любит работу полегче.

В 12:45 дали «В.Т.», прошла спокойно.

На бревёнке не было бригадира, и я дежурила там, вдруг, вижу идут крейсера “Стройный”, и “Смелый”, идут медленно, на буксирах.

Какая красота Балтики.

Вот, наверное, дадут прочувствовать фашистской гадине.

Наверное, в Кексгольм.

Вечером в 5:30 было общефабричное собрание рабочих, с призывом, к защите Ленинграда.

Собрание прошло активно.

Ночевать поехала домой, правда поздно, в 8 часу.

В общежитии скука.

21/VIII/1941

21/VIII. Утром в 6:30 слушала выступление – обращение товарища Ворошилова, главнокомандующего Северо-Западным фронтом к Ленинградцам.

Сводку слышала плохо, т. к. Москву последнее время слышно очень плохо.

Да, полоса фронта недалеко.

Враг еще силён, но его сила будет сломлена, и сломлена окончательно, так что, зарвавшийся Гитлер, не выйдет из психиатрической больницы.

Там ему могила.

Сегодня четверг, но мы работали на погрузке баржи.

В 12 часов ко мне являются Шахмаширова, и Шваренгова, и, заявляя, что прибежали из Гатчины, и рассказывают многое.

Сначала я приняла очень близко, но потом, как говорится, махнула рукой.

Вообще публика любит поболтать, и создать паники.

Кто не осознает серьезности дела, а кто любит поболтать.

Сижу, пишу, а где-то вдали слышно артиллерийскую стрельбу.

Сейчас пойду проверю, я вообще, очень любопытна.

В 17:00 дали «В.Т.», прошла спокойно.

В 15:30 передают с вышки, что к Финскому заливу летят 6 фашистских самолетов.

На юге летают два самолета, но далеко, и не видно чьи.

Над Кировским районом самолет, на большой высоте.

В районе “Большевика” (**Ныне: Обуховский Завод*) кружатся самолеты, на большой высоте.

Рабочие цеха работали, на большой высоте.

Вечером темно, тепло, я отпустила рабочих.

Вечером в 7 час. было партсобрание.

Иванов А. категорически отказался записываться в рабочий отряд, по обороне Ленинграда.

Вот идиот, он проявляет себя так паразитически, как на работе, так и по общественной линии.

Считаю, Шашнев и Иванов способны кое-кого продать, чтобы спасти свою шкуру.

У меня, по крайней мере, такое предположение сложилось ещё при подписке на заём.

Вечером звонил Бецелев, и говорит, что завтра, наверное, уедет на фронт.

Просил, чтобы приехала Леля.

Вечером с Поповым пошла на баржу, что-то разговорились, он очень жалеет его.

Завязался разговор, я ему и говорю, что я хотела порекомендовать М.К. Русских начальником Катушечного цеха, а он отвечает, наоборот, я хотел поставить тебя.

Оказывается, он всё же меня ценит.

В 10 час. вечера я зашла к нему, а он мне и говорит:

“Ну, Боровикова, сегодня я рылся в столе, и нашел столько твоих заявлений, что ни один начальник за всю мою работу столько не писал”.

Недаром он меня раз назвал литератором (**Писатель, человек профессионально занимающийся литературным трудом*).

В 7:45 сегодня прошел пароход с Ладоги с ранеными, но, наверное, раненые легко, т. к. все сидели.

Время уже 11:30.

Пора спать, Шурочка, спокойной ночи.

Да, сегодня пришла ещё одна мысль в голову, об Апостоле.

Надо написать ему письмо, и сообщить, что вагонеток сейчас уйма, и нет споров.

Вот “достижение”.

Вспоминаются мне эти эпизоды с вагонетками каждый день.

Когда-то они, эти защитники Отечества, занимались такими мелочами, как делали вагонетки.

Кто посильнее физически, и горлом, тот никогда не стоял из-за вагонетки.

К таким героям я отношу и его.

Тот ли был спец, на этот счет хороший мастер, грузчик, и отвозчик, хорошо таскал горбыли, и т. д.

Дай бог ему здоровья, видеть ему хороший сон, и уничтожить потом не один десяток фашистов.

Сил его хватит, я в этом уверена.

В 11:05 передали, что 22/VIII будет учение на Балтфлоте, будьте готовы слушать арт. стрельбу.

Этому мы поверили сомнительно, учению, так как атмосфера кругом была сгущенная (**Фразеологизм: о приближении чего-либо неприятного, тяжёлого для кого-либо*).

Но мы готовы ко всему.

22/VIII/1941

22/VIII. Сегодня в 6 час. утра, исполнилось 2 месяца войны.

Ей богу, не знаю, какие проклятья на голову фашистам.

Информбюро сообщает, что 21/VIII шли бои на всех фронтах, особенно на Кингисеппском.

Сволочь, прёт к Ленинграду.

Гомельское направление – оставлен Гомель.

Сбито 21 самолет, наши потери 12 самолётов.

Передаваемые сегодня известия сжимали сердце, и так хотелось плакать, и плакать, несмотря на раннее утро.

Всё внимание в основном было уделено Ленинграду, какая угроза нависла над Ленинградом.

Ведь, откровенно говоря, нас ждёт или окружение, или вступление фашистского сапога.

Но нет, этому не быть, Ленинградский пролетариат не позволит фашистскому сапогу топтать священные проспекты этого славного города.

Грудью защитим город, применим все свои женские способности, и стойкость, в которую, правда, не верит Ерофеев, но сам, откровенно говоря, хуже самой захудалой женщины, у самого, наверное, ржавеют штанишки.

Жду с нетерпением учения Балтфлота.

Судьба наша, в несколько дней что-то должно решиться.

Но я ещё пока спокойна за Ленинград.

Считаю, жили мы в нём, и будем жить, не отдадим, и не уступим его красот, и ценностей, но разрух, конечно, наверное, будет.

> Попов вчера рассказывал, что фашисты идут: сначала мото-мех-части, затем полицейские отряды – сыщики, которые собирают всё, даже вплоть до ручек от дверей.
>
> Затем “СС”, которые забирают, и расправляются с советскими людьми.

Возможно, под свист снарядов и пуль, пойдёшь или же в бой, или же куда – не знаю, но что я не держу в голове.

Сегодня является публика, с Толмачево (**Посёлок городского типа в Лужском районе Ленинградской области*), с разными рассказами, но я им меньше всего верю.

Интересно я сейчас работаю, народу собралось человек 80, а один пилостав (**Рабочий, устанавливающий пилы на лесопильных рамах*), и ни одного мастера.

Вот, и крутись, и туда, и сюда.

Вертись, как говорил Кирилл товарищу Сталину, и на сиделке, и на боку.

Вот так сложилась жизнь.

Если я уйду на Боровую, то думаю, а что-то там делается, на проспекте села Смоленского, может быть, со стороны Рыбацкого уже прорвались фашистские танки.

Уйдешь из дому, думаешь, может быть, с Волковой деревни прорвался враг.

Думай не думай, а пожитки свои и забыл, которые наживал с таким трудом.

23/VIII/1941

23/VIII. Выходной день.

Две ночи ночевала дома.

Это большое достижение на моем личном фронте.

Ночь на 23/VIII спала очень неспокойно.

Снилось мне что-то, что мы с Поповым искали какое-то бомбоубежище, в подполье.

Потом видела что-то во сне Апостола.

В 8:20 дали «В.Т.», длилась 11 минут.

Длилась спокойно, но я с постели встала в 12 час.

Это была первая ночь, когда я повалялась за всю войну в своей койке.

Днём сварила щи, и выпила бутылку сливянки, с Ленкой, и Полинкой.

Вечером с Полиной выпили по кружке пива.

Днём с Таней постирала в Прачечной, ну, а вечером, конечно, поработала иголкой.

Не могу же я бросить своё единственное удовольствие.

За период войны я сделала уже многое.

Ниже помещу обращение товарища Ворошилова, к трудящимся г. Ленинграда.

Вклейка № 1. Статья «Ко всем трудящимся города Ленина».

Вклейка № 2. Статья «Двухмесячные итоги войны между Гитлеровской Германией и Советским Союзом»

Информбюро за 22/VIII: бои по всему фронту, особенно ожесточенные на Кингисеппском, Новгородском и Гомельском направлениях.

Новый трюк фашистов.

24/VIII/1941

24/VIII. Воскресенье.

Встала сегодня в 5 часов утра, так как ночевала дома.

Ведь мастеров нет, а рабочих назначено из 2-х смен, «А» и "Б".

На бревёнке тоже нет бригадира.

Надо спланировать работу, и обеспечить последней всех.

Вот, в 6:40 я была поэтому уже на Фабрике.

Пустили на две рамы.

Мастером назначили Прядичева.

Ничего, надо со всем мириться.

Утреннее сообщение: бои на всём фронте, особенно на Кингисеппском, Новгородском и Смоленском направлениях.

Ничего, сволочи, придёт время, достанется вам за всё, за эту агитацию (**Вырезка из газеты*):

Вставка № 5. Текст вырезки ТАСС.

Предыдущая страница говорит и о ваших потерях.
Ваш план, захватить Ленинград, не пройдет.
Да, Ленинград в опасности, но он спокоен, никакой паники.
Не будет Ленинград сдан, этого не было ещё в истории.
Притом Ленинград – это колыбель Пролетарской революции.
Приложим все усилия, и они не пройдут.
Вот этим мнением дышит весь Ленинград, победа будет за нами!

Вклейка № 3. Стихотворение «Не пройдут!» (Автор: Вас. Лебедев-Кумач)

Вот, мы, Ленинградцы, пока спокойны.

Спасибо нашим защитникам – Сталинским соколам, бойцам, командирам, политработникам и краснофлотцам.

А сколько симпатий советского народа к жителям г. Ленина.

Все они горят одним желанием, помочь нам даже морально, Ленинградцам, а это очень много значит.

Со слезами на глазах читаем все эти обращения.

Приведу ниже ряд выдержек из газет:

Вклейка № 4. Статья «Трудящиеся Москвы – Городу Ленина. Трудящимся города Ленина»

Проводится запись в рабочие отряды.
Из многих пошла Ленка Изовьева.
Вот молодец, девчина, хоть куда.
Нравятся мне такие люди.

Моя очередь добровольцем впереди, т. к. задерживает директор, а всё же, я никогда не выбрасываю этой мечты.

Но в цеху, кроме меня, не осталось никого.
Действительно, и здесь, в тылу, нужны руководители – командиры.
Но, по первому зову Партии, и Правительства, я в полной боевой готовности.
В 10:45 дали «В.Т.», до этого была слышно стрельбу в направлении Сортировочной.

Вклейка № 5. Статья «Фашистские злодеи найдут могилу на подступах к Ленинграду»

До этого я была далеко, на территории, и предполагала, что будет «В.Т.».
Так и получилось.

Но я успела к телефону вовремя, ведь директором установлено, что при «В.Т.» начальник цеха должен находиться у телефона.

Это 67-я тревога по счету, прошла спокойно.
Чёрт его знает, что и за жизнь пришла.

Настроение очень подавленно, сколько проклятий посылаешь на голову Гитлера каждый день.

Вечером угостила Попова папироской, он давно просил, чтобы я его угостила хорошими папиросами.

В 9 часов вечера была в Штабе, и выпросила фото из одной комнаты, с Палевского общежития, пусть будет, на память.

Очень хочу спать, но с час надо ещё просидеть, т. к. надо проверить светомаскировку.

Ночь будет тёмная, моросит дождь и холодно.

Бедные бойцы, как им холодно в такую погоду.

Вклейка № 6. Статья «Ленинградцы, с вами вся страна!»

25/VIII/1941

25/VIII. Спала ночь, как убитая.

Легла в 9 часов вечера, и в 7:30 едва-едва поднялась, очень не хотелось вставать.

Не знаю, почему так спалось, наверное, способствовала погода.

Погода холодная и пасмурная.

Сообщение Информбюро:

Бои велись на Кексгольмском, Гомельском, Смоленском и Днепропетровском направлениях.

Что-то перехватили, не поняла, как будто большие потери со сторона Румынии.

Сегодня торжественный день, явился ко мне один мастер, Рыбушкин.

Это для меня большое облегчение.

Как болит душа за последнее время, чёрт знает, что такое.

Я очень мнительна, уж что впадет мне в голову, думаю, думаю без конца.

Что-то видела во сне братишку Николая, но сон неприятный.

Утром очень скучала по Апостолу.

Когда же всё это кончится, когда начнем жить опять так, как 2–3 месяца тому назад.

В 4 часа была на бревёнке, иду, и слышу, поёт какой-то моряк.

Я смотрю, и думаю, уж не А…

Правда, на него не похож, но меня брало сомнение, всё же я побежала к себе, но нет, не он.

Какое сейчас во мне возбуждение, как хочу я встретиться с ним, и растерзать бы его на маленькие кусочки, от избытка чувств к нему.

Ничего, скромное желаньице, но это ведь всё мысленно, я на него не имею никакого права.

Но несмотря на всё, единственный интерес – встретиться с ним, хотя бы часа на два, и поговорить, и то бы, я была довольна.

Ну ладно, воюй, бей врагов, а когда вернёшься, домой, в свой семейный очаг.

Вот пишу эти строки, вдруг, ко мне звонит товарищ Крылов, давно я его не видела.

Ведь одно время, от скуки, я барахлила с ним, ну и сейчас, от нечего делать, поболтала бы с ним, но его перевели на другой участок, и сейчас не встречаемся.

А то посидишь на берегу, сходишь, выпьешь кружку пива, всё же повеселее.

Утреннее сообщение: бои на всех фронтах, особенно ожесточённые на Кексгольмском, Новгородском и Днепропетровском направлениях.

День прошёл беспокойно, как всегда.

Вечером приходил Бецелев, и говорит, что вылез в окно из оздоровительного Госпиталя.

Обещал зайти ещё завтра утром.

Немного поработала крючком, и в 10 часов хотела лечь спать.

Только легла, вдруг, пожарная тревога.

На улице темно, я едва нашла место условного очага пожара – это у силовой станции, но скоро ушла спать.

26/VIII/1941

26/VIII. День этот памятный на всю жизнь.

Когда я писала дневник, то ещё ничего не знала, узнала, что в этот день было одето кольцо блокады.

На Ленинград пришёл последний поезд, и мы порвали связь с так называемой “Большой землей”.

Так вот, это то первое кольцо блокады, отразится и на моих записях, в дневнике.

Но, напоминаю, что это только приписка, т. к. пока я писала свой дневник, что мы, многие Ленинградцы, не знали ещё об этом кольце блокады.

Пробудилась в 6 часов, прослушала сводку, и провалялась до 7 часов.

После ожесточённых боёв наши войска оставили г. Новгород.

Наши войска вошли в Иран, и продвинулись на 40 км (** *Иранская операция 25 августа – 17 сентября 1941 года*).

Вот не знаю как, встречают ли они сопротивление.

Вчера сообщила Ириша, что убили Колю Рощина – очень жаль, убивают таких хороших людей.

Сегодня опять требуют 30 человек мужчин на оборонные работы.

Не знаю, кого подберу.

Пришел опять товарищ Базинев, и поговорить некогда.

Сегодня сообщили, что Калугин ранен, и лежит в Тульской области, в Госпитале.

На бревёнке не осталось опять ни одного бригадира, пришлось взять Вайника.

В 2 часа только пришла из столовой, так сытно покушала, распирает бока.

Пишу, и жду утреннее сообщение.

Сейчас читаю газету от и до, в частности, ноту Иранскому Правительству (**17 августа 1941 г. правительству Ирана была вручена совместная англо-советская нота. В ней содержалось требование к Иранскому Правительству добиться выезда из страны всех немецких специалистов*).

Передавали письмо Горьковских рабочих Ленинградцам.

Какие всё же симпатии городу Ленина.

Слушаешь эти письма, или читаешь в газетах, слёзы выступают на глаза, за заботу этого славного города, который становится с каждым днём, всё дороже, и дороже.

В 15:25 дали «В.Т.», прошла спокойно.

Вот, читая во время «В.Т.» газету, увидела портрет этого славного лейтенанта Антонова, сбившего Ю-88, который я видела на площади Стачек 14/VIII, когда ездила к Бецелеву.

Сейчас была в Штабе.

Ей богу, чуть не всплакнула, опять посылают мужчин на оборонную работу.

У меня почти все ушли, остался только Тамаров, и последнего включили в список.

Ей богу, обидно, сидят такие, как Анакин, Соколов и другие, блестят штаны от сиденья на месте, а я посылаю 73-летних стариков.

Нет, хоть бы один из них пошёл добровольно, берегут свои шкуры, наживают карманы, и делают всё, что для них выгодно.

Желательно было проводить своих, так сделали все, проводили на свой счёт, сохранив своё имущество.

Кроме того, мне сообщили, что их всех устроили здесь рабочими, и служащими, чтобы отправить на казенный счёт.

Вот публика, они всегда умеют жить.

Какого чёрта, товарищ Попов поставил Анакина главным инженером, у которого в голове варит раз в сутки.

Работал начальником цеха, и то, был так себе, а сейчас, получил большой чин – почему, потому что умеет жить, и спасать свою шкуру, как говорится – маскировка вовремя.

27/VIII/1941

27/VIII. 6:25 вечера.

Только сейчас взялась за перо, чтобы оставить здесь, на бумаге, отметку, что 27/VIII жизнь течёт обычно.

Какой-то день сегодня, не скучный, и не веселый, просто не хотелось писать.

Бои по всему фронту.

За последние дни на подступах к Ленинграду сбит 101 самолет.

Вот, сволочи, как влечёт их Ленинград, хочется им напакостить нам.

В 16:30 дали «В.Т.».

Это 70-я тревога по счёту, но кроме редких выстрелов зениток, ничего не было.

Мы ещё не знаем ничего, всё спокойно.

Хорошо бы так прожить до конца войны.

Днём отправила всех мужчин, в том числе и Тамарова.

Завтра четверг – выходной день, но не знаю, использую я его, или нет, так как с воскресенья не была дома, да, откровенно говоря, и не хочется, так отвыкла я от дома.

Сегодня устроилась, и здесь неплохо, поставила пружинную кровать.

Сегодня поставила себе задачу, оставшихся рабочих всех обеспечить противогазами, а вдруг дадут «Х.Т.» (**Химическая Тревога*).

Послезавтра постараюсь провести занятие по «Х.Т.».

Собиралась под душ, но раньше поставлю рабочих на работу, а потом уж буду счищать с себя грязь.

Вечер бездельничала, только легла спать, потушила свет, вдруг, звонок, пожар в навесе.

Я говорю: “где горит?”

– “II-я рама”, – это звонила Ида.

28/VIII/1941

28/VIII. Встала в 6 часов, что-то не спится.

Сегодня выходной, спешу домой, уж 8 часов утра.

Приехала домой, очень хотелось спать, но так проболталась, и весь день не могла прилечь, и уснуть.

Легла спать уже в 11 часов вечера.

Как раз приехала Ленка, а разве с ней скоро уснёшь.

Всё же боевая девчина, люблю таких.

Наверное, скоро уйдёт на фронт.

Сегодня сообщили, что забрали Н.В.

29/VIII/1941

29/VIII. Встала, как всегда, в 6 часов.

Бои по всему фронту, наши войска оставили г. Днепропетровск (**Ныне: Днепр*).

За город “N” уничтожено до 10.000 фашистов.

Наши войска успешно продвигаются в Иране.

Иранский народ встречает их радостно.

Отдельные эпизоды говорят, что фашисты так готовили своё дело, чтобы нанести удар СССР с фланга, но эти их планы наше Правительство быстро раскрыло, и своевременно приняло меры.

Сегодня бурный день, очень болит голова, наверное, угорела дома.

С утра прибежали девчонки из Колпино, конечно, в панике, но я их отправила снова.

Потом была Нюра Цветкова, тоже почти плакала, вообще-то, она плакса хорошая, ну, а сейчас, подавно, если действительно что-то там было.

Я смеялась, как она сидела в крапиве.

Был Бецелев, проболтался почти весь день.

В заключение, получила письмо долгожданное, в котором он приглашает к себе, но не знаю, как отпустят, притом, как ещё пропустят.

На всякий случай я ему написала ответ, возможно не придётся ехать.

Ехать надо, или завтра, или же в субботу.

Это письмо принесло и радости, и неприятности,

В конце подписался: Ваш знакомый; и только?

Ну, что же поделаешь.

Пусть, останемся знакомыми, может и к лучшему.

Ночь цех не работал, поэтому я занималась вязаньем.

Часов в 10 вечера как бахнут.

Я думала, уже начинается бомбёжка, соскочила с койки, одела тапочки, и сижу.

Прошло несколько времени, и опять, второй раз удар, ну, тогда, я опять соскочила.

Очень хотелось выйти на улицу, но жутко, в цехе нет никого, и тьма.

Я не боялась стрельбы, но было жутко из-за темноты.

Опять всё же задумалась, насчет последнего письма, что значит “знакомый”.

Перечитала все прошлые письма, нигде ещё не было такой подписи.

Что ему вздумалось.

Ну ладно, как с его стороны, так буду отвечать и я, взаимно.

Как в лес, так и из лесу (**Фразеологизм: как поступаете с кем-либо, так вам и ответят потом*).

30/VIII/1941

30/VIII. Встала в 7 часов утра, разбудила меня боец-Ленка.

Радио молчит, ну я и спала спокойно.

Встала, привела себя в порядок, напилась чаю, и взялась за дневник, как раз сидит со мной рядом Курочка, и строчит письмо знакомому.

Вдруг, выстрел из тяжёлого орудия.

Интересно выйти, и посмотреть, но ещё успею.

Иван Анакин, говорят, пришёл из Колпино.

Как сегодня сообщило “Катушечное Информбюро”, здорово бомбили Мгу (**Мга – городской посёлок в Ленобласти*), и эшелоны с детьми.

Вернулись в Ленинград только вагоны, с вещами и детьми.

А фашисты строчили из пулемётов с воздуха, по укрывающимся детям.

Вот, сволочи, если только это правда.

Нинка Басова о ходе войны высказывается, как ребёнок, сама ничего не понимает.

Ну ладно, пора идти в цех.

В час сходила к зубному врачу.

Говорят, привезли хвойные доски, военный заказ, не знаю, на что перерабатывать.

Сегодня за 5-м Г.Э.С. всё время стрельба, всё же я на Апостола зла хорошо, а самой хочется увидеться с ним, а ехать-то всё же, наверное, не придется.

Сегодня, за период войны, первый какой-то напряжённый день.

Кругом, вернее, со стороны Рыбацкого, слышна стрельба.

Летает много самолётов, когда я была на бревёнке.

Сразу по правому берегу пролетало только 7 самолетов.

Три, наверное, с грузом, пошли в сторону Ладожского озера.

Счастливого им пути, сделать своё дело, и вернуться целыми, и невредимыми.

Обратно летело 3 самолета, наверное, за грузом.

Хорошо бы так всё прошло, ожидается хуже.

Сейчас работаем, а если потребуется пойти – подерёмся с фашистами.

Перед кончиной, муха и та злится.

Гитлер тоже перед своей смертью.

Будьте уверены, Ленинград не сдадим.

Ленинград был, и будет наш, этот славный, революционный город.

Сегодня опять получила военный заказ, уже приступили к выполнению.

Сижу, пишу, а сама всё думаю о “знакомом”, ждёт, наверное, и не дождётся, судя по его последним словам в каждом письме.

Вечером была на Палевском, в 3-х комнатах, и поужинала у Моти, немного вышла, и пошла на Фабрику.

Как раз военные привезли заказ, завтра приступим к выполнению.

Спала спокойно, но встала вместе с думой о знакомом, и последних словах его писем.

31/VIII/1941

31/VIII. Пробудилась вместе с радио.

Прослушала сводку, бои по всему фронту.

Не успела встать, ко мне звонят: направить 20 человек на оборонные работы.

Составила список, люди пошли безоговорочно.

С утра же приступила к выполнению военного заказа.

Работа горячая.

В разгар просились саблинские, сходить в Саблино, забрать вещи.

Сегодня тихо.

По всей вероятности, вчера был бой по десанту, так как говорят, была занята Ивановка.

Вот, сволочи, если правда.

Ленинград не сдадим.

Сегодня проливной дождь, но люди работают безоговорочно.

7 часов вечера, смена работает на спецзаказе.

Смена работает усиленно – вот молодцы.

Наверное, им надоело за городом, на даче, поэтому они так добросовестно работают, или просто дошло до их сознания, серьезность сложившейся обстановки.

Был сегодня Лебедев, с оборонного участка, вот приятно послушать такого рабочего.

У человека никакой паники, и неукротимый энтузиазм.

Очень сильно, но не часто, била артиллерия.

Сейчас 7 часов, слушаю последние известия из Москвы, и вдруг, удар такой, что стёкла дрожат.

Я ведь знаю тебя, непоседу, любопытную Сашу, ты ещё в юности прислушивалась к этой стрельбе, когда через голову летели 3-дюймовые снаряды, а ты собирала коров (**Граждан-*

ская война 1917–1918 гг., включая события Ижевско-Воткинского восстания (в момент наивысшего подъёма восстание охватывало территорию с населением более 1 миллиона человек (большую часть современной Удмуртии))).

На душе спокойно, что будет впереди…

Не унывай, Сашенька, двум смертям не бывать, а одной не миновать, но сейчас случайно умереть не хочется.

Сегодня весь день думала, и вспоминала знакомого, наверное, ждёт.

Время 10:30 вечера, я сидела, и обвязывала (**В вязании есть раздел – обвязка платков и салфеток*) платки бойцам в подарок, так же обвязала Ленке три платка.

Пусть вспоминает – тоже боец.

Хотела погулять по территории, но вышла в коридор, и очень темно, ещё стукнешься лбом, и будешь, урод.

По радио передавали, какие подлости творят гитлеровцы в Ленинградской области – дают подарки крестьянам, и разрешают работать в Колхозе, имеют цель, чтобы советский урожай забрать себе.

Одному крестьянину подарили часы, а потом его повесили на столбе.

Глава 4. Сентябрь 1941

1/IX/1941

1/IX. Начало нового учебного года.

Что-то вспомнилось прошлое, когда я была студенткой.

Так приятен был этот период, и день, когда собирались студенты со всех концов Советского Союза, каждый со своими впечатлениями, а сколько их было, за каждое лето, проведённое вне города.

Сидишь, бывало, на лекции и ждешь перерыва, чтобы поделиться со своими товарищами, – где-то они.

Сейчас вот сидишь, и вспоминаешь вчерашний день, и думаешь о сегодняшнем.

Ночью была слышна стрельба, из тяжёлых орудий.

Я вышла из кабинета, чтобы проверить, с какой стороны бьют.

Сначала было жутко, так как темно, и тихо кругом, цех не работает.

Слышала выстрелы за Химгазом (**Завод "Химгаз" (бывший "Нефтегаз")),* потом пошла спать.

Ночью, говорят, часов в пять, сильно стреляли, но я спала, и не слышала.

Я сплю крепко, за день набегавшись.

День прошёл спокойно, только вдали раздавались артиллерийские выстрелы.

Вечером, в 10 час., с Т. Павловной пошли ко мне, обошли бревёнку, и за 5-м Г.Э.С. было видно зарево.

В конце дня написала письмо "знакомому".

Извинилась перед ним, что не приехала, ведь может быть, была бы последняя встреча.

В 7:30 отбор на военную учёбу, в тыл ополчения (**Ленинградская армия народного ополчения (в составе действующей Армии в период 1/VII/1941- 20/VIII/1941 года); 20/VIII/1941 орган руководства военным обучением трудящихся Ленинграда переименован в Штаб обороны Ленинграда*), меня назначили командиром отделения.

Занятия не состоялись собралось мало, да и поздно.

Завтра, наверное, начнём раньше, ведь девчонкам надо попасть домой.

Мне-то всё равно, я проспала на Фабрике.

2/IX/1941

2/IX. Встала с Информбюро.

Бои по всему фронту.

Наши самолёты совершили налёт на Берлин, Кенигсберг, Данциг.

Один самолет не вернулся на свои базы.

В 7 час. звонит Попов, и просит выделить 4-х человек на оборонные работы.

Я послала 6 человек.

Вышла на территорию, а беженцы тянутся, и тянутся, по правому берегу Невы.

Орудийные залпы с утра раздаются кругом.

В 10:30 пошла на диспетчерский, почесать языком, потом маленько ругнула Вайнина, и ушла к себе.

В 11 час. передавали обращение к Ленинградцам.

Сегодня переселяют Рыбацкое, в город.

Пусть Рыбушкин едет ко мне на квартиру, всё равно дома не живу, тоже сберегут мне барахлишко.

Да, пришли решающие дни для Ленинграда.

Сегодня всё время радио обращается к бойцам, и жителям г. Ленина, мобилизует их, и предупреждает всё время.

Враг близок, враг на подступах к городу.

В воздухе сегодня часто жужжат самолеты, строчат зенитки, и слышна стрельбе из артиллерии.

Но в Ленинграде, вернее у нас, на Катушке, спокойно, так как за воротами я ещё не была давно, да и не хочется ехать домой.

Город будет наш, врагу не отдадим, город Ленина есть, и будет советским.

Окажем всестороннюю помощь фронту, отстоим Ленинград.

В 19:15 сигнал «В.Т.».

Наказ вышке наблюдать за воздухом со стороны Ладожского озера, и Завода “Большевик”.

Дала предупреждение вышке, следить за Химгазом, возможна высадка десанта.

Указала вышке следить за Рыбацким.

9:30, сижу, и вдруг, начинается передача радио хроники, выступает В. Инбер.

Это мягкий женский голос, она обращается к женщинам города Ленина, что враг близко, враг у ворот города.

Начала она с рассказов о первой бомбёжке Москвы, вдруг, диктор прерывает, и говорит, «В.Т.».

Заревели сирены, заревели гудки, и тревога длилась около 6 часов.

В.И. привела ряд самоотверженных примеров всего населения во время бомбёжек, призвала Ленинградцев, в дни нависшей угрозы, вести себя так, как вели себя москвичи.

9:45, залп артиллерийский, сижу спокойно, второй, третий.

Я в то время написала письмо “знакомому”, хорошее-хорошее, и порекомендовала вступить в ВКП(б) (**Всесоюзная Коммунистическая Партия Большевиков*).

В 12 часов вызывает к себе Соколов, и говорит, что представитель Райкома Партии поручил усилить охрану.

Вот, я надела двое носок, двое чулок, два пальто, и хожу по территории.

3/IX/1941

3/IX. Начался день с дежурства на территории.

Ночь тёплая (конечно, относительно), ясная, ни облачка на небе – светло.

Ночь очень подозрительная, в особенности для налётов.

Легла спасть в 5 час. утра, а в 9 была уже на ногах.

День очень ясный, но уже осенний.

Послала письмо “знакомому”.

Зашла в Заводоуправление, и вдруг, в 10:56, «В.Т.».

73-я по счету.

С севера на запад полетело 10 самолетов.

Со Штаба сообщают, что на станции Сортировочной высадились парашютисты.

В 11:10 слышен звук зениток.

К Сортировочной сильная стрельба.

«В.Т.» длилась 1:40, прошла спокойно, правда здорово били зенитки.

Утреннее сообщение: бои по всему фронту.

После усиленных боёв, наши войска эвакуировали г. Таллин.

В 19:10 «В.Т.» слышно сильную стрельбу, в районе Сортировочной.

Погода пасмурная, не знаю, как пройдет.

Сегодня собиралась домой, думала завтра съездить к знакомому, но передумала, всё равно не попадешь, надо пропуск.

Сижу, пишу, и слышно жужжанье самолетов.

С вышки передают, что с севера на юг летят 7 самолётов.

Приехала домой в 9-м часу вечера.

У Полинки был суп, вот мы разогрели суп, сварили картошки, напились чаю из ягод, и обожрались так, что хоть катайся по полу.

Посмеялись здорово над командой «ЖПА» (**Нецензурное выражение, означающее попу, ягодицы*).

4/IX/1941

4/IX. Встала в 6 утра.

Уже привыкла в это время вставать.

Ждёшь сводку, как не знаю что.

Бои по всему фронту.

Потом с Полинкой пошли в Прачечную.

Утром здорово стреляли, несмотря на пасмурную погоду.

Целый день на ногах: сначала стирала белье, сушила, гладила, и так прошел день.

Приезжала Ленка, опять я наварила супу.

Ленка купила наливки, я выпила две стопки, и опять за работу.

Вечером выпила 3 кружки пива.

Очень скучала по знакомому.

5/IX/1941

5/IX. Встала вместе с Информбюро.

Спала две ночи па Ленкиной койке.

В моей комнате Рыбацкие беженцы.

В комнате темно, тесно, и душно.

В 8 часов была уже на Фабрике.

Мне Нюра Цветкова выкупила всё: и рыбу, и сахар, и конфеты.

В общем, живу, в магазин не хожу, и у меня всё здесь есть.

Знакомому заготовила посылку.

Погода сегодня пасмурная, сама способствует защите Ленинграда.

Сама погода не довольна создавшимся положением, и обстановкой, вокруг Ленинграда.

Ленинград стал фронтом.

Как передали сегодня, вчера вечером, около “Красного Торфяника”, сброшено 4 бомбы, и снаряд из дальнобойного орудия.

Сегодня, говорят, обстреливали Завод “Большевик”.

Да, Ленинград стал фронтом.

Но я спокойна, потому и выкладываю всё на бумаге, потом, может быть, когда-нибудь вспомню эти исторические записки.

Вот, пишу сейчас, а звуки выстрелов не умолкают.

Сегодня с Поповым болтали с час, коснулись жилья.

Я ему сказала, что решайте скорее, чтобы Вас можно было вспомнить хорошим словом.

В 5:30 пошла под душ, мылась целый час, несмотря на стрельбу артиллерии.

Только что пришла к себе, хотела заказать селёдки, а у меня в кабинете полный запас продуктов.

Вдруг, в 6:45, сигнал «В.Т.».

В 7:05 сильная стрельба из зениток, и удар, по всей вероятности, где-то близко упал снаряд, так как большой клубок пыли.

Да, Ленинград стал фронтом.

Получили задание, выделить трёх человек на оборонные работы.

Вечером изучали гранату, и винтовку.

Снаряд упал на Ольгином, но не в дом, а на площадь, но окна в ближайших домах все побиты.

Вечером приезжает Гефлер, и говорит, снаряд упал на Разъезжей, и пробил 4 этажа.

Спокойной ночи, Саша, хотя ночь ясная, но стрельбы пока не слышно.

Ночует у меня Курочка.

6/IX/1941

6/IX. Да, спала спокойно.

Легла после занятий в 11 час., вдруг, в 12 час. ночи, звонят ко мне, и говорят, что в конторке мастеров свет.

Я послала Курочкину, там сидит член “ЖПА” (**Нецензурное выражение, означающее попу, ягодицы*), Высоцкая, включила свет, и сидит преспокойно.

Ну уж, дала я ей нагоняй.

С утра сегодня нервничала с посылкой людей на оборонные работы.

Не хотят люди ехать – надоело.

Какое кошмарное сегодня настроение, всё это несчастный случай с Кестнер.

Как неприятно выводит из строя человека, в такой тяжелый момент.

Вклейка № 7. Фото «На трассе оборонных сооружений».

Весь день непрерывно была слышна стрельба, есть предположение, со стороны Шлиссельбурга.

Вчера вечером упал снаряд на Глазовой улице (**Ныне: ул. Константина Заслонова*), это недалеко, где я живу.

Удивительно, снаряд пробил III-й этаж, а I–IV этажи остались невредимы.

Что произошло в доме, неизвестно, так как не подпускают публику.

В 3:15 сегодня снаряд упал на Мартынской улице (**После 1978 года вошла в состав улицы Ольги Берггольц*).

Когда я вышла на улицу, со свистом пролетел снаряд в том же направлении.

Здорово понервничала сегодня из-за языка Родионовой, что якобы снаряд упал на Завод Ленина.

Ну, одна старушка пришла ко мне, вся в слезах, и просится, чтобы я её отпустила.

Едва-едва пришлось её уговорить, ох, уж эти бабьи языки.

В 4 часа дня по радио выступал Кузнецов, и лётчик, товарищ Сидоренко, трижды орденоносец Кировского Завода.

День прошёл очень тревожно.

Всё время близко била артиллерия, и снаряды разрывались близко.

Как сегодня сказали мне, в Володарском районе за вчерашний день 20 человек убитых, и 70 человек раненых.

Вечером занимались военным делом, брали прицел из винтовки.

Результат у меня не плохой.

Потом сообщили, что в направлении Шлиссельбурга пожар, мы с Нюрой Курочкиной пошли на 6-й этаж.

Да, действительно, пожар был сильный, потом пошли ко мне.

Пришел Титов, покушали селёдки, выпили чайку, и вдруг, звонят, что у нас где-то свет.

Вот, мы пошли проверять, ничего особенного.

Да, на душе стало скучно, что-то с каждым днём становится скучнее.

Сегодня получила письмо от Коли Чижова.

Вот, пишу этот дневник в 12-м часу ночи, вдруг, подряд, 7 выстрелов, и взрывы.

Ну, сейчас ложусь спать, по не знаю, как пройдёт ночь.

Спокойной ночи, Сашенька.

Что-то весь вечер мне вспоминался случай знакомства в Петрозаводске, с директором Утильсырья.

Да, было лето, есть что вспомнить.

Самое хорошее впечатление – эта поездка по Финляндии, эти все мытарства (**Мытарить – подвергаться мытарствам; Мытарство – мучение, страдание, тяжёлые, неприятные хлопоты*).

Сколько впечатлений о природе, разрухе, оборонительных сооружениях, линии Маннергейма.

Вклейка № 8. Стихотворение «Ленинградцы, дети мои!» (Автор: Джамбул)

Вклейка № 9. Фото «Действующая армия. Части Н-ского соединения».

7/IX/1941

7/IX. Воскресенье, встала в 8 часов утра.

Видела во сне что-то знакомого, наверное, получу письмо.

Эх он, знакомый, знакомый, хоть бы встретиться на один час!

Сегодня пока тихо, погода пасмурная, моросит дождь.

Сама погода характеризует суровость Ленинградцев, неповадно и врагу.

Записанные 7 выстрелов оказались бомбами.

Это, сволочь, в такую темень воровски пробрался, и спустил бомбы, говорят, одна бомба попала в дом на Старо-Невском, на Полтавской.

Есть жертвы.

Дементьева пришла ко мне сегодня вся заплаканная, говорит, побило все стёкла, она живет у Завода Ленина.

Я отпустила её домой.

Сейчас сижу, пишу, и пью чай.

Погода сменилась, временами появляется солнышко, но тучи всё время ползают по небу.

День опасный для налёта.

Вот-вот может вынырнуть из-за облаков стервятник, и напакостит.

Сегодня пока тихо, наверное, фашисты отдыхают в воскресенье.

Вчера ночью была первая бомбежка с воздуха.

Ущербы пока неизвестны, но жертвы сеть.

Очень жаль детей.

Сегодня 2-й молодёжный воскресник (**Всесоюзный комсомольско-молодежный воскресник*), мы работаем нормально.

Вчера смотрела календарь 1941 года, и как хорошо было бы нынче отдыхать в праздники.

У нас было бы 3 дня.

В новый, 1942 год, у нас выходной день.

Вот, можно было бы провести время, не то, что как в прошлом году, везло знакомому.

11:15 вечера, я всё сидела, и ковыряла крючком (*_Вязала_).

Хотела лечь спать, но прежде, чем лечь, надо записать прошедший день.

День прошел спокойно, как многие рабочие называют:

– “Раз воскресенье, у Гитлера выходной день”.

По всей вероятности, уничтожили точку, которая обстреливала город.

Воскресений у Гитлера нет, он напал на нас как раз в воскресенье, со своим крестовым походом.

Сегодня училась стрелять, истратила патронов 10.

Била не очень удачно, укладывала все в 3–4.

Сегодня мне рассказали один эпизод.

> Во время вчерашней бомбежки Невского, И. Анакин мылся под душем, и вот, когда послышались взрывы, он с намыленной головой одел свои штанишки, пиджак, выбежал, даже не застегнув штаны, и спрашивает у Фофановой, где стреляют.

А ещё корчит из себя героя, то он видел самолет, который кружился от Московского вокзала к Финляндскому, и обратно, и вот, тогда-то он сбросил две бомбы на Невском.

Вот врун-вояка, лучше бы молчал.

Когда же он это рассказывал, я нахохоталась.

Сегодня был воскресник.

В 16 часов слушала митинг женщин, в общей борьбе с фашистами.

Митинг транслировался из Москвы.

Выступала Гризодубова, Троицкая, Барсова, Долорес, Ибаррури, и др.

Митинг длился с 16 до 19:30 вечера.

Вечером с Воеводиным вытянула кружку пива.

Ночую сегодня одна на галёрке (*_Верхний ярус в театре с дешевыми местам_), цех не работает.

Вот, пишу эти строки, далеко слышно 4 удара, вероятно, артиллерия.

Попов сегодня опять предлагает мне квартиру Факторовича.

Очень не хочется переезжать, главное, не нравятся соседи – Воеводин и Анакин.

Не хочу переезжать.

Ну ладно, Саша, спокойной ночи.

8/IX/1941

8/IX. Пробудилась в 6 часов, но потом, прослушав радио, прикорнула до 8 часов.

Шли бои по всему фронту.

В последнее время не плохие сводки, немцев крошат, и крошат.

Когда-нибудь, да их перекрошат, в основном, а остальные поймут мощь и непобедимость нашей страны.

В 10:02 дали «В.Т.».

76-ая тревога по счету.

Прошла спокойно, даже не слышно зениток.

Но погода была пасмурная, следовательно, опасная для немцев.

Фашистские стервятники воровски в такую погоду пробираются в город.

Говорят, вызвали Ив. Анакина в военкомат.

Ей богу, очень хочу, чтобы взяли его в Армию.

Такой трусишка на деле, а на словах – герой.

Ещё вчера этот герой высказывался, что снаряды летят без всякого свиста.

Тоже вояка, а ещё авторитет Фабрики.

Сижу, пишу, и что-то хочу сладкого.

Залезла в ящик, к своим запасам, которые берегла для знакомого.

Раз не пишет, то пусть не пишет, ну его.

Наверное, я испугала его последним письмом.

Ведь надо же что-то писать.

Раз мне бойкот, я ему тоже невестка, всегда в отместку (**Фразеологизм: невестке в отместку – назло кому-либо; мстя за что-либо*).

Вчера Катя рассказала анекдот:

> *Одна женщина очень часто беременела, и решила обратиться за помощью к врачу.*
>
> *Врач ей прописал пить крем-соду.*
>
> *Вышла она от него, и вспомнила, что не спросила, когда пить, до, или после.*
>
> *Вернулась. Врач и говорит, пей вместо …*
>
> *(*Текст обрывается).*

Сижу, и думаю, ехать мне, или нет на Боровую.

Что-то отвыкла я совсем от дому.

У меня здесь хорошая койка, и два матраца.

В 18:32 дали «В.Т.», такой был ураганный огонь.

Я очень любопытна, бегаю с телефоном и трубкой в руках, по кабинету.

Вдруг, летят три фашистских самолёта, по направлению к Смольному, ну и шла же по ним пальба.

Всё небо было усеяно дымками от зениток.

Но фашистские, стервятники спокойно, плавно, с выключенными моторами двигались вперёд.

С вышки сообщили, что очень большой пожар в направлении Московского вокзала.

Павел Николаевич Ерофеев предполагал, что горит “Красный Нефтяник” (** Здесь был сосредоточен один из основных запасов нефтепродуктов для Ленинграда. В 46 наземных резервуарах емкостью от 30 до 5000 кубических метров хранились бензин, керосин, масло*).

В 19:06 Ив. Анакин сообщил, что в направлении Васильевского острова виден пожар в 4-х местах.

Я сама смотрела в окно, и видела клубы дыма в Московском районе.

Чёрт его знает, всё же прорвался.

Вот как раз, как летели эти самолёты, и бил сокрушительный огонь зениток, на вышке сидели только две девчонки.

Из начальства кто-либо боялись показаться на вышке.

Рабочих отправили всех в бомбоубежище.

Мне пока что-то не страшно, что будет впереди – скажу и напишу в свой дневник.

Небо заволакивается дымкой.

Появились наши самолёты в воздухе.

Вечером сообщили мне, что летало 11 вражеских стервятников.

Ударов сбрасываемых бомб не было слышно.

Это можно сказать, было первое боевое крещение Ленинграда.

Ох, какая была паника у нас на Фабрике, не только у женщин, и мужчин, но и у руководителей Фабрики.

Даже говорили не своим языком, Анакин с Соколовым пошли на вышку, и пока они поднимались, стрельба усилилась, и они не показали носа, пока всё стихло.

Ох, и смех же был над ними.

Я лично очень злилась на себя, что не могу отойти от телефона.

Ей богу, в самые жаркие минуты, полезла бы на вышку, ведь я любопытна, мне всё надо видеть самой.

Из Штаба сообщили, что налёт был в количестве 44 самолетов.

Я во время «В.Т.» крадучись, слазила на вышку, посмотрела на Боровую.

Пока жива.

Потом пришла к себе, позвала Нюру Курочкину, и давай варить картошку.

Мне же Соколов поручил посмотреть по территории, нет ли листовок.

Было уже темно, и ничего не видно.

Угостила картошкой Титова, и Попова.

Потом с Титовым мы пошли на вышку.

Только поднялись на 4-й этаж, снова «В.Т.».

Я всё же поднялась, кругом темнота, но везде и всюду работали прожекторы, но это-по-моему, очень хороший ориентир для врага.

В 10:45 было слышно 2 раза сбрасывание бомб, в направлении Смольного.

Удары зениток не умолкают.

С вышки сообщают, что стрельба над городом усиливается.

В 11 час. взрывы в Московском районе.

Да, интересна стала жизнь – сегодня жив, а завтра, что будет, не знаешь.

Токарный и Катушку в 11:03 направила в бомбоубежище.

Зенитки бьют всё время ближе и ближе, а я как наблюдатель, записываю всё в этот дневник.

Анакин, как свекровь, всё ворчит, что якобы кто-то шумит в телефонную трубку, сидит, и отдувается.

Сижу с трубкой, а сама сильно хочу спать, хотя стрельба не утихает.

С вышки сообщили, что с Завода Ленина даются осветительные ракеты.

На дворе стала не просветная мгла.

Фашистские стервятники прорываются один по одному, и делают своё подлое дело.

Так прошло 8/IX, этот беспокойный день и, можно сказать, что это ещё первый, самый неспокойный день за всё время войны.

Если в субботу летали через нас снаряды, если тогда не знали, откуда и куда летит снаряд, хотя и не менее безопасно, здесь знаешь, что «В.Т.», ты предупреждён и сидишь напряжённо.

Сегодня не говорю спокойной ночи, Саша, так как время 23:35, а тревога всё ещё продолжается, и сколько ещё просижу с трубкой у телефона – неизвестно.

Сейчас, пожалуй, лягу с трубкой в койку, надоело 20 часов сидеть крюком.

9/IX/1941

9/IX. 0:00, «В.Т.» ещё продолжается, но пока тихо.

А спать я очень хочу, если бы кто знал, глаза не смотрят совсем.

А утром разбудит опять радио.

Звуки зениток опять начинаются и приближаются.

В 0:20 дано распоряжение подушечному цеху работать, так как нет непосредственной опасности.

Отбой «В.Т.» в 0:40.

Ох, кто бы знал, как я хочу спать.

Ну ладно, сейчас ложусь.

Пробудилась всё равно в 6 час.

Бои по всему фронту.

Под Смоленском шли бои 26 дней за г. Ельня, где уничтожено много дивизий и полков фашистов.

После чего наши войска взяли г. Ельня.

В 7:33 «В.Т.».

Это 79-я тревога по счёту, прошла спокойно.

В 10:42 «В.Т.».

В 12:00 «В.Т.», снова.

В 14:37 «В.Т.».

В 16:13 «В.Т.».

Слышно было сначала стрельбу, потом стало тихо.

С вышки сообщили, что на Мельнице Ленина пожар.

Да, действительно был большой дым.

Это во время «В.Т.» враг обстреливал город, и снаряд попал в нефтебак.

Самолеты жужжат, и жужжат в воздухе, по-моему, наши.

В 17:30 было слышно стрельбу зениток.

В 18:50 опять «В.Т.», прошла спокойно.

В 20:06 «В.Т.».

После того, как кончилась смена, мы с Нюрой поставили варить картошку в столовой.

Стали с Нюрой ужинать, конечно, пригласили Федю, мою симпатию по мнению Попова, Ха-Ха-Ха.

Вот публика, ещё мужчины, и занимают большие посты, а занимаются сплетнями.

Неужели нельзя поговорить с человеком, к Феде сверх товарищеских отношений ничего нет, ведь он же не в моем вкусе.

Бедный, где-то мой знакомый.

Сколько сыпалось шишек на мою и его голову, если мы относились, человек к человеку, как подобает.

Эх, знакомый, знакомый, неужели я тебя забуду, и сменяю на кого-то.

Нет, он будет всегда со мной, пусть в самую тяжелую минуту для меня, и для него.

Ведь только вчера я хотела ему написать завещание…

Да, знакомый, встретимся ли ещё мы с тобой, или нет, я думаю, встретимся.

Оторвалась с этим знакомым от темы сегодняшнего дня.

Только поужинала на 90 %, по радио передали «В.Т.», налёт (**В военное время налётом называют такую ситуацию, когда авиация или артиллерия противника начинают бомбить какую-либо территорию или объект*).

Нюра и Федя убежали, а я взялась за этот дневник.

Это уже 9-я по счету сегодня «В.Т.».

Так надоело, хорошо, что днём тревоги прошли спокойно, а что будет вечером, ночью – не знаю.

С вышки сообщают, что над Заводом Ленина красные ракеты.

Вот, сволочи, продажные души.

Сегодня уже было сообщение, по радио, и в газете, о вчерашнем налёте.

Вклейка № 10. Статья «Налёт немецких самолётов на Ленинград»

Я не знаю, какое проклятие этим оголтелым стервятникам за эти нападки на мирное население, в частности, на наш красавец, г. Ленина.

С вышки сообщают, что в 22:03, с Завода Ленина, даны две ракеты.

Удары зениток раздаются всё реже.

По направлению 1-го Г.Э.С. сброшены 2 ракеты, снизу вверх.

Вот сколько ещё, сволочей, продажных душ, обманщиков народа.

С вышки сообщают – стрельба зениток к направлению Пороховых.

Сижу, пишу, а сама снова хочу спать, ведь прошлую ночь спала мало.

Ночь тёмная, кругом стрельба, а я сижу одна-одинёшенька, цех не работает.

В 10:25, по направлению Бадаевских складов, пожар (**В сентябре 1941 года состоялись массированные авианалёты германской авиации, на территорию складов было сброшено 280 зажигательных бомб. В результате сгорело 38 деревянных пакгаузов и 11 построек, в которых находилось 3000 тонн муки и 2500 тонн сахара*).

Слышен гул вражеского самолёта, приближающегося ближе, и ближе.

В 10:40 на сушильный цех падают осколки зенитных снарядов.

В 11:45, над Заводом Ленина, дано 7 ракет.

Правее Московского вокзала – сильные взрывы.

У Финляндского моста – ракеты.

«В.Т.» окончилась в 23:32.

Ну, и уснула крепко.

10/IX/1941

I0/IX. Среда, поднялась опять, вместе с Информбюро.

Бои по всему фронту.

Умылась, обошла цех, и принялась за вчерашнюю картошку.

В 9:08 «В.Т.».

Сегодня мне сообщили, что пуск ракет – это условный знак для ориентира стрельбы зениток.

Придётся выяснить, чтобы иметь понятие.

Коварный враг всё же разобьёт себе голову.

Вклейка № 11. Статья «Кровавый враг разобьёт себе голову о гранитные твердыни города Ленина»

Придётся тебе, Сашенька, поработать ещё над своим дневником.

Ты материал записываешь последовательно, а вырезки поступают позже.

Ничего, наберёшь терпения, и будет память не только тебе, но и твоему поколению.

Вклейка № 12. Статья «Женщины всего мира – на борьбу против фашизма!»

Сама замечаю, что пишу свой новый дневник нескладно.

Как-то всё надоело, но раз начала, то надо продолжать.

Настроение сегодня швах.

Вернее, уже второй день.

Испортил всё это Попов, своей трагедией, ещё директор, а чешет языком хуже бабы.

Диспетчерское собиралось 2 раза, из-за «В.Т.».

Во время тревоги, 91-й по счёту, я была на бревёнке, и слышала пулемётную стрельбу – воздушный бой в направлении к Мурзинке (**Му́рзинка – деревня между Обуховым и Рыбацким*).

Видно было 3 самолёта, не поняла чьи.

За вчерашний день, за 9 тревог под Ленинградом, сбито 31 самолет.

Сейчас два часа дня, слушаю утреннее сообщение.

Бои по всему фронту.

Уничтожено 100 танков, 70 противотанковых оружий, и т. д.

Сводки последнее время стали очень хорошие.

Поэтому со злости и даёт, наверное, по 9 налётов на Ленинград.

Если за Ельну уничтожено 7 дивизий, то за большие города уложили больше своих бестолковых голов.

В каждую тревогу сбрасывались фугасные, и зажигательные бомбы.

Ночевала дома.

Во время «В.Т.» вышла в коридор, что там делается.

Вот эти матки собрались, сзади потомки, спереди дети, в больших платках, в зимних пальто, и скрылись, под аркой комнаты № 3.

Вот бабы, ждут, где спасенья.

Потом я пошла спать, и не слышала, когда кончилась тревога.

Вечером, при отъезде домой, получила письмо от знакомого.

Сколько принесло оно мне радости.

11/IX/1941

11/IX. Выходной день – четверг.

Обрадовалась, и целый день валялась в койке.

Дров подвезённых не было, кипятку нет, и жрать нечего.

Вот, девчонки сходили в баню, сожгли свои доски с койки, и приготовили обед.

Так напоролась (**Толковый словарь Ушакова: напороться – с жадностью наесться*), распирает бока.

Я так смешила девчат, что сегодня сожгли доски, а на следующий выходной день можно сжечь матрацы.

Интересный момент был вчера.

Когда я лежала в койке, и работала крючком, вспоминались детские годы, как я училась в школе, ходила домой из школы.

И в тот момент, я совершенно забыла, что я нахожусь в Ленинграде, уже взрослой, да ещё вдобавок, в военной обстановке.

За день было 11 «В.Т.».

Вот в 23 часа, сообщают «В.Т.».

Сразу же стрельба из зениток, и сразу же бомба, ударила так, что зашатались стены, долго не спалось.

Обидно до слёз на Попова, и всех пастухов Фабрики, кого-то корчат из себя.

Неужели думают, что кто-то будет гоняться за их штанами.

Ей богу, я на них так зла, что не знаю, как и выразиться.

Остались вот этот Анакин, Попов, Соколов, Воеводин.

Штаны блестят от сиденья.

Когда было стыдно, все записались в тыл ополчения, добровольцами, а как сейчас вызывают одного в военкомат, двое идут его отстаивать.

Так это длится, и повторяется каждый день.

Остались, и чешут свои языки, хуже захудалых баб.

Записались добровольцами, а сами ходят, штаны в ржавчине, и никак не отстирать.

12/IX/1941

I2/IX. Встала вместе с Информбюро.

В 7:30 поехала на Фабрику, пока нет «В.Т.».

Доехала благополучно.

В 8:58 «В.Т.».

С вышки Анакин сообщает, что с севера, к Заводу «Большевик», летят 25 самолетов, идёт стрельба, затем воздушный бой над Сортировочной.

В 9:32, на улице Ткачей разорвался снаряд, потом слышен другой, выстрел – разрыв.

Да, начинаем привыкать сейчас к этим звукам, и сотрясениям.

В 11 час. прибежали Белова, Родионова, Бажина со своими детьми на руках, так как в яслях разбило окна.

Обстрел района усиливается.

Пошла на диспетчерское, и получила два письма, одно от Виноградова, другое от знакомого.

Эх знакомый, знакомый, захотел водки.

Написала ему слёзное письмо, так как день был бешеный.

Кругом стрельба, разрывы снарядов, на Палевском, и других местах.

Опустила письмо знакомому, вдруг вижу, идет М.К. Русских – моя симпатия, грязный, с винтовкой, посидел немного у меня, и пошёл к директору.

Здорово сегодня поспорила с Анакиным, вырос от лаборанта до гл. инженера, ничего не знает, а из себя корчит, не знаю кого.

Зла на всю эту четвёрку.

В 13:55 взрыв снаряда, так неожиданно, что капнули чернила из ручки, когда я писала приказ по цеху.

Сидишь, сидишь, вдруг взрыв.

А обстреливают где-то близко, около нас.

Вечером написала письмо знакомому, скучное, но по настроению.

Вечер наступил пасмурный, и моросил дождь.

Такая темнота, что ничего не видно, но пришлось выйти, и проверить светомаскировку.

Думаю, что сегодня тревоги не будет.

Дежурит со мною сегодня Лёля Осипова, принесла мне огурчиков свежих, и малосольных.

Но в 9:35, «В.Т.».

С вышки сообщают, что в Кировском районе видно 4 пожара.

Сообщают, что против нашей Фабрики пускаются ракеты, затем из Фабрики Ногина.

Против нашей Фабрики стоит подозрительная машина, то включают, то выключают фары.

Тревога длилась 48 минут, прошла спокойно.

Спокойной ночи, Саша.

13/IX/1941

13/IX. Спала крепко, что не слышала сводки в 6 час. утра – это первый случай за всё время войны.

Бои по всему фронту.

После ожесточённых боёв наши войска оставили г. Чернигов.

Я так соскочила с койки, что больше не могла уснуть.

Вчера вечером с Лёлей легли спать, и очень долго разговаривали о знакомом.

Я рассказала ей, как мы к нему звонили, и узнавали температуру, в общем, от начала, до конца наших встреч.

Виновата я сама, и никто другой.

Сегодня тихо, пока нет «В.Т.», и не слышно канонады вдали

Вчера, с дальнобойных, снаряды ложились на Палевском.

Неприятны эти звуки близкой канонады.

Когда сигнал «В.Т.», тогда ты предупреждён, когда обстрел, ждёшь удара каждую минуту.

Как сегодня рассказывали:

1) На Палевском 2 старушки пили чай, когда упал снаряд, одной оторвало голову, другой ноги;

2) Одна школьница пошла к товарищу за книжками, пока он искал их, в соседней комнате, эту школьницу, сидевшую у окна, убило на смерть, мальчик остался жить.

Неужели это правда, с Леваневским, что он лежит в Москве, ранен, и который прилетел бомбить Москву (**Исчезнувший лётчик, который вместе с самолётом и экипажем в 1937 году пропал без вести*).

Но эти слухи от вольной публики, а она любит поболтать.

После диспетчерского, Попов посылает ко мне машину, пусть всё же прочувствует, что я на него зла.

Несчастные пастухи.

Сегодня приступили к оборудованию IV поста.

Каково-то положение сейчас, в Киеве.

Вот чёрт, лезет и лезет, где только берёт силы.

Погода сегодня пасмурная, и хмурая, сама погода способствует защите Ленинграда.

Ох, сегодня и ночь была.

Тёмная-тёмная, стоишь у окна, и не видишь просвета.

Когда во время «В.Т.» я была на бревёнке, то просто было жутко, идёшь, и можешь попасть в руки диверсанта.

А он вполне может пробраться с того берега, тёмные ночи, вполне может переплыть.

Охранники наши далеко друг от друга, причём любят подремать.

Сегодня собираюсь домой.

Отправила 14 человек на оборонные работы.

В 14 час. жду сообщения из Москвы, вдруг: “говорит Ленинград”.

Слёзы возмущения выступают на глаза.

Сидим в кольце, но духом не падаем.

Ленинград выступал для всего Советского Союза, три раза предупреждали публику, что: “говорит Ленинград, слушай Москва!”.

Первым выступил профессор одного института.

Не пустим врага мы в свой город, не будут ступать его сапоги по нашим проспектам.

Вот его основные слова.

Потом репортаж с Ленинградского фронта, но я спешу пообедать, надо же ноги волочить.

Ничего, всё переживём, а потом расцветём.

Слушай, родная страна, слушай, родная страна.

У микрофона слесарь, командир орудия.

Я не могу слушать спокойно, слёзы выступают на глазах.

Пообедала, зашла на бревёнку, проводила машину с дровами на Боровую.

Хотела выпить кружку пива, но у ларька много мужчин, и ушла на Фабрику.

Вдали слышен обстрел города, говорят бьёт по Фонтанке, и Садовой.

Вот идиот, несётся с одного района в другой, что-то интересует центр.

Неужели его желание бить женщин и детей, разрушать красоту города.

Кто бы знал, конечно, не из военной публики, а из гражданской, какое ощущение, когда бьет артиллерия.

Если есть сигнал «В.Т.», то ты предупреждён, слышишь гул моторов, то видишь их, то слышишь лязг зениток.

А эти снаряды – обстрел, можешь сидеть, ничего не думая, и готов.

Хорошо, если сразу смерть, а вот останешься калекой, кому ты тогда нужен.

До полосы фронта близко, звуки канонады раздаются всё время, и беспрерывно.

Одно плохо, что ещё плохо ориентируемся.

Я лично большой жути не переживаю, но неприятно, ведь каждый день одно и то же.

Жаль только богатыря города, города, созданного десятилетиями.

Ну ладно, отрыв – еду домой.

К центру города была всё время слышна стрельба.

Когда я вошла во двор на Боровой, Дуся, и Аля, с котомками за плечами, спереди ребята, побежали в бомбоубежище.

Вдруг разрыв снаряда, совсем близко, и они не знают, куда им деваться.

Зашла домой, ни души.

До 9 час. вечера никто не пришёл, я приготовила ужин.

Обстрел всё время продолжался.

Потом пришла Ленка, поужинав с ней, мы легли спать.

14/IX/1941

I4/IX. В 3 часа ночи дали сигнал «В.Т.», но я даже не слышала отбоя – проспала.

Утром встала с Информбюро.

Бои по всему фронту.

Опять здорово поддали фашистам на западном фронте.

Но крошат, крошат его, а он всё прет, и прёт.

Лезут, как тараканы на верную гибель.

Неужели Ленинградский фронт не поддаст им, как следует.

Да, пришло горячее время.

Мне жаль горячо город, и, боюсь остаться инвалидом.

Убьют – не жалко, пусть смерть, но за это хоть бы убить одного фашиста.

Погода пасмурная, моросит дождь.

Сама погода защищает город, придавая ему хмурость, и недовольство создавшейся обстановкой.

На Фабрике была уже в 8 часов.

Город-фронт, всюду проходят военные машины, замаскированные.

Движутся военные части.

А когда идёшь по Невскому, смотришь на эти разрушенные дома, сжимается сердце, и горит ненависть к фашистам, что они наделали, и что ещё наделают.

У Полинки отпустили Ваню, я её отпустила на свиданье, лежит он в Мечниковской больнице.

Звала меня, но что он мне – от жилетки рукава.

Долг вежливости, конечно, требует, до некогда разъезжать.

Вот сейчас 9 часов утра, а я ещё не была в цеху, решила записать, что накопилось за ночь.

Вчера вечером уничтожила все письма, от знакомого, и от Степана.

Опасно, что будет.

Больше всего я боюсь за карточку.

Послала знакомому, а она попала фашистам, а на карточке и письме я здорово ругала фашистов.

Да и надо их ругать, за такие гостинцы, которыми они угощают Ленинградцев, почти каждый день.

Вклейка № 13. Фото «Бойцы подрывного взвода МПВО Московского района, обезвреживающие и разряжающие фугасные авиабомбы, сброшенные фашистскими стервятниками».

Пишу вот эти строки, а артиллерийская канонада раздаётся совсем близко.

Но город Ленина будет наш, несмотря на то что враг стоит у самых ворот города, и скрежет зубами о его стойкость.

Смотрит в бинокль и ещё больше бесится, как говорят: “близок локоть, да не укусишь” (**Фразеологизм: и близко, да не достанешь*).

Вклейка № 14. Статья «Зорко охранять от врага наши фабрики и заводы!»

11 час. дня, настроение жуткое.

По радио выступает председатель Ленгорсовета, он выступает для всего Советского Союза.

Рассказывал, что враг стоит у ворот города.

Фашисты обстреливают город, мирных жителей, и рабочих, работающих на оборонных работах.

Но не сломить стойкость нашего города – не отдадим.

Предстоит трудная борьба, но мы победим, наше дело правое.

Выступал Герой Советского Союза, товарищ Данилов.

Обращение и привет Москве, Одессе.

На лётчиков Ленинграда возложена задача защищать г. Ленина с воздуха.

За последнее время враг несколько раз пытался совершить налёты на город, но не был допущен.

Одиночные самолёты воровски кое-где пробирались в город, и вызывали жертвы мирного населения.

Кто бы знал, с глубокого тыла, про все «В.Т.», артиллерийские канонады, лязг зениток, разрушение зданий, ежедневные обстрелы, ни за что не поверят жителям города, пережившим всё это.

Педуменко – боец с фронта из отряда Бондарева, в последнее время бондаревцы разгромили 4 полка.

Он собрал всю авиацию, и бросил на бондаревцев, но они сражались стойко, за спиной нас, мужественный, и стойкий Ленинград.

Перед лицом города, и всей страны, заверяем, что уничтожим, и отгоним фашистов от стен нашего города.

К.Б.Ф. (**Краснознамённый Балтийский флот*) Бабкин:

“Всем привет, нам выпала большая честь защищать город Ленина. Балтийцы борются с врагом (в том числе и знакомый). Родина поставила нас на боевую вахту, будем её выполнять честно. И все морские, и береговые морские силы, пока бьётся сердце, пока шевелятся руки и ноги, врага не пустим в Ленинград”.

На этом закончилась передача из Ленинграда.

Выступала Москва – слёзы на глазах.

Мы с вами, Ленинградцы, говорит голос диктора, шлём всем горячий привет.

Говорит Киев, но радио работать стало плохо.

14 час., уже 3-я тревога сегодня.

В 12:29 на Завод Ленина упали две бомбы, одна в нефтебак.

Возник пожар, были большие клубы дыма, но потушили быстро.

После тревоги я пошла обедать.

Скушала борщ, котлету, и манную кашу, подкрепилась основательно.

Пошла в обход, на бревёнку, вдруг, слышу «В.Т.».

Пожара у Завода Ленина уже не видно.

Сообщают с вышки, что по направлению Завода “Большевик”, сильная стрельба.

За Заводом Ленина упал снаряд, у Дома Советов (**Дворец Советов, находится на Московской площади*) большой пожар.

Это всё за каких-нибудь 15 минут.

Над Заводом Ленина в 14:08 воздушный бой, слышно, как строчат пулемёты.

В тот момент, как я пишу эти строки, в течение 10–15 минут, в воздухе поднялось наших до 25 самолётов.

Да, интересно, как действуют на человека разговоры.

Сегодня с утра пришли мои рабочие, и столько они рассказывали ужасов, что они там-то были, то-то видели.

У меня даже пало настроение.

Но вот, приходит Лебедев, и говорит, ничего подобного.

Парень всегда рассуждает правильно, и всегда уверенно, беспартийный, но большевик, честное слово, на мой взгляд, так.

Когда с ним поговоришь, прямо воодушевляешься.

На производстве, в мирное время, его было как-то незаметно.

В 14:12 воздушный бой над Пороховыми (**Пороховы́е – исторический район на востоке Ленинграда, ныне: Красногвардейский район*).

Слышна пулемётная стрельба.

В 14:22, за малыми домами в Щемиловке, разорвался снаряд.

Тревога всё ещё длится.

Погода ясная, но есть облака, это выгодно врагу, укрыться.

Ночь сегодня, наверное, будет жаркая, судя по предыдущим налётам.

Из этого вкладыша ясно видно, что надо фашистским извергам, бить, бомбить, разрушать, уничтожать.

Вклейка № 15. Фото «Ельня после изгнания фашистских войск».

Тревога длится, в воздухе тихо, лишь изредка прожужжат наши самолёты.

Сегодня удивительно – не слышно зениток.

Будем надеяться на сегодняшнее выступление лётчика товарища Данилина.

В 14:45 сообщили с вышки, что у Завода “Большевик” слышна стрельба.

В 14:47 взорвался снаряд около Пролетарского Завода.

Тревога длится.

В окно печёт солнышко, а так хочется спать.

Зенитки изредка бьют в воздухе.

В 15:12 взрыв снаряда.

В 16 час. утреннее сообщение: бои по всему фронту.

В 17:05 ураганный огонь зениток, но «В.Т.» нет.

В 17:15 «В.Т.».

Ох, и ураганный был огонь зениток, иногда не поймёшь, зенитки сливаются с пулемётной стрельбой.

В 18:03 снова «В.Т.».

Я как раз была на Бревенке, слышу сирену «В.Т.».

В 18:20, в направлении Волкова кладбища, пожар.

Звуки зениток всё время усиливаются.

Вдруг, сообщают, что с IV навеса сигнал пожара, оказывается, осколком разбило стекло.

В 18:40 сильная стрельба у Экономайзера (**Ленинградский государственный машиностроительный завод «Экономайзер» (ЛЗЭ), с 1939 г. – Ленинградский чугунолитейный, механический и трубочный завод «Экономайзер»*).

В то же время, по направлению “Большевика”, видно два пожара.

В 18:50 шквальный огонь по направлению к Пушкину.

В 18:55 сообщают, что в районе Сортировочной сбит 2-х моторный самолёт.

В 19:03 снова начали бить зенитки.

Сижу и думаю, скоро ли кончится тревога, хочу кушать, а то запоздаю в столовую.

Пока обижаться не могу, хотя получаем 400 гр., но ещё хватает, что будет дальше.

Кто бы знал, что сделалось из этой смуглой деревенской Саши, которая была, как птичка, всегда ходила с песнями, со временем стала мурлыкать, потом период шуток, и анекдотов, и т. д.

Сейчас она молчаливая, грустная.

Вот, сволочь, Гитлер, что делает с людьми.

Здесь-то отзывается не возраст, а все те переживания, что видишь, и слышишь.

Но был бы доволен, если не было бы хуже.

Да, решающие для нас дни, что же будет?

Ночь теплая, тёмная, хотя звезды.

В 21:26 «В.Т.», только собралась к директору.

На Палевском пускают жёлтые, красные, и синие ракеты.

В Заводе Ленина ракеты.

В 10 час. между Мартыновской и Агафоновской белые ракеты.

После этого зашла к директору, а потом спать, спала спокойно.

15/IX/1941

15/IX. Пробудилась часов 5 утра.

Вдали всё время раздается артиллерийская канонада.

Это наши пушки бьют фашистов.

Потом вздремнула ещё.

Информбюро: “Бои по всему фронту. После ожесточённых боёв наши войска оставив г. Кременчуг”.

В 8:20 записываю вот эти строки, вдали, где-то слышу звуки зениток, наверное, скоро «В.Т.».

В сообщении было отмечено, что на подступах к Ленинграду, особенно проявляет мужество и отвагу полк под командованием полковника товарища Шитова.

Ну ладно, ещё только день начинается, дальнейшее впереди.

Погода хорошая, день солнечный, и фашисты, стервятники, наверное, будут проявлять свою активность.

В 9:20 зажужжали уже наши патрули.

А артиллерийская канонада не прекращается, устали слушать уши.

Вот вырезка на слова защитников города Ленина от 14.06.1941:

Вклейка № 16. Статья «Дорогие товарищи ленинградцы!»

Сегодня какой-то день, что не хочется записывать.

Был Шведов, привёз кучу новостей, но верю сомнительно.

За день было две «В.Т.».

Во вторую тревогу был слышен воздушный бой, и пулемётные очереди, но ничего особенного не произошло.

Самолёты наши в воздухе жужжат, точно пчёлы перед роем.

Вот сейчас 15 час., слышны артиллерийские выстрелы.

Погода солнечная, ни облачка.

Утреннее сообщение: бои по всему фронту.

756 полк потерял до 80 % состава живой силы.

17:05 опять «В.Т.».

С начала войны 120-я тревога, общей продолжительностью 75 час. 40 мин.

Что-то вдали стучит как барабан, или зенитки, или артиллерия, не поймёшь.

Сегодня собираюсь домой – не знаю, уеду, или нет.

Но думаю пойти, у меня полная сумка картошки.

Западнее Волкова в 17:15 сильная стрельба.

В 17:17 в Кировском районе большой пожар.

Юго-западное направление, далеко стрельба.

Ночевала дома, поужинала картошкой, легла спать.

Где-то поблизости были слышны взрывы снарядов.

Ночью ничего не слышала.

Спала Спокойно.

16/IX/1941

16/IX. Встала в 6 час., вместе с Информбюро.

Бои по всему фронту.

Поехала, как обычно, в 7:20.

Только отъехала от Боровой, стали попадаться военные.

Трамвай переполнен народом.

На Воронежской, у Новокаменного, всюду военные.

Далее до Красной площади (**19 декабря 1952 года переименована в Площадь Александра Невского*) редко увидишь идущие отделения.

На Московском вокзале, правда, много военных.

А начиная с Красной площади до Фабрики, пока ехали, шли военные, несокрушимой силой.

Видно, что сытые, хорошо одетые, одновременно везут орудия.

У Мельницы Ленина наш трамвай № 41 наскочил на трамвай № 36, аж полетели стёкла.

Военные на пути всё время смотрели в воздух, и у Мельницы Ленина нас высадили.

Оказывается, «В.Т.».

Постояв минут 20 в скверике, дали отбой, и мы тронулись снова.

На Смоляной трамваем кого-то помяли.

Приехала на Фабрику в 8:30.

Интересно рассказывал Ерофеев:

– “Фашистские самолёты кучей вырвались из-за облаков, но сразу ударили наши зенитки, и они рассыпались в разные стороны. Диктор в это

время даёт по радио отбой «В.Т.», вместо «В.Т.». В общем, наверное, не проспался”.

Вчера, когда поехала домой, то минут 20 сидела на общественном, под аркой, ввиду «В.Т.».

Все завидовали моей картошке, которую я везла домой.

Погода сегодня холодная, небо облачное, наверное, фашисты опять не дадут покоя.

В 12:03 дали «В.Т.», сразу же ураганный огонь зениток, и когда била артиллерия, всё содрогается кругом.

Бой шёл по направлению Московского шоссе.

Тревога длилась 24 минуты, но стрельба не утихает.

После этого было еще две «В.Т.», но прошли спокойно.

Поужинав вечером, пошла проверить светомаскировку цеха, и решила сходить на вышку, посмотреть, что делается вокруг города.

Купол неба ясный, к горизонту облака, придавая суровость, сентябрьской ленинградской ночи.

Я не могу здесь выразить спокойно, пишу, скрепя сердцем, слёзы на глазах.

Пригород в огне.

В направлении Сортировочной, вернее, ориентируясь от Володарского моста до Московского вокзала, пожары в 7 местах, и один пожар в направлении Дубровки.

Какое проклятье после этого послать на фашистские головы.

Что было создано веками, создано честными людьми, сейчас эти фашисты, изверги, решили уничтожать всё, что попадается под руку.

Для кого же нужна, эта война, что он получит, с этих пепелищ, создаваемых самими же фашистами.

Ведь если он забирает наши места, наверное, думает закрепиться, так зачем же он всё рушит, и уничтожает, считая и захваченных советских граждан.

Нет, этого не будет, побежишь ты, скоро, фашистская, сволочь, отсюда.

Думал ли он, Гитлер, своей дурной головой, по всей вероятности нет, когда нападал на Советский Союз.

Мы-то уверены, что он захватил это только временно, это временный успех, может быть, через несколько времени он будет улепётывать обратно, а может быть, ещё долго будет бить, рушить, уничтожать.

Нет, Ленинград непобедим, не удастся ему ходить по нашим красивым проспектам, не будут стучать по асфальтам фашистские сапоги.

Но есть ещё в наших слоях, предательские, сволочи, которые дают сигнальные ракеты.

Ловить, и уничтожать, надо таких, сволочей.

Спи, Шурочка, что-то ты давно не писала знакомому, но боюсь, Саша, не дойдёт письмо, так как положение известно.

Почта работает неважно, хотя он близко, но сейчас он на далёком расстоянии.

Ну, тебе тоже, знакомый, спокойной ночи, спи, но смотри, чтобы фашистская мразь не воспользовалась вашим сном.

Бей, и уничтожай, эту гадину, тогда мы вас всех отблагодарим, а тебя, знакомый, особенно.

Ну, пора спать, спокойной ночи, Саша, пусть приснится тебе твой знакомый.

17/IX/1941

17/IX. Пробудилась в 2:30 ночи.

Разбудила артиллерийская канонада – вздрагивают здания.

Спросонку было непонятно, или наши, или по нам, но потом, оказывается, обстреливали город.

Посмотрев кругом, я пошла спать.

Пробудилась вместе с Информбюро.

В комнате было очень жарко, я решила открыть форточку, и своё внимание задержала на горизонте.

Долго дышала свежим воздухом.

Погода была ясная, ни одного облачка, и вдруг, слышу несколько выстрелов из зениток.

Я обратила внимание, но больше ничего не видела, и не слышала.

Снова легла. Думаю, поваляюсь.

В 6:55 «В.Т.», пока тихо.

На что я обратила внимание – на то, что сколько было видно моему взору фабричных труб.

Ни одна не дымилась, все, как будто, готовились к «В.Т.».

Даже наша “Катушка”, и та не дымилась.

Тревога длилась 25 минут, прошла спокойно.

Обходя территорию, решила привести в порядок наряды.

В 9:08 «В.Т.».

Я в то время решила сделать несколько вкладышей из газет.

Они всё равно не пройдут, хотя враг стоит у ворот, и стучит в окна, и так, что летят стёкла, и даже рамы.

Но нет, не быть этому, побежит он от этих ворот, так как у Ленинградских ворот, говорят, крутой поворот.

Поворотный круг, наверное, хорошо разработало наше командование.

В 13:21 «В.Т.», только что собиралась сходить в столовую.

Стрельбы пока близко не слышно, но самолёты жужжат в воздухе.

Во время «В.Т.» скушала котлету, которую принёс товарищ Ерофеев.

Обедать по-настоящему пойду после «В.Т.».

В 14:30 взрыв снаряда за Володарским мостом.

В 14:55 взрыв снаряда за Мыловарской.

В 14:56 сообщение, что на IV ряду нашли два осколка от зениток.

В 14:59 разрыв снаряда, так прошёл день.

Вклейка № 17. Статья «Враг у ворот» (Ленинградская правда 16.09.1941)

Вклейка № 18. Статья «Перекличка трёх городов. У микрофона Ленинград, Киев, и Москва».

Вклейка № 19. Статья «Коллективная пошивка».

Вклейка № 20. Статья «От всего сердца».

Вечером я поехала домой, на две ночи.

Только проехали Завод Ленина, «В.Т.».

Просидели больше часу на дворе.

Самолётов кружилось уйма, точно коршуны, но мы так и не поняли, наши или вражеские.

Вечером ничего особенного не произошло, поужинав, легла спать, предварительно рассердившись на Лёшу.

18/IX/1941

18/IX. Четверг – выходной день.

По-настоящему валялась в койке до 10 час.

Сварив обед, сделав кое-что по хозяйству, так прошёл и день.

К вечеру была сильная артиллерийская стрельба.

Фашистские гады рушат дома, убивают женщин, и детей.

Такие, сволочи, не пожалеют и Ленинграда, его проспектов, и исторических домов, памятников.

Сейчас каждый уголок дорог Ленинграду.

Вклейка № 21. Фото «Памятник В. И.Ленину на площади Стачек у Нарвских ворот».

Действительно, враг мечется, осаждает.

Придётся ли мне когда-либо переработать вот этот дневник, который на 80–90 % заполняется во время «В.Т.», воздушных боёв, и артобстрелов.

Вклейка № 22. Статья «К оружию, братья!».

19/IX/1941

19/IX. Как обычно, встала вместе с Информбюро: бои по всему фронту.

В 8 часов уже на Фабрике.

День был очень ясный, и в пути, в трамвае, уже были слышны выстрелы зениток, я думала, не добраться до «В.Т.», но успела.

В 8:15 «В.Т.», такой был шквал огня зениток, гул моторов, сразу же было дано задание, занять бомбоубежище.

Осколки снарядов сыпались всюду.

Один осколок нашла на эстакаде, который лежит сейчас в кармане.

Может быть, сохраню.

Эх, колыбель свободы, что ты стала переживать в эти грозные дни войны.

Сижу, пишу, и вырезаю вот эти вырезки из газет:

Вклейка № 23. Статья «Колыбель свободы».

Вот эти вырезки, но они ценны для меня, когда я приведу дневник в порядок, обработаю, и приведу в последовательность:

Вклейка № 24. Статья «Ленинград – крепость».

Вклейка № 25. Фото «Советские лётчики».

«В.Т.» длится 45 минут, но сейчас тихо.

С вышки сообщают, что на Охте пожар.

Вот уже 131-я «В.Т.» по счёту.

Прошли 132, 133 и наступила 134-я.

Вот это была «В.Т.», будет памятна на всю жизнь.

В 16:48 «В.Т.», Романова сообщила, что по направлению к “Катушке” летят вражеские самолёты.

Сразу же была дана команда, занять бомбоубежище.

Я пошла звонить по № 35, на бревёнку, чтобы убрали рабочих.

Вдруг, вижу, по правому берегу взрыв, против нашей "Катушки".

Клуб дыма от разорвавшейся бомбы, огненные осколки.

Всем стало понятно, что начинается бомбёжка.

Я бросила телефон, бегу к себе в кабинет.

Мотя бросила телефонную трубку, и уже сидит под столом, я её давай успокаивать.

А взрывы бомб всё время продолжались поблизости.

В общем, было, как называли раньше старухи, представление света (**Фразеологизм: устаревшее название Конца света*).

Кругом дым, пыль, моя голубятня трясётся, как из бумаги, на курьих ножках, а я сижу одна, все в бомбоубежище.

Думаю, вот-вот сковырнусь, но ничего, вылетели только два стекла в конторе мастеров, и в бухгалтерии.

Ничего особенного, я была спокойна, а Иван Анакин только и говорил в трубку: спокойно, товарищи, спокойно.

Тревога длилась 91 минут.

После того, как немного стихло, я пошла проверять что, где было.

Оказывается, одна бомба упала на правом берегу, две бомбы – в воду, метров в 10 от моих рабочих, и 7 бомб упало на территорию бревенной биржи (**Места, предназначенные и приспособленные для временного хранения бревен и пиломатериалов*).

Поковеркана немного железная дорога, сломана эстакада, два узкоколейных пути, и повреждён водопровод.

Всё ничего, жертв нет, разрух больших тоже, следовательно, с этим можно мириться.

Если больше не повторится.

Даже с вышки убежал Титов, и долго никого не было, на вышке.

Так кончилось боевое крещение Фабрики.

В этот момент, момент бомбёжки, я читала письмо, которое нашла в столе у Лизы.

Вот оно:

Вставка № 6. Текст письма со стола Лизы.

Эх знакомый, знакомый, после бури, ведь всегда затишье, чтобы ты был здесь, и мы бы с тобой поделились обо всём.

Да, думаю, ты после бури, наверное, тоже вспоминаешь меня.

Хочу сильно спать, но ничего не поделаешь, проклятый враг не даёт покоя, ни днём, ни ночью.

После сегодняшней ураганной бомбёжки болит голова.

Но в 21:08 опять «В.Т.», и закончилась в 23:54.

В этот момент я не сидела у себя, как обычно, а была на бревёнке.

Тревога прошла спокойно, гул моторов был где-то вдали, и очень высоко.

Где-то, сволочь, спустил несколько бомб, но далеко от нас.

Сволочи, продажные души, опять пускали ракеты, в особенности в сторону Картонтоля (**Завод «Картонтоль», основан в 1872 году*), в направлении нашей сплавной станции.

В период наблюдения мы заходили на бревёнку, и занимались рассказом анекдотов:

> *– "Забрали Матерь Божию, и свели к директору, т. к. он курил у окна" (* Согласно Википедии : Атеизм, как отрицающее религию мировоззрение, не будучи формально провозглашённым в Советской России и СССР элементом государственной идеологии, активно поддерживался партийными и государственными органами вплоть до 1988 года).*

Сегодня сообщили, что М. К. Русский ранен, как раз звонил во время бомбёжки Фабрики.

Ну ладно, Саша, спокойной ночи.

Я знаю, хочешь спать – спи.

20/IX/1941

20/IX. Пробудилась в 6 час. утра.

Бои по всему фронту, особенно ожесточённые под Киевом.

Потом опять задремала и проспала до 8 часов.

Пожелала Саше спокойной ночи, но ночь была неспокойная.

Две тревоги я провела на бревенной бирже.

Ночь была ясная, и вот, этот трижды проклятый Мессершмитт (**Messerschmitt),* всё время летает в воздухе, жужжит, кружась то к “Большевику”, то обратно.

Близко взрывов не было, но в городе, сволочь, напакостила.

Я всё время вспоминаю вчерашний день, какой был ураган, и как счастливо отделалась “Катушка”.

Какой был шквал, дым, осколки, летели стёкла.

Ну ладно, день прошёл сегодня.

Сегодня погода пасмурная.

Сам город, сама природа защищается от врага.

Хорошо бы дождь, да серая погода, на несколько деньков, это для нас было бы очень хорошо.

Сегодня в направлении Рыбацкого опять был обстрел.

Сволочь, ещё пустил поганые листовки “Мир измученной родине”.

Вот, сволочь, каратель, зверь с человеческими признаками тела.

Чем же он даёт мир, защитникам города Ленина, тем, что рушит дома, заводы, убивает женщин, и детей, ни в чём не повинных.

И как гад, сволочь, пробирается из-за облаков.

Но нашего духа не сломит, мы будем стоять до конца, под шквалом огня, и бомб, чем сможем, тем поможем фронту, нашим доблестным войскам.

В 11:20 я усиленно вязала салфетку.

Вот тоже, такое напряжённое положение, а я продолжаю работать, пусть будет память, после войны, что я сделала в этот период, под свист бомб, и снарядов.

День сегодня прошёл спокойно, честное слово, был точно выходной день, не верилось даже, что такая тишина.

Только пожелала спокойной ночи, и легла спать, в 23:25 «В.Т.».

Конечно, я встала, оделась, а в 12 час. команда, занять бомбоубежище.

П.И. Ерофеев мне принёс хорошего чёрного котёнка.

21/IX/1941

21/IX. Ночевала спокойно с котёнком.

Пробудилась в 6 час. вместе в радио: бои по всему фронту, особенно под Киевом.

Послушав сообщение, решила ещё вздремнуть, и вдруг, слышу сильные артиллерийские залпы.

Спросонку не могу понять, наши, или нет, потом разобралась, что наши – хорошие гостинцы фашистам.

Встала, пошла промыть глаза, только намылила, чтобы они маленько просветлели, вдруг, слышу «В.Т.», скорее смыла мыло, и бежать к телефону.

Погода сегодня ясная, наверное, фашисты будут беспокоить.

Уже 11:20 вечера, очень хочу спать, но надо же записать о прошедшем дне.

Прошёл он так: во-первых, сегодня воскресенье, и Гитлер беспокоит нас 6 раз.

Сейчас вот пишу, а в направлении Шмелей (*_Самолётов_), страшный хлопок хлопушки.

Не знаю, или артиллерия, или зенитки, спать хочу, и не хочу разбираться.

Где-то прожужжал самолет.

День был ясный, ночь тоже, вот такую погоду любят гитлеровские лазутчики (*_Разведчики, проникающие в тыл неприятеля_).

Но сегодня усиленно патрулировала наша авиация, потому фашисты боялись показать свои носы.

В вечернюю погоду опять пускались ракеты.

Сегодня я закончила свою знаменитую салфетку, вот будет память.

Ну ладно, Саша, иди спать, а то твоя кошечка давно свернулась клубочком, и спит.

Спи, Саша.

Вклейка № 26. Статья «Ни шагу назад, доблестные защитники Ленинграда!».

22/IX/1941

22/IX. Встала с Информбюро: бои по всему фронту.

После ожесточённых боёв наши войска оставили г. Киев.

Я сразу соскочила с койки, и больше не уснула.

Погода серая – пасмурная, ну, думаю, и день будет спокойный от фашистских стервятников.

Вдали раздается артиллерийская канонада.

Но в 7 час, еще лёжа в койке, услышала сигнал «В.Т.».

Конечно, соскочила скорее, и к телефону, и давай записывать в этот дневник.

Сегодня, в 6 час. утра, исполнилось 3 месяца войны с фашистами, но кажется, очень давно.

Как всё это надоело, когда же будет конец.

Какое-то сегодня безразличие к жизни, никакого интереса, хочется плакать и плакать.

Такие переживания бывают у меня всегда, после оставления какого-нибудь города.

Наверное, фашисты ловятся сейчас за каждой мелочью в городе.

Не могу выразить, какая злоба у меня на них.

Погода серая, пасмурная, на душе кошки.

Ох, как надоело.

Скоро диспетчерское. Тоже надоело.

И зачем только собираемся, чтобы почесать языки.

Забрали сегодня Осипова в Армию, хороший человек.

Орлову, Плоткину, тоже повестки.

Уныло на душе, ну, и пишу разную чехарду.

От знакомого ничего, и я ему тоже ничего не пишу.

Хорошо хоть кошка развлекает немного.

В 12 час. пошла в столовую, встретила Миньсуарошвили (*_Так читается по буквам, возможно фамилия другая_), последний сообщил, что общежитие на Песочной полуразрушено от тонной бомбы, которая попала в деревянный домик, где всегда стоял мотоцикл.

Здание общежития, говорит, всё перекосило.

Когда он сказал, я чуть не заплакала.

Такое здание, прожить в нём 4 года, считать родным, где разделялись радости, и горести студенческой жизни.

Да, сволочи, из сволочей, эти гитлеровцы.

Какие неприятности и жертвы народу.

Убито на смерть, говорит, человек 6, ранено человек 18.

Не знаю, что нашло на нашу Фабрику.

В 14:40 «В.Т.».

Я была в это время на бревёнке, скорее пошла к себе.

Погода была пасмурная, выгодная для воров-фашистов.

Забралась на свою голубятню, и сижу у телефона, как обычно.

А мой котёнок спит на койке, свернувшись клубком.

С вышки сообщают, что летит самолёт в направлении Завода Ленина.

Рабочие удрали в бомбоубежище.

Вот, села, как обычно, к окну, и думаю, если в эту трубу попадёт бомба, то мне попадёт кирпичом, если – в другую, тоже.

Сяду я сегодня в уголок.

Так и сделала.

Вдруг слышу, треск, сотрясение здания, осыпалась штукатурка, вылетели рамы, открыло двери, и т. д.

Хорошо, что скоро убрали рабочих.

Сволочь, Гитлер, бросил бомбу на мой цех.

Дверь из кабинета тоже полуоткрыта, но открыла я её с трудом, от вылетевшей рамы в коридоре припёрло дверь.

Лестницы все завалены штукатуркой, рамами, ни одной ступеньки.

Я пошла вниз, и чуть не убила Рыбушкина полетевшей рамой.

Спустилась вниз, смотрю, стоит весь в крови.

Поднимаюсь снова вверх, и только тогда не узнала своего кабинета.

Рамы вылетели, портреты на полу, стены, как решето, кругом дыры.

Взяла трубку, и сообщила в Штаб, что у меня авария, и вдруг, слышу – телефонная связь прервана.

Тогда решаю бежать в Штаб.

Спускаюсь по лестнице, на животе пролезла в дверь, так как она была вся завалена обломками, поднимаюсь на эстакаду, на ноги, смотрю, цех объят огнём, уже работают пожарники.

Я встретила Попова, затем вернулась к верху, забрала с собой свои пожитки (платья 2–3, и боты), снесла в бомбоубежище.

Раза три я сползала в кабинет, забрала все нужные бумаги, и снесла в бомбоубежище.

Потом стала помогать тушить пожар.

Чувствовала сильную боль в ногах.

Вечером догадалась, ведь, где я сидела, была в стене дыра, наверное, меня ударило волной.

Всё же удивительно, я была спокойна за всё время этого потрясения.

Когда горел цех, мои старухи ревели голосом, и действительно, люди проработали 10–15 лет, что-то их привязывало, ведь может быть это был их кусок хлеба.

Цех сильно разрушен, стенки полуобгорели, остался начальник с рабочими, без цеха.

Ну как не будешь проклинать Гитлера.

Ощущение пустоты на душе.

Удивил Васильев, который убежал с пилоточки (**заточки пил для пилорамы*), после упавшей бомбы.

Когда немного утих пожар, я поднялась к себе в кабинет, и прямо удивилась, как я осталась жива.

Ночевать пошла в плановый отдел, спать хочу неимоверно.

Устала или что, но не знаю, придётся или нет уснуть.

Вот записываю в этот дневник, а где-то бьют дальнобойные, а мне кажется, что бомбят.

Оказывается, Саша, твои нервы начинают шалить.

Ну что же, будешь делать завтра.

Ну, уберёшь территорию, а дальше что, что тебя ожидает, лучше уйти на фронт.

Да, больше ничего не остаётся делать.

Подстричь волосы, одеть русские сапоги, и будет из тебя боец.

Забрала своего котёнка, и легла спать.

23/IX/1941

23/IX. Всю ночь спала как убитая, не взирая ни на что, хотя так била артиллерия, что дрожали стены.

Спала в плановом отделе на столе, со своим неизменным другом – котёнком.

Пробудилась в 6 час. с Информбюро: бои по всему фронту.

За 22/IX сбито 100 самолётов.

Сегодня я чувствую себя, как 60-ти летняя старуха, всё болит, и ноги, и голова, и всё тело разбитое.

Руки где-то все изрезаны, но нежиться некогда, так как в 7:30 придут рабочие, надо дать работу – уборку после разрухи, и пожара.

Вот, спешу записать этот дневник.

Да, Саша, за вчерашний день можно поседеть:

1) Киев;

2) общежитие на Песочной;

3) бомбёжка;

4) годовщина смерти мамы.

Но сейчас некогда думать, печалиться, надо работать, и работать, ты руководитель, теряться, и нос вешать, некогда.

Погода сегодня ясная, день будет, наверное, опять неприятный.

Самолёты уже жужжат в воздухе.

Что меня ожидает по работе в будущем – не знаю.

Может быть, пойдёшь на фронт.

Прошёл день, но какой был день, больше бы таких не было.

Во-первых, встала я в 6 утра.

С 7 утра, и вот уже 8:20 вечера, а я всё ещё на ногах, и, можно сказать, не жравши.

Столовая не работает, хлеб чёрный-чёрный, кипятку нигде нет.

К 4-м часам мы нашли электрочайник, вскипятили, и напились крепкого чаю.

Весь день был в тревогах.

За день было 9 тревог, не успеешь прийти, уже «В.Т.».

Я большинство сидела в щелях.

Днём занималась разборкой цеха по частям.

Ноги болят, не сгибаются, не могу ходить, но ничего не поделаешь, не подаю даже вида.

Эх, чёрт бы побрал с современной жизнью, но ничего не поделаешь, надо работать, хотя беспокоят тревоги и нет цеха.

Попов велев приготовить списки на 12 человек, на оборонные работы.

Да, как складывается жизнь.

Живёшь сегодня, не знаешь, что ожидает завтра.

Куда же после войны будут собираться мои знакомые!

Русских лежит в Госпитале, даже некогда навестить.

Рыбушкина не было весь день, не знаю, что с ним, и даже некогда было сходить.

Хожу, как чёрт, грязная, наверное, в голове даже завелись букашки, а сходить под душ, боишься «В.Т.».

Только разденешься, и вдруг «В.Т.».

Мои валенки так очертенели, не знаю зачем.

Ходят все голодные.

Вечером угостили винегретом, ну, и слава богу.

Ну ладно, Саша, крепись, все переживём, только бы не ступила в Ленинград фашистская нога.

Вчера была на волоске от смерти, осталась жива, а больше ничего не надо.

Надеюсь, что в будущем, будем жить и, кому-нибудь, читая вот этот дневник, будешь дополнять рассказом, ведь всего не запишешь сюда.

Хотя у тебя нет детей, но у тебя много племянников, есть кому рассказать.

Я нисколько не жалею, что в это тяжёлое время нахожусь в Ленинграде.

Но что будет впереди – не знаю.

Сколько ты еще пробудешь в Ленинграде, тоже не знаешь.

Ну, ладно, Саша, спокойной ночи, на новом месте – жених невесте (**Фразеологизм: если незамужняя девушка ложится спать там, где еще не приходилось, то у нее есть шанс хоть одним глазком взглянуть на будущего супруга*).

24/IX/1941

24/IX. Только пожелала спокойной ночи, и хотела уснуть, как раздается «В.Т.».

К тому времени я сварила пшенную кашу, такая приятная, идёт парок, не пришлось покушать.

Тревога длилась 1:45.

Опять, сволочь, натворил в городе как зажигательными, так и фугасными бомбами, на Лиговке, у Московского вокзала.

Всю ночь раздавалась артиллерийская канонада.

Утром пробудилась вместе с Информбюро – и звуки нашей артиллерийской канонады, били так, что дрожали здания и окна.

Бои по всему фронту.

Ноги болят не переставая, едва сгибаются, в особенности по лестницам.

С утра погода была ясная, но часам к 7 утра небо покрылось облачностью.

Наши самолёты все время жужжат в воздухе.

Где-то били зенитки, но «В.Т.» пока нет.

Сегодня составила списки на 32 человек.

Да…

Это всё из-за, сволочи, Гитлера, распадается моя дружная семья.

15 час., собралась ехать домой.

Погода сегодня пасмурная, может быть, отдохну от всей этой сутолоки.

Сижу, пишу, а самолёты жужжат точно пчёлы.

Домой придётся идти, наверное, пешком, но не знаю, дойдут ли мои ноги, совершенно не ходят.

Дальнобойные бьют во всю, но не разбираюсь, наши, или по нам.

Говорят, у Мельницы Ленина разбило трамвайную линию, от обстрела дальнобойными.

Слышится арт. канонада, и звук зениток.

В общем, время горячее, Ленинград – фронт.

Всё переживем, лишь бы не топтал проспектов Ленинграда фашистский сапог.

Убираю вокруг цеха, думается, что ещё буду пилить.

Да, состояньице.
Сегодня Дипельман ушёл в Армию.
Вечером уехала домой, и благополучно, без «В.Т.».
Накушалась основательно картошки, и легла спать.

25/IX/1941

25/IX. Встала в 8 час., бои по всему фронту.
За день было 3 «В.Т.», прошли спокойно.
Только к вечеру была слышно артиллерийскую стрельбу.
В 3 часа решила вздремнуть, предварительно потопив печку.
Проспала до 5 часов, и видала во сне, что-то, сволочей, фашистов.
Вечером основательно покушала, и легла спать.
Чёрт эта Ленка, где-то достала 8 пачек папирос.
Спала две ночи более или менее спокойно, отлёживалась.
Боль в ногах начинает утихать, немного болит ещё правая нога.

26/IX/1941

26/IX. Встала в 5:45, так как решала ехать пораньше, чтобы успеть до «В.Т.».
День был ясный, и наши самолёты уже жужжали в воздухе.
Ехала на 2-х трамваях, так как они шли плохо.
Долго стояли на Лиговке.
Да, город поцарапан.
Очень во многих домах нет стёкол, осыпалась штукатурка, в общем, всюду следы фашисткой пакости.
Только доехала до Фабрики, вдруг слышу гул самолётов, затем стрельбу в воздухе.
Тамаров говорит, что два самолёта сбили в Мурзинке.
Потом сходила в Фабуправление, покормила кота и, выбрав свободнее время, решила записать вот этот дневник.
Чёрт возьми, что опишу по ревизии.
Не даром рабочие ревели, когда горел цех, они предчувствовали, что это их кусок хлеба отобрала, фашистская сволочь.
Рыбушкин сегодня вышел на работу.
Ведь удивительно, при такой разрухе, ни одной жертвы.
Пообедала основательно в столовой Мыловаренного Завода.
Жду к себе в цех, вдруг, слышу строчат пулемёты, оказывается, воздушный бой.
А здорово, по-моему, потрепали авиацию фашистов, когда только за 23/IX уничтожены 138 самолётов.
Идут слухи, что Новгород, Псков, и Остров наши, это было бы очень хорошо, а после этого создать мешок под Ленинградом, и уничтожить его здесь.
Сегодня, наверное, перейду жить в конторку сушильного цеха.
Там, во-первых, низко, а на моей голубятне жутко, ведь я два раза была там на волоске от смерти.
Мой кот жив-здоров, вот я пишу сейчас, а он балуется во всю, но он не выгоден, так как каждый день для него нужно покупать по омлету.
Вечером еду в район, на совещание.
Первый раз слушала Егоренкова, не понравилось, как он говорит.
В общем, было скучно.

Домой пришли с Поповым пешком.

Ночь была очень хорошая, для прогулки с милым человеком.

Тепло, немного пасмурно, вокруг Ленинграда видны зарева.

Хотела сходить на вышку, но заленилась, и легла спать.

27/IX/1941

27/IX. Спала на новом месте в сушилах, жених не приснился, наверное, его и не будет никогда.

Всю ночь на правом берегу раздавалась артиллерийская канонада, но я спала, как убитая.

В 6:45 «В.Т.», прошла спокойно, так как наши ястребки были в воздухе, штук до 20.

Погода пёстрая, выглядывает солнышко, но толстые облака.

Не знаю, что будет.

За день было 5 «В.Т.».

Интересный случай был сегодня.

Только дали отбой «В.Т.», только рабочие начали работать, звонит Попов, и просит зайти к нему.

Только я зашла к нему, он взял телефонную трубку, вдруг, свист летящих бомб, одна, вторая, третья.

Это было неожиданностью.

В общем, был внезапный налёт.

Вернее всего, самолёты спрятались за облаками, а потом сделали своё гнусное дело.

Две-три бомбы упали в воду, против нашей Фабрики, на Фабрику “Рабочий” (**В 1844-м году – Спасская и Петровская мануфактуры; в 1880-х гг. – «мануфактуры Максвиль»; в марте 1919 года мануфактуры были национализированы, объединены в Фабрика «Петровская»; с октября 1922 года – прядильно-ткацкая фабрика «Рабочий»; в ВОВ Фабрика «Рабочий» переходит на производство тканей для пошива обмундирования, и плащ-палаток. В то время – это единственное предприятие хлопчатобумажной отрасли, не прекратившее выпуск продукции. После ВОВ выпускали хлопчатобумажные ткани: батист, маркизет, поплин, эллада, чалма, платки. Все ткани состоят из чистого хлопка, сотканы из тончайшей гребенной пряжи*), на проспекте убило 2-х лошадей и человек 5 людей.

В 5 час. мы с Нюрой пошли в столовую, вдруг, сигнал «В.Т.».

Но мы всё же пообедали горохового супа, чечевицы, и побежали к себе в щель.

Налёт был большой, всюду били зенитки, и много летало наших самолётов.

Два сбитых самолёта на правом берегу, но не знаю, чьи.

Налёт был волнами, несколько раз.

Дальнобойки бьют непрерывно, в направлении Финляндского вокзала.

Чёрт знает, что делается.

Писем от знакомого нет, у Русских тоже не была.

Ну ладно, девчонки ждут пить чай.

28/IX/1941

28/IX. Встала в 6:30 утра, информбюро не слышала, так как не работает радио после бомбёжки.

Сходила под душ, и пошла в цех.

Погода сухая и тёплая, но небо рябое (**С пятнами другого цвета на основном фоне; пёстрая*) – облака.

Вот описание ночи на боевой вахте дома, в котором я жила 4 года, и который пострадал от фашистской бомбы:

Вклейка № 27. Статья «Ночь на боевой вахте»

Дальнобойки бьют не прекращают, наверное, усиленные бои на Карельском перешейке.

Самолёты всё время жужжат в воздухе.

Сейчас стало немного жутко в конторе, после всего пережитого.

Раньше я ничего не боялась, была любопытна, сейчас же много нос не высовываю.

Уроки трёх бомбёжек нашей территории предупредили, что надо немного беречь себя, прятаться.

Предупредила рабочих, что надо работать, возможно, будем восстанавливать цех, но рабочие, убитые горем, работают недобросовестно.

Вот на что способны озверелые скоты:

Вклейка № 28. Статья «Смерть озверелым фашистским мерзавцам».

Сегодня такое настроение, что вот-вот полетит снаряд, или бомба, и убьёт тебя – прощай жизнь.

Небо серое, наши самолёты всё время патрулируют в воздухе.

На полигоне всё время строчит пулемёт.

Сегодня приходил Русских, обрадовалась я ему, как родному брату.

Мишка всё же хороший человек.

Сходили мы с ним в столовую, основательно накушались.

День стал ясный, в небе ни облачка.

Дальнобойные бьют основательно, сволочи, вчера при налёте стали сбрасывать осколочные бомбы, уже берутся за уничтожение населения.

Ленинград – воин, стоек и упорен, не видать вам его, как своих ушей!

Интересно сообщил М.К., что Мга, Любань, Бологое, и т. д.

Значит, пути скоро будут открыты.

Значит, скоро свяжемся с “Большой землёй”.

6 часов вечера, погода хорошая, сегодня занимались военным делом, я очень осталась довольна.

Стреляла, результат неплохой.

Настроение сегодня бодрое, не знаю, что будет дальше.

Вечером дали «В.Т.», мы сразу же забрались в щель.

Что было, погода с дымкой, и пасмурная.

Я уже не видела, освещали или нет прожектора, но так били зенитки, снаряды летели с воем таким, что не знаю, что было, всё перемешалось в воздухе, жужжание самолётов, лязг зениток, тяжелая артиллерия.

Затем свист фугасных бомб. Земля дрожит.

После отбоя «В.Т.» мы вышли из щели, было большое зарево в направлении Охты.

В общем, сволочь, опять натворил.

После этого, мы долго ещё не спали, потом я так крепко уснула, и в 1 час. ночи опять, «В.Т.».

Мы опять ушли в щель, «В.Т.» прошла спокойно.

Погода стала ясная.

В эту тревогу я вспоминала знакомого, и так скучала по нём.

Да, где-то он.

Не знаю, что он ничего не пишет.

Или на что рассердился.

Вот, даю вкладыш из газеты:

Вклейка № 29. Газета «Ленинградская правда. 28.09.1941. Женщины на защите Ленинграда».

29/IX/1941

29/IX. Встала в 7:30 утра.
Погода сейчас пасмурная, похоже, будет дождь.
Сегодня обещался приехать Русских.
Ей богу, я его люблю, и уважаю, не хуже родного брата, какой он хороший человек.
Накормила я его хорошим обедом, и он поехал в Райком Партии.
В 6 час. вызывают на лекцию, не знаю, интересно будет, или нет.
С обеда погода стала ясная, что будет вечером, не знаю.
Откровенно говоря, вчера немного было жутковато.
За день сегодня было две тревоги, прошли более-менее спокойно.
Только ночью, говорят, попало Выборгской стороне.
Спала сегодня всю ночь крепко-крепко, даже не раздеваясь.

30/IX/1941

30/IX. Встала в 7:15 утра.
Погода пасмурная, видимость очень плохая, ну, для нас это очень хорошо.
В основном, вокруг цеха, уже убрали, скоро, думаю, начать восстанавливать лесораму.
Сегодня у меня весело, работают две торцовки – вырабатывая чурку.
Мужчины на разборке цеха, а остальные почти все на гуслях.
Сегодня был представитель Н.К.Леса, товарищ Быков, что он скажет – восстанавливать или нет, цех.
Или будем готовиться на эвакуацию.
Тогда будет видно.
Интересно, как он только попал с “Большой земли”.
С Агафоновым вчера долго болтали, а их сержант – барахло, а ещё говорит, кончил два курса Института.
Сегодня очень хочу кружку пива.
Не знаю, Павлуша достанет или нет.
Пошёл как раз по этому вопросу, за ворота.
Если решится вопрос эвакуации, жаль оставлять Ленинград.
За этот период я просто к нему привязалась, за это трудное время.
Ну, если ехать, так ехать.
Откровенно говоря, очень хочется поработать на хорошем лесопильном заводе, на полном ходу, а не такой трясучке, какой был мой цех, который я любила, как падчерица мачеху.
Ну что ж, ехать так ехать, я готова, лишь один день на сбор.
К обеду погода стала ясная.
Вдали слышен грохот орудий, и летают самолёты.
Пообедала крепко: суп лапшу, и чечевицу, на что потратила 1.20 руб.
Оказывается, Быков ещё не был в Москве.
Попов сегодня дал указание, чтобы одну раму пустить, недели через две.
Сразу на душе стало веселее, так как жужжат только две торцовки.
В 16:30 «В.Т.», прошла спокойно.
Погода к тому времени стала уже пасмурная.

В 19:30 «В.Т.», мы сразу ушли в бомбоубежище.

Ночь была тёплая, жужжание Мессершмитта (*_Messerschmitt_) действует на нервы.

Вор все время крутится в воздухе, потом начал спускать зажигалки, правый берег был весь усеян огнём, но скоро ликвидировали, так как упали зажигалки на поле.

На нашу территорию было сброшено 13 зажигалок.

Несчастные наши, ЖПА, напугались и разбежались, и на тушение зажигалок в своё время не пришел ни один.

«В.Т.» длилась 1 1/2 часа.

Кто-бы знал, как всё это надоело, ведь почти половину жизни проводишь под землёй.

Стало уже холодно, и сыро, никогда не подумала бы, что Аня Романова такая трусиха.

Правда, после зажигалок, как враг практикует, может бросить и фугасные бомбы.

Интересное явление было на Маяке Метан, он точно давал сигнал, и вот, какой-то дурак из мелкокалиберки стрелял по нему.

В 12 час. легла спать.

Глава 5. Октябрь 1941

1/X/1941

1/X. Встала в 6 час. утра, сразу же пошла под душ, думаю помыться, пока нет «В.Т.».

Успела помыться основательно.

Погода с утра пасмурная, настоящая осенняя.

Радио не работает, но говорят, что сообщили, что наши войска оставили г. Полтаву.

Погода стала к обеду ясная, жужжит эксгаустер (**Устаревшее название вентилятора*) в “Катушке”, а тебе кажется, что жужжат самолеты, а если на поворотном кругу стукнет вагонетка, тебе кажется, бьют зенитки.

Вот до чего взвинчены нервы.

До бомбёжки цеха я не боялась ничего, а сейчас, почему-то, стала бояться.

Вот сидишь ночью в щели, погода пасмурная, облака низко, и вдруг, в воздухе начинает выть какой-нибудь проклятый Мессершмитт (**Messerschmitt*), как немазаная телега.

Как он завоет, так и душа заноет,

Или, думаешь, вот-вот стукнет тебе по кумполу.

Жизнь.

В 16 час. так приятно светит солнце, а на душе очень тяжело, арт. канонада не умолкает.

Отдохнули лишь несколько дней, а сейчас бьют, и бьют, иногда кажется, что взрываются снаряды.

Неужели, опять обстрел города, как всё это надоело.

Сильно за себя я не отчаиваюсь, я одна, трахнут, так трахнут, туда, может быть, и дорога.

Только жаль город, и жертвы.

Сегодня собираюсь домой, заберусь в свой подвал, что будет.

Домой не отпустили, ночевала на Фабрике.

За день было две тревоги.

Ночная «В.Т.» длилась 3 часа, и была очень беспокойная, где-то сбросил опять две штуки, ночь была полуясная, светил месяц, но были облака.

В районе Дубровки такой был бой, точно барабан – беспрерывно.

Вечером посмеялись над Агафоновым, он принёс мне книжку.

В общем, парень втюрился, но не в это бы время, я бы покрутила его головушку.

2/X/1941

2/X. Сижу, пишу вот этот дневник, а стрельба всюду, и артиллерия, и зенитки.

Погода пасмурная.

Хочется домой, не знаю, как доеду.

День прошёл спокойно, не было ни одной «В.Т.».

Днём вздремнула с часок, а потом сидела, и вышивала.

Лошадка моя всё время бегала по очередям, ну, и лошадушка, действительно, достанет всё.

В гостях я сейчас на Боровой, вчера даже Лошадушка угостила сметаной, и студнем.

Арт. стрельба продолжалась весь день.

Обстреливали вчера наш район.

Один снаряд упал на Боровой, поблизости от нас и, говорят, убило продавца керосинового магазина.

Вот где судьба смерти.

За день я с удовольствием наслушалась радио, так как на Фабрике не работает всё ещё после бомбёжки.

Вечером передавали несколько новых песен, это для нас было что-то неожиданностью, так как песен не передавали давно.

Вспоминались прежние годы, мирное время, студенческие годы, хождения в кино, театры, по магазинам, да, всё прошло…

Да, всё прошло, те годы уже не вернутся, но надеемся, что будем ещё жить, походим в кино, и театры.

Жду впереди ещё радостную жизнь, и тех, кто останется в живых.

Из дома что-то ничего не пишут, не знаю, почему, наверное, что-нибудь пишут лишнее, и военная цензура не пропускает.

Знаю я своих племянниц.

Ну я им тоже ничего не пишу.

От знакомого тоже нет писем, но, судя по его аккуратности, задумываюсь, жив ли он.

Ведь он всё время был на боевых позициях.

Как я себя ругаю, что не съездила к нему, когда он приглашал.

Ведь это, может быть, была последняя наша встреча.

И он хотел этой встречи.

Да, знакомый-знакомый, не выходишь ты из моей головы.

Вот сейчас проезжала по Староневскому, и вспоминала, как мы ехали вместе последний раз в трамвае.

Ехали молча, но у обоих было одно чувство, он хочет ещё побыть со мной, и я тоже.

Но судьба сложилась так, что мы с ним скоро разошлись.

У меня, как он сошел с трамвая, навернулись на глазах слёзы.

Пока было видно меня, он всё время оглядывался.

Да, знакомый, хочется мне с тобой встретиться, и поговорить, и прочитать хотя бы часть этого дневника, и поделиться впечатлениями.

Ещё, второй человек есть у меня на фронте – это М.К. Русских.

Это, мой нареченный брат (**Термин, который использовался для обозначения близкого друга, товарища, или союзника*), жаль, что я с ним не встретилась, перед отправкой на фронт, после Госпиталя.

Бизелев Петя тоже хороший парень, но почему-то ничего не пишет.

О Хаиме никогда не вспоминаю.

3/X/1941

З/Х. Приехала из дому, с Боровой.

Встала вместе с Информбюро: бои по всему фронту.

На каждом направлении немцам поддали здорово.

Вчера вечером передавали очень интересный эпизод борьбы за Ленинград.

Часов у меня нет, но, наверное, уже 9 часов.

Пишу вот этот дневник, артиллерийская канонада начинается снова за Кировским районом.

Кто куда бьёт – неизвестно, надо выйти на улицу, и определить.

Кот мой сидит, и мурлыкает, после хорошего завтрака.

Так он, наверное, проживёт около меня, как-нибудь прокормлю.

Погода рябая, настоящий осенний день.

В общем, по нынешней погоде, только бы гулять, да гулять.

Год урожайный, но до Ленинграда не доходит ничего.

Получаем второй месяц по 400 гр. хлеба, но пока жаловаться нельзя.

В особенности, за вчерашний день.

Ну ладно, Шурочка, пора идти на территорию, я ведь знаю, что ты не любишь засиживаться в кабинете.

Восстанавливай цех.

Сегодня занялась сбором средств для приобретения тёплой одежды бойцам – дела идут хорошо.

В 14:10 дали «В.Т.», но до этого ещё был слышен воздушный бой.

Такой был шквал заградительного огня, били, точно в барабан.

Погода стоит воровская.

К вечеру погода стала ясная, и сильный ветер, разогнались все тучи.

Предчувствую, что ночь будет неспокойная, и действительно, да.

За всю ночь почти не пришлось сомкнуть глаз.

«В.Т.» в 17:45 прошла спокойно, но «В.Т.» в 19:40, это было что-то ужасное.

Длилась она 3:45, и вот, всё время мы сидели в щели.

Разрыв фугасных бомб был повсюду, стреляли зенитки М.З. (**3-дюймовая зенитная пушка М3 – американская зенитная пушка, которая служила на протяжении 1930-х годов и в начале Второй мировой войны. Её предшественником была 3 – дюймовая пушка М1918*).

Творилось, не знаю, что.

В особенности, пострадала Охта.

После отбоя «В.Т.», пошли попили чаю, снова «В.Т.», был самый сладкий сон, но ничего не поделаешь, пришлось уйти в щель.

Хотелось до безумия спать.

«В.Т.» длилась 30 минут, прошла спокойно.

Только пришли к себе, я легла в койку, снова «В.Т.», длилась 4:15.

Это было что-то ужасное, зажигалки сыпались везде, и всюду.

Зениток было мало слышно, ястребков тоже.

Но ничего, пришлось высидеть в щели.

Только пришли к себе, не успела я отогреться, через 10 минут снова «В.Т.», длилась до 5 час.

Придя погреться, был слышен гул самолёта, мы с Романовой решили выйти на улицу.

Действительно, самолёт был вражеский, т. к. через несколько времени было сброшено полста зажигалок, с визгом летящих на землю, после этого плеснул ещё несколько фугасок.

Мы убежали в щель, и только тогда услышали «В.Т.», тревога кончилась в 5:55.

Придя к себе, я решила всё же хоть немного уснуть, но сон был за ночь разогнан.

Мне слышался гул вражеских самолётов, но оказывается, это работала машина от прожектора.

Я уже не захотела вставать, и уснула.

В 7:30 меня будят, и говорят, «В.Т.», сразу же пошла в щель.

Сборов немного: одеть пальто, и взять противогаз, и то, последнее забываешь часто.

Так, за день, и ночь, было 7 «В.Т.».

По счёту, 186 тревог.

Правда, первые «В.Т.» были очень спокойные, сейчас свой нос не высунешь, при любом любопытстве.

То ли была не любопытна, а сейчас не высунешь носа из щели.

Удивительная ночь была по природе.

Закат луны сменился восходом солнца, можно сказать, что не было темно.

В одну тревогу я долго болтала с Агафоновым, парень втюрился по уши, ну и чёрт с ним.

Вечером я рассказала с полдюжины анекдотов Романовой, когда сидели в щели, и, думала, продолжить вечером, но не пришлось.

Сижу, пишу дневник, и ей богу, боюсь не успею причесать волосы, начнётся «В.Т.».

4/X/1941

4/X. Встала в 7:30 утра, по сигналу «В.Т.», вернее, не спала всю ночь.

Позавтракав, решила обойти территорию и взялась записать вчерашний день.

Радио не работает.

Погода изумительная – солнце, небо ясное, но самолёты всё время жужжат в воздухе.

Днём было 2 «В.Т.», прошли спокойно.

По погоде должно быть хорошее настроение, но пока очень плохое.

Вообще, то-ли я мало унывающий человек, но и утешительного мало.

Арт. стрельбы сегодня не слышно, это тоже, своего рода, утешение.

В 15 часов приходила Зоя Кузнецова, и говорит, что Зарецкий сильно ранен, лежит в Госпитале.

Пулей ранило ногу, и осколком голову.

Порассказал он Зое, как он мытарил, после ранения, но всё же выбрался и, возможно, поправится совсем.

Ранен в бою за Пулковские высоты.

За день до 12 час. было 10 «В.Т.».

Только придёшь к себе, снова «В.Т.».

Всю ночь не пришлось сомкнуть глаз, просидели в щели.

Было очень холодно, ночь была лунная, без ветра.

Тревоги длились без конца, были перерывы только для обогрева, ох, и холодно было.

Сегодня привезла из дома тёплый платок, постараюсь довязать носки, и тогда можно сидеть в щели.

Весь вечер смешила анекдотами.

> Насмешила меня и Аня Романова, рассказала она:
>
> *Как главный инженер чертил каблуком чертёж щели, кто бы видел, это же уморушка. Для эффекта придется демонстрировать.*

Все время приставал ко мне Агафонов, ему уж очень хочется проводить со мной время.

Главное, говорит, сегодня, что я никогда не задержусь с ним поговорить, всё спешу.

Ночью работал наш прожектор, ну и дисциплина же у них.

5/X/1941

5/X. Продолжение бессонной ночи, только легла спать, в 1:30 «В.Т.».

Длилась 2:20, сидели в щели, и мёрзли.

Если так придется сидеть долго, и не спать, поймаешь ревматизм.

Время 9 утра, было уже 3 «В.Т.», общей продолжительностью 4 часа.

В общем, за сегодняшнюю ночь, здорово намёрзлась.

День сегодня серый, осенний, и холодный, воскресенье, работает только мой цех.

Задача сегодня: довязать носки.

В 2 часа дня изучали штыковой бой.

Во время этой учёбы было слышно, и видно, воздушный бой, а потом дали «В.Т.».

Во время боя был подбит самолёт, только не знаю чей.

Поужинав, легла спать, и уснула, сладко-сладко, проспала до часу ночи, вдруг «В.Т.».

И так, с часу ночи, опять началась бессонная ночь.

Ночь была ясная – лунная.

Вражеские самолёты встречали наши ястребки, поэтому ночь прошла более-менее спокойно.

Как-то на душе веселее, когда наша авиация в воздухе, находишься, как будто, в безопасности.

6/X/1941

6/X. Сегодня первый день спала, как начальник за весь период войны.

Встала в 7:20, это так подремалось после утренней тревоги.

Напившись чаю, покушав кашки, пошла к рабочим, подписала наряды, и решила записать вот этот дневник.

Вдруг, меня вызывает Соколов, и говорит, что меня включили в список ответственных дежурных по Штабу.

Я дежурю на пару с Поповым, это ещё ничего, очень не хочу с Ив. Анакиным.

Мне значительно было лучше сидеть в щели, чем в Штабе, или на вышке.

Я здесь знала больше, что делалось в городе, так как у нас был военный телефон.

День сегодня пасмурный, ветер, и холодно.

За день была одна тревога.

Сегодня получила компенсацию, только бы выпить в компании.

Ну, за неимением компании, хотя бы кружку пива, да его сейчас нет.

После работы зашла к Романовой, похохотали до слёз.

Она рассказывала:

Как мои рабочие ломали разрушенную стену у цеха.

Как верёвка сорвалась, все они упали, в том числе Тамаров, болтая руками и ногами.

Как им помогло уронить столб, вот это никак не могу понять.

Потом зашли в партком (**Партийный комитет – комитет, избираемый партийной организацией для ведения текущей работы*), что-то разговорились с Соколовым, он говорит, я тебя хотел назначить дежурным наблюдателем по Штабу с Ив. Анакиным, я сразу ответила, что с ним не пошла бы, они сразу же захохотали.

Конечно, с Соколовым, Поповым буду дежурить, а уж с Анакиным, никогда.

Привела сегодня учёт «В.Т.», всего уже 199.

Я свою рукопись никак не могу передать Агафонову.

В воздухе сегодня тихо, а на полигоне всё время пристрел (**Пристрелка целей или пристрелка орудий*) идёт.

На этом заканчиваю, так как темно, холодно, и скучно.

Пойду в сушилку, там опять посмеёмся и, может быть, проспим спокойно, ну, а что будет, допишу утром.

Всего хорошего, Шурочка, иди, суши сухари, и спи спокойно.

Спать спокойно не пришлось.

Напившись чаю, покушав кашки, в 19:25, «В.Т.».

Моментально одевшись, пошли в щель.

Только вышла, вдруг, вижу вспышку по направлению к Московскому вокзалу.

Оказывается, враг бросал осветительные ракеты, и вдруг, взрыв фугасной бомбы (говорят, у Мельницы Ленина).

Я сразу же в щель.

Гул самолёта поблизости.

Вдруг, какой-то трезвон, и движение воздуха, бойцы наши мигом в щель.

Я, думала, сначала, что бросает зажигалки, но оказывается, бросал маленькие фугаски 5 – 10 кг. по Мартыновской улице.

Всего было брошено на эту деревянную улицу 24 бомбы, есть разрушении и жертвы.

Я беспокоилась за "Катушку", и за вышку.

Во время «В.Т.» сходила, и позвонила в Штаб, они ответили, что у них спокойно.

Когда в 12:15 дали отбой «В.Т.», мы с Нюркой пошли посмотреть, что там произошло.

Идя мимо сушилки, я хотела прыгнуть через вагонетку (**Открытый вагон малой вместимости (0,5–6 м3), предназначенный для перевозки грузов, который перемещается по узкоколейным железнодорожным путям*), и очень ушибла ногу, едва встала – пробила до кости.

Потом пошла на эстакаду.

Трамваи ходили, но ничего было не видно, так как ночь тёмная.

Обратно пошла мимо лесоцеха.

Аня Романова давай демонстрировать, как рабочие ломали стену: "раз, два, взяли!"

Хохотали до слёз.

Вдруг, «В.Т.», мы сразу же побежали в щель, и занялись рассказом анекдотов.

После отбоя «В.Т.», пошли к себе.

Романова у печки уснула сидя.

По старой привычке (я люблю побаловать), привязала к ней пилку, и т. д.

Хохотали до слёз, как она проснулась и освобождалась от груза.

В 12 час. легла спать.

7/X/1941

7/X. Пробудилась в 5 утра, сходила под душ, и легла снова спать.

Нога всё время болит после вчерашнего.

Напившись чаю, пошла на свою голубятню, и решила записать.

Погода сегодня пасмурная, а наша авиация уже в воздухе.

14 час., ясно светит солнце, и очень тепло, но мне сегодня очень тяжело ходить, болит нога.

Через правое плечо противогаз, через левое бинокль, ведь я сегодня дежурная по Штабу.

В первом часу была «В.Т.», я уже сходила на вышку, тревога прошла спокойно.

Не понравилось мне на вышке, так как очень шумно с проспекта, на территории лучше слышно.

Там гудит эксгаустер, подъёмник, трамваи и т. д., сплошной шум.

Сегодня моя старая компания будет сидеть без меня.

Здорово насмеялись с Нюрой Романовой.

Да, сегодняшний день есть чем дополнить.

Как я уже упоминала, что дежурю на вышке.

День был ясный, и солнечный, погода очень приятная, но у меня было какое-то напряжённое состояние, я почему-то беспокоилась, как выстою на вышке, и обеспечу дежурство, в особенности ночью.

Действительно, по расписанию, в 7:30, «В.Т.», и я заняла пост на вышке.

Сначала приходил ко мне Титов, потом он замёрз, и ушёл.

Пришел Магин, и я пошла погреться.

«В.Т.» длилась 6.05.

Вот эта «В.Т.», по продолжительности, первая «В.Т.» за всё время войны, из всех 204 пережитых, за время войны.

Вражеские самолёты давали заходов 7, и почти все, по одному маршруту.

Вражеские самолёты заходили с Кировского района, затем в Ленинский район, потом к “Мельнице Ленина”, “Завода Ленина”, Финляндскому вокзалу, правый берег Невы, малая Охта.

Один раз самолёт прошёл над нашей Фабрикой.

Сначала я думала, что на вышке стоять очень жутко – ничего подобного.

Очень много было сброшено зажигалок на город.

В Московском районе пожар – потушили быстро.

Левее “Красного Нефтяника” продолжался пожар 2–3 часа.

В районе Смольного был весь горизонт в огне – вид синего, так называемого в детстве, мышиного огня.

Возник пожар, длился 2–3 часа, был потушен.

Затем, в районе порта было сильное зарево в 4-х местах, и горело долго.

А, сволочи, ракетчики, всё время, как свечи, пускали ракеты, в особенности в Сортировочной, в Щемиловке, и у Володарского Дома Советов, в Рыбацком, у “Красного Ткача”, и т. д.

Все ракеты были сброшены с территории “Картонтоля”.

Вот, сволочи.

В городе были тоже ракеты.

Покрылась я тёплым платком, и выстояла дежурство, не замёрзла.

В 1:30 дали отбой «В.Т.», я пошла на ночёвку, покушала супу, который послала Мотя, и, хотела лечь спать, встретилась с Адамом, и проболтала до 4 час. ночи.

В общем, парень увлёкся по уши.

Только легла спать, в 4:30 снова, «В.Т.», я снова на вышку.

Погода стала пасмурная, и моросил дождь, но с 4 час. началась сильная артиллерийская канонада.

Стреляли, по всей вероятности, Кронштадт и Рыбацкое, после отбоя легла спать.

8/X/1941

8/X. Встала в 10:10 утра, вот спала после дежурства.

И разбудила меня Шура Кольцова.

Соскочила с койки, поплескала на глаза, и с запухшими глазами бежать на диспетчерское совещание.

День сегодня пасмурный, временами моросит дождь, и есть предположение, что «В.Т.» не должно быть.

Вот уже 13 часов, а я ещё не видела своих всех рабочих.

Завтра выходной день, но наверно, домой не поеду.

День прошёл спокойно, но очень хотела спать.

Арт. канонада всё время раздаётся.

Опять, сволочь, прорвался, бьют зенитки, но сейчас ничего не страшно.

В особенности, после дежурства на вышке.

А ну его, унывать, смерть, так смерть, жить, так жить.

Нет, откровенно говоря, хочется жить, и всё пережить.

Разве не интересно посмотреть потом, после войны, что будет.

Ведь фашизм всё равно будет уничтожен, в этом я уверена, без всяких колебаний.

Победа будет за нами – Ура!!!

Вечер и ночь пасмурные, моросит дождь, мы легли спать в полной уверенности, что «В.Т.» не будет, предварительно наболтавшись.

В комнате было жарко, и текло с потолка.

9/X/1941

9/X. В 5:30 дали «В.Т.», я быстро оделась, и пошла в щель.

Только выбежали, за проспектом сбрасывались уже зажигалки, я пока посидела в щели, закурила, потом высунула нос из щели, было уже светло, кругом были видны пожары, оказывается, опять набросал везде зажигалки.

Был сильный пожар, на Бумажной Фабрике им. Володарского, потом, говорят, 20 школа.

К центру города была туча чёрная чёрного дыма.

После отбоя поехала домой.

Пообедав с Ленкой, пошла стирать, и сушить бельё.

Приезжаю домой, как в гости.

Накушались всего, в особенности за вчерашний день: чечевичной каши, макарон, селёдки, яичницы и мясного супа.

В 19:20 «В.Т.», но я легла спать, пока не дали ещё отбоя.

Почему-то я дома спокойна, в своём подвале.

И так проспала до 5 час. утра.

10/X/1941

10/X. Встала в 7 час. утра, пробудилась, и валялась в койке целый час.

Прослушала Информбюро: бои по всему фронту.

Особенно упорные бои на Вяземском направлении, Брянском и Мелитопольском.

Во вчерашней сводке было сообщено, что наши войска оставили г. Орёл.

Погода сегодня холодная, с раннего утра было пасмурно, но к 8 часам утра уже небо стало чистое, опять, наверное, будет «В.Т.».

Сегодня я дежурная по Штабу (в самом Штабе), вместо Попова.

Сейчас пойду к Ане Романовой, ей богу, я к ней привыкла.

Сегодня такой дурацкий день, куда ни придёшь, везде жарко, просто не жалеют пара.

День всё ещё пасмурный, но на улице теплее.

Была уже одна «В.Т.», прошла спокойно.

Сегодня, как обычно, в 7:24, «В.Т.».

Я лежала, и читала газету, ждала вот-вот «В.Т.», по расписанию.

Сборы и ходьба до Штаба заняли 3 минуты, ушла в Штаб в 7:20 вечера, пришла в час утра.

За ночь было 5 «В.Т.».

Только придёт с вышки Попов, как опять «В.Т.».

Ночь была облачная, между облаками проглядывала луна, и вот пасмурную-то погоду любят фашистские стервятники.

Крошили и сыпали фугасные, и зажигательные бомбы, сколько, и куда попало.

В особенности, правее Малой Охты.

Сначала сбросили большие фугаски, потом зажигалки, а потом опять мелкие фугаски.

Потом неожиданно падает бомба поблизости, получается сильный взрыв, потом сотрясение здания, оказывается, бомба попала на улицу Палевского, разбила главную будку.

Поблизости в домах вылетели стёкла, своротило все печные трубы.

Затем была сброшена бомба в жилой дом, против Фабрики Ногина.

Одна бомба упала на Союз-утиль.

Бомба была сброшена на парашюте, сначала задержалась на проводах, потом парашют оборвался, и бомба пала на землю, и не взорвалась, весом 1.000 кг.

Народ был весь изолирован, и местность оцеплена, радиусом на 150 метров.

Затем зажигалки сбрасывались в Московском районе.

Вспыхнуло много пожаров, но очаги пожаров ликвидировались быстро.

Вот так прошла ночь.

«В.Т.» кончилась в 2:20, и из Штаба я никуда не пошла, и вздремнула, уткнувши носом в стол, потом легла на оттоманку (**Диван без спинки*), и проспала до 7 утра, перешла в сушилку, и ещё вздремнула с полчаса, но скоро разбудили рабочие.

Странно всё же получается, когда всё было спокойно, я за сутки спала 7-8-9 часов, и ещё хотелось спать, а сейчас, иногда за сутки уснёшь 2–3 часа, и ходишь целый день, хоть бы что.

Меняется время, меняются люди.

Сильно, говорят, я похудела, но надо сейчас учесть эту беспокойную жизнь, бессонные ночи и питание, сейчас не кушаешь пельмени, да яйца, а кушаешь всё, что попадет, даже соевый суп, от которого тошнит.

Вокруг цеха приводится божеский вид, скоро можно восстанавливать цех.

11/X/1941

11/X. Встала в 8 утра., очень не хотелось вставать, но ждали рабочие, валяться по-прежнему некогда, может быть, вздремну в обед.

Погода серая, но сухая, небо облачное, и если к вечеру не изменится, то очень опасно.

Кошмарный сегодня день, так хочу спать, не смотрят глаза, а настроение туманное.

Рабочие пошли обедать, а я легла вздремнуть, и сразу стало полегче, но жду с нетерпением, когда кончится смена, чтобы снова лечь, и основательно отоспаться для бессонной ночи ожидаемых «В.Т.».

У меня почему-то сегодня предположение, что ночь будет спокойная – вот бы хорошо.

Утром бы сходила под душ, и было бы всё в порядке.

День всё время пасмурный.

Обещают с 13/X/4I г. смену погоды.

15 часов, передают материалы из газет.

Когда стали передавать о Бабуринском жилмассиве, его организованности, и самозащите, ей богу, слёзы на глазах.

Этим что-то напомнило прошлое, что-то неразрывное, пять лет я жила вблизи этого массива, знаю его прекрасно.

Этой передачей мне вспомнилась мирная жизнь – студенческие годы.

Тяжёлые были они, но хорошие годы.

Я о здании общежития на Песочной никак не могу забыть.

Ведь это было первое, и единственное по Песочной улице, по величине, и красоте.

Лесной, и вместе с тем Выборгская сторона дороги мне, как свои родные места, где я выросла и повышала свои знания.

Вместе с тем, с Выборгской стороны я начала знакомиться впервые с городом Ленина.

Никогда в жизни я не забуду первых часов, дней, проведённых мною в Ленинграде, в том числе на Выборгской стороне.

Мне вспоминается осенний солнечный день осени – я сошла с поезда, перешла выход в город, села на трамвай № 25, в то время, по неизвестному мне городу.

Это первые шаги к Академии.

В эти минуты раскрылась мне вся красота этого великолепного города.

Как я блудилась (**Блуждать – запутаться, плутать, сбиться с пути (с дороги)*) первое время в парке.

Тучный, зелёный тенистый парк, с его оранжереями, и цветниками, красивыми, но в то же время, строгими линиями.

Сейчас же я знаю, каждый кустик, каждый поворот.

Сколько книг, и учебников, перечитано в этом парке.

Сколько снимков, есть у меня от этого парка.

И вот, пришло лето 1941 года, я ни разу не была в этом замечательном парке.

С начала лета было холодно, затем установилась хорошая погода, но началась война, начались «В.Т.», начались обстрелы.

Война приковала к Фабрике, и думать о чём-то другом, не приходится.

Вечер был пасмурный, прошло 7:30, время налёта фашистских стервятников, но время не лётное, и мы легли спать.

Уверенности о пасмурной погоде на всю ночь не было, так как уже не первая такая ночь.

И вот, в 22:45, «В.Т.».

Мы моментально оделись, и пошли в цех, где просидели до 4-х часов утра.

Самолёты кружились почти всё время около нас, били зенитки, освещали прожектора.

Но скоро в воздухе появились наши самолёты, стало веселее.

Веселье относительное, лучше бы спокойно спать, чем сидеть, и мёрзнуть под землей, в ожидании, что вот-вот стукнет тебе по кумполу, и зароет.

Лучше бы не слушать завывания вражеского стервятника, который скрипит, хуже немазаной телеги, ежедневно, и ежечасно.

Чуть только прекращался шум моторов, мы выходили из щели, и шли погреться.

Странно как-то, сейчас вошло в обыденность эти тревожные, холодные, и бессонные ночи.

А что будет зимой?

Я, думаю, сложить печку, и будет теплее, а то простудишься.

Ведь пока жив, хочется жить.

Из дому ничего не пишут, не знаю, что они думают обо мне, может быть, не считают уже живой.

Ну, Боровиковы крепки, они должны пережить всё.

Немного вчера поболтала с Адамом, он паренёк всё же выдержанный, и не навязчивый, мне нравятся такие люди.

Ну, по сравнению со знакомым, это ничего – что та.

Откровенно говоря, сейчас я его что-то стала забывать, потому что он о себе редко напоминает.

12/X/1941

12/X. Воскресенье, решила выспаться, и встала в 9 час. утра.

День ясный, прохладный – осень.

Информбюро не слышала, так как радио у нас нет.

В кабинете у меня радио работает, но ведь я нахожусь там только днём.

Как раз записываю в 11 час. дня, и слушаю последние известия: бои по всему фронту.

Особенно ожесточённые на Брянском, Вяземском направлении.

Вдали где-то раздаётся канонада, опять, наверное, сволочь вклинивается ближе к Ленинграду.

Но оказывается, бьёт наша артиллерия.

15 самолётов, пошли, наверно, на выполнение боевого задания, ну, счастливого им пути.

Ох, как приятно смотреть на свои самолёты, когда они в воздухе, и идут на задание.

Прямо сердце радуется, когда смотришь на них.

Да, было время, когда сообщали по радио, и в газетах, что такого-то числа был налёт на Ленинград, столько-то сбито самолётов, и т. д.

Сейчас это повторяется каждый день, и почти в одно и то же время, как по расписанию.

Откровенно говоря, мы сами привыкли ко всему, правда, очень неприятно не спать ночи, и слушать этот проклятый звук самолётов, и лязг, и тряску земли от фугасок, слышать, и видеть разруху города, видеть возникающие пожары, правда, последние тушатся быстро, но всё же, это переживаешь каждый день.

Я упоминала о бомбе, упавшей на Союзутиль, сегодня сообщили, что весом 1 тонна, длина ее 2,2 м., вот это груз.

Упавшая бомба на Палевском 3-х зарядная, взорвался только один заряд, и то, было такое сотрясение, а чтобы, если взорвались все 3 заряда.

Сегодня сообщили что, сволочи-фашисты, стали применять осколочные бомбы, для поражения живой силы.

Но нет, нас не сломить, Ленинград будет наш.

Завтра моё дежурство на вышке, и я пойду без всякой боязни.

Переживём всё, кто бы знал, как сильно жить хочется, как никогда.

Конечно, победа будет за нами, об этом не должно быть и речи.

После работы пошла в сушило, легла вздремнуть, хотелось покушать, но было нечем, а завтра ещё один день надо прожить.

Потом поварила картошки, покушала, и в 7:30 раздаётся «В.Т.».

Это 223-я «В.Т.» по счёту.

Быстро одевшись, пошла в щель в валенках, которые получила (мужские) для дежурства на вышке, ох, и тепло же в них.

«В.Т.» длилась 25 минут, прошла спокойно.

Погода была очень опасная для налёта.

Когда дали отбой «В.Т.», мы долго не ложились спать, были в полной готовности к следующему налёту, которые повторялись через 5-15 минут, каждую ночь.

Пошли с девчатами на территорию, и проходили, наверно, с час.

В воздухе было тихо, в направлении Шлиссельбурга шли усиленные бои.

Артиллерийская стрельба освещала горизонт.

После всех наблюдений, я пошла к себе, и в 9 часов легла спать.

С 9 ч. до 1 часу ночи спала в валенках, в пальто, и в большом платке, потом сбросила всё, и залезла под одеяло, и снова легла спать, предварительно проверив в воздухе.

Так пролежала до 7 часов утра.

Давно не приходилось так спать, полностью всю ночь.

Если вчера уснула во всём обмундировании, то нет ничего удивительного.

Об удобстве спанья мы забыли, спишь в том, в чём ходишь весь день.

Ночью была слышна артиллерийская канонада, в направлении Карельского перешейка, били точно барабаны, не знаю, было ли наступление или немцы врезались в клин, мы же люди малограмотные в военных делах.

В воздухе было тихо, следовательно, можно было спать.

13/X/1941

13/X. Встала в 7 часов утра, конечно, основательно выспалась.

На радостях позавтракала, и пошла к себе на голубятню, слушать радио.

Бои по всему фронту, особенно ожесточённые на Вяземском, Брянском направлениях, после ожесточённых боёв наши войска оставили г. Брянск.

Да, дела не веселят, но в то же время, внутренний инстинкт подсказывает, не вешать голову.

Сдача Орла, Брянска и др., это ещё не падение советской власти.

Все равно мы победим.

Переживём всё, все невзгоды и недоедания.

Конечно, всего жаль, как городов, так и население, но не гарантирован ты и сам за себя, но ныть, и вешать голову сейчас некогда, наоборот, в ответ на всё, сегодня моё дежурство на вышке 7-го этажа.

Пойду без всякого колебания и боязни, и буду наблюдать серьёзнее за воздухом.

Погода облачная и сухая, временами порошит снег, для налёта погода опасная, но нам не привыкать.

Цех, в основном прибрали, можно приступить к восстановлению.

С горя или радости, надо продолжать дневник.

Сегодня получила от знакомого письмо, в этот момент не было такого порыва, как раньше, но потом у меня было буйное настроение, всех бы я мяла, всех перековырнула, основная масса порыва досталась Ане Романовой, не хватало только кружки пива.

Эх, знакомый-знакомый, почему-то я считала, что забыла тебя, по крайней мере мне так казалось.

Но сегодня, сегодня всё во мне говорит за тебя, знакомый, и только за тебя, летят после этого все Адамы вверх тормашками, с которыми от нечего делать иногда болтала.

Написала я ему опять – не знаю, получит или нет.

Был бы ты здесь, тебе попало бы здорово, опять бы полетел ты сам, и твои часы.

Ну, ладно, былое снова не вернётся, и не воротится назад.

Вставка № 7. Стихотворение от Боровиковой А. Н.

Ну, хватит, ПОЭТ, а то зарапортуешься.

Аня мне не даёт покоя в жизни.

Вчера я ей рассказала несколько анекдотов, в том числе и пять фунтов шерсти.

Сегодня я ей напомнила этот анекдот, и что же я получила, да получила то, что она меня выгнала.

На пути попал Адам, ну и пришлось пожаловаться ему.

А он ходит, как петух.

Сегодня день моего дежурства на вышке.

В 6 час. мы с Ирой Курочкиной пошли в столовую, накушались фасолевого супу, с таким аппетитом, что меня чуть не стошнило.

Даже сейчас, вспомнишь, тошнит.

Пришлось закушать сахаром, затем картошкой, а потом чайком.

Ой, какой противный.

Наверное, с этого супа, у меня разболелась голова.

Но болеть было некогда, в 6:30 раздался сигнал «В.Т.», я была в полной боевой готовности и побежала на вышку.

Только плохо сгибались ноги в моих валенках, ведь надо сосчитать 180 ступеней, только поднимаясь вверх.

Настроение у меня было очень хорошее, я целый день, вечер, и ночь, под звуки вражеских самолетов, мурлыкала песни.

Вот что значит весточка, да ещё жив, здоров – это что-то стоит.

Когда я поднялась на вышку, в районе Московского вокзала уже виден был пожар.

Всматриваясь, мне показалось, что пожар где-то близко, около Боровой.

После тревоги я позвонила Саше (картофельному жениху), он говорит, да, пожар был за Фабрикой Анисимова (**Фабрика им. П. Анисимова; она же: "Новая бумагопрядильная мануфактура"; набережная Обводного канала 60 / Боровая улица 47*), горели конюшни, и ещё где-то два пожара.

Самолетов было, не знаю сколько, по-моему, шли они целыми эскадрильями.

Заход был от Володарского моста.

Только пройдут одни, идут другие.

Прожекторы работали во всю, но погода стала хмуриться, и к центру города стало темно.

Характерно то, что, когда был сильный пожар, около Боровой, вражеский самолёт по тому же месту стал снова спускать зажигательные бомбы, сбрасывать зажигалки, и в других местах, но они быстро тушились.

В 20:11 дали отбой «В.Т.».

Я пошла в Штаб, смешила девочек, рассказала им уйму анекдотов.

Ведь я уже отмечала, что у меня было хорошее настроение.

Потрепалась по телефону с Аней Романовой, Адамом, и легла стать в Штабе.

В 23:51 снова «В.Т.», я уже спала.

Снова пошла считать 180 ступенек, самолёты уже жужжали в воздухе, шли опять от Володарского моста.

Опять сбрасывались зажигалки, в Московском, и Ленинском районах.

К тому времени уже вышла на освещение луна, на горизонте же, к центру, было темно, а со временем весь город покрылся дымкой.

Видимость не больше 100 метров, луна всё освещала.

Душа моя предсказывала спокойный день, несмотря на глубокую ночь.

Саша всё время мурлыкала песни.

Тревога длилась 1:30, после отбоя пошла я в Штаб, потрепалась с девчонками, подсчитала количество сосчитанных ступенек за «В.Т.», всего 720 шт.

Спать пошла в сушило, до 7 часов спала в пальто, платье и в валенках, потом залезла под одеяло, и снова уснула.

Да, за этот вечер штук 20 зажигалок упало на Боровой, где я живу, такая, говорят, была перепалка, бабёнки даже стащили бельё с коек.

Больше всего их напугали фугаски, которых поблизости было сброшено штук пять.

14/X/1941

I4/X. Покров (**В христианской религии – один из праздников*).

Встала в 5 часов утра.

Погода изумительная, светит яркое солнце, ни облачка на небе, но на земле иней, и немного холодно.

Ещё когда спала, приходит Аня Романова, и говорит, что в 11 новая упала бомба, пробила крышу, две решетки, и ушла в землю.

Потом я пошла сама проверить, но оказывается, пал снаряд от зенитки и не взорвался.

За день было две «В.Т.» – поблизости, прошли спокойно.

Поужинала вечером овсяного супу, поплевавши на все четыре стороны, занялась вязаньем носков для бойцов.

Погода была пасмурная, не лётная, но всё же часто выходила на улицу, присматриваясь, что-то будет, или нет, «В.Т.».

Все легли спать, но у меня было задание: связать носки, сделала, и легла спать.

15/X/1941

15/X. Проспала до 6 часов утра.

Говорят, что наши войска оставили город Мариуполь.

Погода пасмурная – ночью выпал снег.

Всю ночь в направлении Рыбацкого раздавалась артиллерийская канонада.

Говорят, что враг обстреливает Рыбацкое.

Сегодня направляю 10 человек на оборонные работы.

День и ночь прошли спокойно, «В.Т.» не было.

Для меня самой стало заметно, что я стала меньше заглядывать в свой дневник.

Сейчас некогда, усиленно готовлю бойцам подарки.

Также занимаюсь эти дни сбором средств для подарков бойцам.

Положение стало серьёзное, появилось новое – Калининское направление фронта.

Сегодня мне поручили выгрузку, и вывозку угля, и два раза сегодня товарищ Попов заговаривал, чтобы я дала согласие работать начальником подушечного цеха.

Ох, как не хочется, не люблю я это.

Уж лучше быстрее восстанавливать свой цех, и работать у себя, где я привыкла.

Ну, ладно, когда кончу подарки бойцам, тогда будет видно – сейчас некогда.

16/X/1941

16/X. Четверг – должен быть выходной день, но сейчас некогда.

Встала в 7 часов утра, так как на бревёнке есть рабочие, и без погонялки (**Толковый словарь Ушакова: погонялка – то, чем погоняют кого-нибудь (кнут, прут, хворостина)*) работать не будут.

Погода сухая, но небо серое, я сегодня дежурная по Штабу – не знаю, как пройдут сутки, а сейчас пора вязать, и кроить белье, некогда расписываться, ты же знаешь, что на рукоделье можешь помешаться, да ещё для бойцов.

День прошел бешено, целый день кроила, и всего изрезала 20 пар, болят руки от ножниц.

Утреннее сообщение: бои по всему фронту.

Особенно ожесточённые на Западном направлении.

Чёрт прёт к Москве, и баста (**Этимологический словарь русского языка Семенова: Слово «баста» изначально появилось в русском языке как существительное – термин карточной игры (ломбер), популярной при дворе Екатерины II. Тогда слово «баста» было наименованием трефового туза. Как разговорное восклицание со значением «довольно! хватит!» слово «баста» употребляется с начала XIX в.).*

Но я не падаю духом, хотя, кажется, опять бьёт дальнобойка.

За день была «В.Т.», прошла спокойно.

День всё время пасмурный, не знаю, что будет ночью.

Настроение рассеянно (**Толковый словарь Ефремовой: оценочная характеристика чьего-либо состояния как невнимательного, несосредоточенного*).

Так проходят сейчас дни, делать ничего не делаешь, и без дела не бегаешь, а к вечеру устаёшь как чёрт.

Даже дневник записать, как следует, и то, некогда.

Вот сижу пишу, а где-то снаряды рвутся совсем близко.

Уже темно, пора идти на ночлег.

В 19:21 «В.Т.», я сразу же побежала в Штаб, тревога длилась 1 час.

Где-то, сволочь, опять сбросил несколько фугасных, и зажигательных бомб.

Домой я не пошла, а сидела в Штабе, и вязала носки.

В 0:29 опять «В.Т.», налёт был большой, так как был не один заход со стороны Володарского моста, и к центру города, где было сброшено несколько фугасных, и зажигательных бомб.

В особенности пострадал Московский район.

После всего я пошла спать.

Ночь была тёмная, не видно ни зги (**Об абсолютной темноте*).

Идя в тёмную ночь, невольно взглянешь на свой цех, и думаешь, как-то светомаскировка, не светит ли в трансмиссионном отделении, но моментально вспоминаешь, ведь цеха-то нет, осталось только название.

Придя к себе, мы с Адамом долго беседовали на улице.

Вдруг, слышим, зенитки в районе 5-го Г.Э.С., и слышно, где-то вдали гул мотора, и он приближался к нам.

В это время ночь была уже звёздная, я сразу же побежала в Штаб.

Добежав до сушила, слышу сигнал «В.Т.», и самолёт уже над нами.

«В.Т.» длилась 47 минут, предварительно подремав час, я пошла к себе, и так крепко-крепко уснула.

Отметить надо два момента:

1) Ночью, правее аэродрома, пускали осветительные ракеты.

Яркая вспышка пламени (мгновенная), а потом свет, далеко расходился по горизонту.

Это было 3–4 раза, как раз в то время мы стояли с Адамом на улице.

2) Во время последней тревоги, я очень хотела спать, прямо слипались глаза.

Вот, закинув голову, не отрывая уха от трубки, я закрыла глава, и невольно уснула.

Вдруг, слышу с вышки голос Попова: “Штаб, Штаб, Штаб!”

Я молчу, и думаю, куда, и откуда этот голос, потом сразу опомнилась, ведь это кричат мне, ведь я же дежурю.

Вот, оказывается, как измучаешься за день, и бессонные ночи.

17/X/1941

I7/X. Встала в 7:30 утра, спала бы, наверное, и ещё, так как легла в 4 часа, но вдруг слышу, сигнал «В.Т.», надо бежать в Штаб, так как не закончилось моё дежурство в Штабе.

Спала, конечно, в полной упряжке, замёрзла одна нога, оказывается, при повороте с боку на бок у меня слетел один валенок (так как они очень маленькие).

Так каждый день, эпизод за эпизодом.

Конечно, записываю не всё, а по настроению и по времени.

Что-то меня ожидает впереди.

Ведь иногда и задумаешься, ведь цех-то не работает, людей-то в цеху у меня нет, какой же ты начальник над 28 человеками.

Осталось связать себе носки, и перчатки, и уйти туда, где бьют в упор фашистскую гадину.

В каждую пару носок, или перчаток, я вкладываю записки.

Уже темно, но надо же записать о сегодняшнем дне.

День прошёл бешено, несмотря на то что было 10 человек рабочих, мне даже некогда было пообедать, опять занималась кройкой шитья, и вязкой носок.

Потом занималась доставкой угля на Фабрику, ведь теперь и уголь – король.

День был пасмурный, но тёплый, артиллерийская канонада не умолкала весь день, снаряды ложились близко, за Палевским.

Утреннее сообщение: бои по всему фронту, особенно ожесточённые – на Западном.

Сволочь, прёт к Москве.

Большие потери с обоих сторон.

Какова-то будет ночка.

Да, ночь была ясная, звёздная, и тёплая, но в 19:15 раздаётся сигнал «В.Т.».

Всего беспокоили за ночь 4 раза.

Откровенно говоря, мы сейчас привыкли к этому, и думаем, всё равно, жить, так жить, умирать, так умирать.

В щели вчера сидели мало.

Над нами самолётов не было слышно, они любят Московский, Ленинский, и др. районы города, где опять было сброшено много фугасных, и зажигательных бомб.

Но хуже всего сейчас, как барабаны раздаётся артиллерийская канонада.

Да, что-то стало совсем близко, нелегальные языки говорят, немец прёт по прямой линии, от Ленинграда всего – километр, но я думаю, что выживу, и переживу всё.

Чем всё кончится, ведь интересно.

Ведь пережито уже 236 «В.Т.».

А из них, сколько ночных «В.Т.», следовательно, сколько бессонных ночей, но сколько ещё впереди.

Да, откровенно говоря, сама и не считаешься со сном.

Поспишь, хорошо, не поспишь, что же, что же сделать, война и фронт.

Иногда день ходишь в каком-то тумане.

Неужели Ленинград ожидает ещё больше неприятности, и переживания.

В заключение сегодняшнего дня дам вырезку из газеты Ленинградская правда:

Вклейка № 30. Статья «На острове Эзель».

18/X/1941

18/X. 10 часов утра, сижу, и пишу вот этот дневник, а артиллерийская канонада раздаётся совсем близко, как будто на Палевском.

Встала сегодня в 8:45, напилась чаю, пошла к себе, а потом то, другое, и так прошел день.

Информбюро: бои по всему фронту.

На западном направлении наши войска потеснили противника.

И много говорили об эвакуации войск из Одессы.

Для нас, Ленинградцев, переживших столько, это сообщение большая печаль.

Удивительное дело, и ночь прошла спокойно.

Небо было тусклое – нависли облака.

Вечером выпал снег, ночь была тёмная, не видно ни зги.

Не совсем далеко раздавалась артиллерийская канонада, раздавались выстрелы, так, что дрожали стены.

Иногда с перерывами, а иногда беспрерывно, точно барабанный бой.

Но ко всему стуку мы привыкли.

В комнате у нас тепло и светло.

Занималась после душа вязаньем носков, и чулок.

За вечер связала неизвестному воину варежки, думаю, становится холодно, надо обогреть скорее бойцов, и командиров, чтобы их ноги не мёрзли, и согревали в варежках руки, крепче били ненавистного врага.

19/X/1941

19/X. Встала в 8 ч. утра, ночью в нашей кабине выдуло, так как окна без стёкол – фанера, и ветер ходит по комнате.

Одевшись потеплее, продолжала спать.

Информбюро: бои по всему фронту, особенно ожесточённые – на Западном направлении.

Погода пасмурная, но не очень холодная, или потому, что я тепло одета, в валенках, и зимнем пальто.

Сегодня с 9 утра до завтра 9 утра моё дежурство, в Штабе, на вышке.

Как-то пройдет – не знаю.

Хотя погода нелётная, но в моё дежурство проклятый Адольф любит беспокоить, как заведётся – прерывно часов на 6, почти на всю ночь, и жужжит в воздухе, действуя на нервы.

К вечеру погода стала проясняться.

В 2:30 назначено было военное занятие, но не состоялось, так как собралось мало народу.

Да погода смущает, везёт нам, когда мы с Поповым дежурим.

Но напрасны были наши опасения.

К вечеру заволокло всё небо, а ночью было темно-темно, но очень холодно, в нашей кабине, и мы сидели до 12 часов у электропечки.

За день вчера связала 5 перчаток.

Артиллерийская стрельба не умолкает.

20/X/1941

20/X. Матрёшки сегодня выспались, и встали в 7 часов утра.

Погода сегодня пасмурная, сама природа защищает Ленинград, давно пора бы.

День сегодня прошел тоже спокойно, но бешено, даже некогда было записать дневник.

Усиленно вязала, а потом, все носки и варежки перестирала, какие они стали хорошенькие.

С килограммчик бы такой шерсти, на кофточку, было бы дело.

Но постараюсь, может быть, что-нибудь и выйдет.

В 5 часов дали сигнал «В.Т.», длилась больше часу.

Хотя погода была пасмурная, но, сволочи, опять натворили дел, говорят, на Охте опять сбросил несколько зажигательных бомб.

Во время «В.Т.» мы сидели в щели, осколки от зениток всё время жужжали в воздухе, падая вниз, совсем близко от нас.

Ночь прошла спокойно – было тепло и пасмурно, но артиллерийская канонада не умолкала во всех концах горизонта.

Выйдя проверить погоду, опять поболтала с Адамом.

Ночь прошла спокойно, и наша Саша опять выспалась.

Вклейка № 31. Статья «Обращение центрального комитета коммунистической партии Германии к немецкому народу и к немецкой армии».

21/X/1941

21/X. Встала в 7 часов утра, Информбюро не слушала, нет радио.

Сходила утром под душ, и пошла на голубятню, подготовлять бойцам наши варежки.

Вот уже 10 часов утра, я всё ещё собирала варежки, и носки, ведь надо в каждую пару вложить записочку, кто их вязал.

В особенности, очень удачные вышли большие носки, не знаю, кому они попадут, посылаю я их с таким чувством – не знаю, кому они попадут.

А вдруг, да к знакомому, вот было бы дело.

День прошёл спокойно, погода была пасмурная, моросил дождь.

К ночи даже напал туман.

Это всё для нас к лучшему – отдых и сон будут нормальны.

Сегодня мне Голубев обещал шерсти, на кофточку.

Связала за вечер варежки, и в 11 часов легла спать.

22/X/1941

22/X. Сегодня исполнилось 4 месяца, как вероломный враг подло, воровски, напал на нашу страну, нарушил нашу мирную, и счастливую жизнь.

Как было хорошо жить, вспоминаешь теперь, до военного времени, кажется только сон.

Но будем надеяться на будущее, что будем снова жить хорошо.

Встала в 7 часов утра, отоспалась хорошо.

Погода пасмурная, моросит дождь, не знаю, как пройдёт день.

Сегодня я дежурная по Штабу.

До 9 часов вязала, а сейчас надо сходить на территорию, и подготовиться к диспетчерскому совещанию.

Завтра выходной день, а я дома не была давно, да и отвыкла от него, и не хочется ездить, разве только сменить бельё, больше не зачем.

Готовить дома стало нечего (желания нет).

Прошёл день, настал вечер.

Погода всё ещё пасмурная, что будет ночью.

Только в 16 часов была сильная артиллерийская канонада, слышно было свист снарядов.

Сегодня подготовила двое носков, и варежки.

Одни из носок подарила Попову, он был очень доволен, но ещё бы, настоящие, пуховые, и вышли самые удачные, я их мерила себе, но вышли велики, поэтому подарила ему.

Завтра выходной день, но учитывая, что я дежурю до 9 часов утра, я вязала носки.

Домой, уж, наверное, не поеду.

Спала хорошо – тревог не было.

Уснула в 0:30, всё вязала.

23/X/1941

23/X. Четверг, встала в 7 часов утра.

Погода пасмурная.

Весь день просидела у себя в кабинете, не показываясь, а то бы не дали отдохнуть.

За день связала две пары носок и варежку.

Взяла ещё 3 кг. шерсти.

Вечер и ночь прошли спокойно.

Приходил Петя, сидел долго у меня, ох, и недалекий же он человек, неужели он ещё не видел жизни.

24/X/1941

24/X. Встала в 7 ч. утра.

Погода пасмурная, вот и хорошо.

Но, к обеду погода прояснилась, светило солнце.

К вечеру опять стало пасмурно, но часов в 12 стали появляться на небе звёздочки, но я легла спать.

Думаю, поздно, и налёта уже не будет.

Сильно била артиллерия, в особенности от Финляндского моста, наверное, с броневика.

Днём получила письмо от Русских, и знакомого – двух моих любимцев, сразу же дала им ответ.

25/X/1941

25/X. Встала в 6 ч. утра.

Бои на Таганрогском, и Макеевском направлении, и на Можайском, и Малоярославском направлениях, отбиты атаки немцев, с большими для них потерями.

День и ночь прошли спокойно, даже вымылась под душем, и легла спать в 2 часа ночи.

Раздавалась артиллерийская канонада, а я уж, думала, бомбёжка.

С Адамом болтала долго, он мне передал лупу.

Чудак парень, и можно с ним поболтать.

Сообщил, что убили Слесарева В.В., 04/X.

26/X/1941

26/X. Встала в 7 утра, и занялась кройкой белья, для подарков бойцам Красной Армии.

Потом вязала, потом стирала, и т. д., так прошёл день.

Ох, как я устала сегодня, так болит спина.

Сижу, пишу дневник, в 17:30 передают по радио песни.

Песня Богунского полка (**Исполняет ансамбль песни и пляски А.В. Александрова),* а на душе скребут кошки, что-то так скучно, хотя бы пришел Адам, поболтать от нечего делать, но уж лучше пойду туда.

Вечер и ночь прошли спокойно, я долго сидела, и вязала.

27/X/1941

27/X. Встала в 7 часов утра, сразу же пошла к себе.

Наши войска оставили г. Сталина (**Ныне: Донецк*).

Вот сижу, пишу, а сама сильно нервничаю, сама не знаю почему, но плохое настроение.

Или за город Сталина, или вообще, за что другое.

Погода сырая, выпал снег в кабинете, вот и нервничаю, за всё взятое вместе.

Да, было бы ещё хорошее настроение, чёрт знает, как складывается жизнь, и там пусто, и в другом месте пусто.

С чего же веселиться-то.

28/X/1941

28/X. 6 часов вечера, темно, но день была так занята, что некогда было записать дневник.

Целый день вязала, гладила, и т. д., в общем, было некогда.

Погода снежная, так что я одела валенки.

Думаю, ночь пройдёт спокойно.

К вечеру была метелица, я только что пришла в сушило, и села вязать, вдруг, сигнал «В.Т.».

Как-то даже не верится – в такую погоду.

Тревога длилась 1 ч. 17, была очень неспокойная, много было сброшено фугасных, и зажигательных бомб.

Где-то поблизости раздавались взрывы бомб, оказывается, на проспекте с Смоленского 24, и 26.

Потом сильный пожар был на Деревообделочном Заводе, на правом берегу.

Зарево было огромное, так, что освещалась вся наша территория, но был быстро потушен.

После отбоя я пошла к себе, и взялась за вязку.

Часов в 10 вечера было слышно взрывы снарядов, выйдя на улицу, было видно вспышки от орудий, оказывается, работала наша артиллерия.

Вечером мне сообщил Соколов, что меня назначили в делегацию, на фронт.

Ох, как я довольна, я давно об этом мечтала, посмотрим, что предложит судьба.

29/X/1941

29/X. Ночь проспала спокойно.

Информбюро прослушала, но ничего не поняла, о Ленинградском фронте ничего не говорят.

Чтобы попасть к знакомому, когда поеду на фронт.

Сегодня было слышно стрельбу на передовых, из мелких орудий, в том числе, строчили пулеметы.

В 17:55 «В.Т.», было сброшено несколько зажигательных бомб.

В 20:15 «В.Т.», тоже сбрасывались зажигалки, фугасок не было слышно, но шквал огня, зениток по самолётам, бил точно барабан.

После всего этого был сильный артиллерийский огонь, но мы пошли спать, что нам, Ленинградцам, мы привыкли ко всему.

У Попова всё же выспорила две пачки папирос “Северная Пальмира” (**На упаковках были изображены силуэты Стрелки Васильевского острова Ленинграда, фрагмент Ростральной колонны, и здание Биржи, а также река Нева, и пароход*).

30/X/1941

30/X. Выходной день, но я на Фабрике, некогда ехать домой.

Информбюро не слышала, но говорят, что наши войска оставили город Харьков.

Погода холодная, выпал снег, но небо серое, не знаю, как пройдет день.

Я сегодня опять занята подготовкой подарков бойцам.

Сшила 9 кисетов, вышила несколько штук.

Попову подарила перчатки.

Вечер и день прошли спокойно.

31/X/1941

3I/X. С раннего утра опять за работой.

Продолжаю дело с кисетами.

Дела идут, накроила 25 штук кисетов.

Информбюро слушала невнимательно, только прослушала Тульское направление.

Вот чёрт, прёт на южном участке фронта.

День прошёл опять в работе, весь день шила, вязала, стирала, и т. д.

Сшила 52 кисета, сидела до 3 час. ночи.

В добавок к этому, в 23:00 дали «В.Т.», которая длилась до 24 часов, пришлось сидеть в щели.

Ну, надо отметить, и Адам, сходит с ума парень, и даже осмелился вчера сделать предложение, и не как-нибудь, окольным путём, а прямо, резонно, вот чудак парень.

Глава 6. Ноябрь 1941

1/XI/1941

1/XI. Встала в 7 час. утра, трещит голова, не выспалась, а работы хоть отбавляй.

Завтра же ехать, а у меня ещё работы не початый край.

Хочу очень жрать, а Матрёшки моей нет, а ключи от шкафа у неё.

Погода тёплая, но уже выпал снег.

Целый день провозилась с письмами.

Вечером была в Райкоме Партии, на совещании делегатов, где дали установку, как нужно вести себя на фронте.

Совещание было очень хорошее, какое-то приподнятое, возбуждённое настроение.

Интересно, как, буду довольна поездкой.

Ночью было 2 «В.Т.», прошли спокойно.

2/XI/1941

2/XI. Встала в 8 часов утра, решила отоспаться, ведь, может быть, скоро не придётся спать.

Накушалась сегодня хорошо, выпила какао, и одну шоколадку.

Сейчас взялась за вязку, может быть, ещё успею лишнюю пару взять с собой.

Целый день вязала, целый день шёл ураганный бой, в воздухе тоже не совсем спокойно, но некогда прислушиваться, да, и притом, что это, ведь я еду на фронт.

Вечером связала варежки, потом вышла проверить, что за погода.

Небо чистое, и светит луна, чуть-чуть мороз, самая приятная погода для мирного времени.

В час ночи легла спать.

3/XI/1941

3/XI. Встала в 7 час. утра.

Позавтракав, пошла к себе на голубятню, опять готовить подарки.

Да, интересно, как-то встретят нас на фронте бойцы, и командиры, приятно им будет, или нет – не знаю.

Вообще, у меня сейчас приподнятое настроение.

Хотя нас на совещании предупреждали, что хоть маленькая есть трусость, то лучше не ехать, но я горю страстным желанием поехать.

Не всё ли равно, жить, так жить, умирать, так умирать, но, по крайне мере, умереть там, не на задворках, в качестве труса, а лучше умереть в передовых, и смелых.

Да, остался 1 день, а работы ещё много, в то же время надо написать домой, и знакомому, письма.

Надо заметку в газету, надо бы еще покроить белье, и т. д.

День прошёл спокойно.

Вечером были 2 «В.Т.», у нас прошли спокойно.

Адаму подарила носки, пусть вспоминает.

4/XI/1941

4/XI. Встала в 7:30 утра, дополнительные сборы, и вот, 9:30 утра, жду команду, когда же поедем.

Оделась очень тепло, не знаю, как буду поворачиваться с котомками.

Вот торговка.

Дана команда в 12 час. уезжать, т. е. быть в Райкоме Партии.

Очень приподнятое настроение, хочу ехать, т. к. уже собралась, ну, что будет, пан – пропал.

Съезжу, посмотрю, что будет.

На этом ставлю точку, поехала.

В Райком поехали к 12-ти, но просидели до 3-х часов ночи.

Очень долго собирался Экономайзер (**Ленинградский государственный машиностроительный завод «Экономайзер» (ЛЗЭ), с 1939 г. – Ленинградский чугунолитейный, механический и трубочный завод «Экономайзер»*) с машиной.

Добрались хорошо, до Штаба Армии.

Поехали на Карельский перешеек.

Ехало нас 2 делегации, с Комбината имени Тельмана, и Экономайзер.

Впечатление от поездки самое лучшее, на первый раз, и запечатлеется на всю мою жизнь.

Главное, не чувствуешь, что близко фронт.

В Штабе Армии подзакусили основательно, бутербродом с маслом, и сыром, провели с нами совещание.

Старший политрук Штаба Армии распределил нас по местам назначения.

Наша делегация поехала 15 км от Штаба Армии, в Штаб укреп. района, где встретили нас очень, и очень хорошо.

Место напоминает Сиверскую, дом Отдыха.

Когда мы зашли в землянку, то это что-то изумительное.

Паровое отопление, электроосвещение, комната покрыта масляной краской, имеется красный уголок, киноустановка.

Здесь, тишина в воздухе, в общем, впечатление самое лучшее, которое не выразишь словами.

После, ужина – макарон, молока, чаю с круглым хлебом, пошли в Штаб.

Генерал-майор, и комиссар полка, провели с нами беседу.

Ознакомились с целью нашего приезда, и дали задание нашей работе, на фронте.

Заверили нас, что дальше, врага не пустят.

Ленинград, за наш участок, пусть будет спокоен, здесь граница от врага закрыта, и закрыта на крепкий замок.

Это воодушевило нас всех, нас, и этот радушный приём.

Потом до 2-х часов ночи мы сортировали подарки по бригадам, и в 2 часа пошли спать в землянку.

Впечатление первого дня – восхитительное.

5/XI/1941

5/XI. Встала в 9 утра – ведь я в гостях.

Пошли позавтракать гречневой кашей с молоком.

В столовой чистота, и порядок, беленькие клеёнки, на столах цветы.

Кругом тишина, хотя от фронта 4 км.

В Ленинграде у нас беспокойнее.

Ну, а сейчас нам надо собираться в дальнейший путь, упаковывать вещи.

Командование готовится к празднику.

Идет побелка стен, и потолка.

Напившись чаю, стали упаковывать вещи.

Разбились на 7 участков.

Я поехала на самый дальний, от Штаба – ближе к фронту.

Поехала с одним дядькой, из Трампарка имени Володарского.

Везли подарки комиссару Гортешину:

1. Наборов 35 шт.
2. Перчаток 9 пар
3. Шарф 1 шт.
4. Бумаги 14 пач.
5. Конвертов 5 пач.
6. Одеколона 10 флаконов
7. Карандашей 50 шт.
8. Валенок 2 пары
9. Папирос 20 пачек.

И т. д., и т. п.

В первую очередь уехал Алёшин, близкий участок к Викторову.

Штаб Командования просил потом привозить подворотничков, т. к. они ценны для бойцов и командиров.

Командование очень хвалит бойцов, их боевой дух, и говорит, что жертв с нашей стороны очень мало, вот это хорошо.

Выехали в 3 часа дня в Штаб пульбата (**Отдельного пулеметно-артиллерийского батальона*), пришлось ехать окольным путем, это км 50.

Скучно, т. к. мы не пообедали.

Так же дружественно встретили нас и в этом Штабе.

Комиссар встретил, как старых знакомых, чуть ли не в объятья.

Вечером, в часов 9, крепко поужинали, а потом, собрался командный состав, и беседовали до часу ночи, как-то со всеми быстро ознакомились.

Комиссар Гортешин (**Далее неразборчиво*) где посвятил.

Потом принесли баян, и развеселили нас.

После всего, комиссар повёл меня спать к телефонисткам, где мы с ним просидели до 3-х часов ночи, говорили на всевозможные темы.

Настроение фронтового командования бодрое.

Находились от фронта 1,5–1,8 км, живут в землянках, тихо, сухо, светло, и чисто, такие сооружения, что на первое время без проводника заблудишься.

Ходишь, как по проспектам.

Уснула моментально.

6/XI/1941

6/XI. Встала в 9 утра, выспалась основательно, также, основательно позавтракала украинского сала.

Ох, и питание, по-праздничному.

Сижу сейчас с врачом, украшаем портрет товарища Сталина.

В общем, чувствую себя как дома.

Очень довольна поездкой.

Ознакомились, что имеется у них на вооружении.

А как тепло с нами разговаривали бойцы.

Ведь в основном, это Ленинградцы.

Бойцы все одеты чисто, у каждого чистый подворотничок.

День просидели в землянке, в Штабе.

Пообедали крепко-крепко, и вечером опять собрались – комиссар, политрук Смирнов, и другие.

Вечером сходили в тыл, на концерт на второй сеанс.

Приезжали Ленинградские артисты.

Расскажешь дома, многие Ленинградцы не поверят, и позавидуют.

Не все-то, наверно, были на концертах.

Но настроение такое, что с удовольствием я бы осталась здесь, только бы принести пользу.

Поужинала, и легла спать.

7/XI/1941

7/XI. Праздник (**24-я годовщина Октябрьской Революции, в честь этого в Москве провели Парад на Красной площади*) – первый праздник в обстановке войны, да ещё на фронте, на передовой.

Спала до 9 часов, вдруг звонят, и приглашают на завтрак, в одну роту, т. е. на собрание, и в гости – это моя мечта, быть на месте боя.

Ночью была небольшая перестрелка, т. к. наши вели небольшое наступление.

Сейчас позавтракаем в Штабе, и пойдем в гости, в роту.

Днём, часов в 11, мы пошли в роту, как раз пришли во время собрания.

Встретили нас очень приветливо, и дружественно, ну, что ж сделаешь, большинство Ленинградцы, и встретили нас, как своих родных.

От полосы фронта было 100–150 метров, видно было простым глазом перебежчиков в бою, а в бинокль, совсем перед глазами.

На пути попали два раненых бойца, один с раненой рукой, а другой с забинтованной головой, идущих в Полевой Госпиталь.

В право слышно, и видно было, разрывы мин, в метрах 15–30.

Обстреливался правый фланг.

Потом мы пошли в другой домик, где младший политрук встретил нас очень дружелюбно.

Потом пошли в полевую кухню, обедать, такой жирный, и вкусный обед, что можно раз в день покушать такого обеда, и будешь сыт.

Никогда я этого обеда не забуду.

Затем на лошадях поехали в Штаб.

Пошли посмотреть на финнов в перископ, но погода была снежная, и ничего не видно.

Затем пошли в комендантскую, и беседовали больше двух часов, потом пошли к химикам, так весь вечер проходили по землянкам, всюду нас приглашали, всюду была тёплая, хорошая встреча.

Телефонисты изобиделись, что мы не зашли к ним, но не хватило у нас времени.

Сегодня Тарасову подарила от себя лично перчатки, а вторые – Смирнову.

Часов в 5 нас опять потащили в столовую.

Сначала мы не шли, но врач сказала, что обижается повар, пришлось идти.

Вечером написала прощальное письмо следующего содержания:

Бойцам, командирам и полит. работникам.

Товарищи, бойцы, командиры и политработники!

Уезжая от Вас, разрешите Вам передать прощальный привет, и массу наилучших пожеланий в Вашей фронтовой, и личной жизни, от всей души.

Искренне Вас благодарим, за радушный приём.

Чувствовали мы себя у Вас, как в родной семье, как старые знакомые, знавшие друг друга уже несколько лет.

Товарищи бойцы, командиры, и политработники, цель нашего приезда для Вас понятна.

Это связь тыла с фронтом.

Хотя в современной, создавшейся обстановке, Ленинград назвать тылом нельзя.

Вы сами часто видите, в направлении к городу, разрывы снарядов от зениток, а потом зарево пожаров.

Этого мы не скрывали, и в разговоре с Вами.

*Враг бьёт Ленинград с воздуха, обстреливает дальнобойными, но жители города Ленина, рабочие, служащие, и ИТР (*Инженерно-технические работники), это единая монолитная семья, уже привыкла ко всему.*

Сплоченность Ленинградцев увеличивается с каждым днём.

Единодушное мнение жителей Ленинграда, это громить врага там, где он покажется, уничтожать его на каждом шагу.

Уезжая сюда, коллектив Володарского района просил Вам передать пламенный привет, и заявил, что мы всё сделаем для фронта, несмотря на временно создавшееся трудности, и просил призвать Вас к отпору врага.

Ленинградцы уверены сейчас, что врагу, города Ленина не видать, но эта уверенность в Ваших руках, вместе с нами.

Так будьте же стойки, бесстрашны, и бдительны, овладевайте знанием бойца Красной Армии, а Ленинградцы Вас поддержат.

Просим Вас писать нам, о Ваших запросах к нам, с большим удовольствием будем отвечать.

Вклейка № 32. Записка «Любимые и родные!».
Вклейка № 33. Записка «Все силы народа – на разгром врага».

После этого обменялись адресами:
Ленинградская область.
П/о Вартемяги
П/я 80/66
Торопов АА
Чершенин
Косырев
Смирнов
В каждый подарок вот вкладывали такие листки:

Вклейка № 34. Записка «От рабочих Володарского района».

8/XI/1941

8/XI. Встала в 9 час. утра, позавтракала, скоро нам подали фургон с артистами, и мы поехали с ними.

Вышли провожать нас все командиры Штаба, это родная семья, близкая семья, к которой мы привыкли за эти дни.

Это наша родная, близкая семья.

По дороге нам не хватило горючего.

Простояли минут 35, затем поднесли на плечах горючего, и мы тронулись в путь.

Ехали прямым путём, по полосе фронта, недалеко было слышно взрывы мин, но мы доехали спокойно.

Потом с провожатыми заблудились, и случайно нашли другую нашу делегацию.

Затем поехали сразу в Штаб Армии, предварительно пообедав в походной столовой.

В Штабе Армии провели прощальную беседу, Генерал-полковник – довольно симпатичный человек.

Затем поужинали, поехали в Ленинград, и в 8:30 я была уже на Фабрике.

Эта поездка запечатлела на всю мою жизнь и это я приняла за самое лучшее поощрение.

Большое желание побывать ещё у бойцов, и командование ещё приглашало нас, так как эти поездки, и встречи с делегацией, поднимают боевой дух бойцов, командиров.

Спасибо, товарищи бойцы, и командиры, за тёплую встречу, и радушный приём.

Работать после этого для фронта буду ещё больше, и лучше, там, где потребуется, не считаясь ни с чем, ни со сном, ни с пищей.

В 11 часов вечера пошла к директору, побеседовала с ним, угостил он меня бутылочкой праздничного пива.

Потом пошла к себе, сходила под душ, потом проболтала с Адамом, а в 3 часа легла спать, было тепло.

Интересно, когда я ехала домой, по Ленинграду, темно, сыро, кругом пустота, разве, где увидишь пожарников, с распущенными рукавами.

Это, сволочь, Гитлер, опять создавал пожары в городе.

Когда я ехала у Московского вокзала, думала остаться ночевать на Боровой, но потом, думаю, может быть, и живого дома-то уже нет, лучше поеду на Фабрику, и там, где-нибудь, да есть приткнуться, и отогреться, так как я очень замёрзла.

Так прошел мой ноябрьский праздник 1941 года.

9/XI/1941

9/XI. Вот и начинается трудовой мой день.

В 7 час. утра уже звонит ко мне Ив. Анакин, вот чёрт бы его забрал, длинноногого, вот тоже мне главный инженер – курица отварная на воде, пропустил аварию, унесено 60 кубических метров древесины.

Прохлопали, что же, не могли закрепить, чёрт бы их подрал.

Пошла на диспетчерское, меня встретил военный, и просил чурки (**Обрубки дерева*).

Не знаю, почему, но хотелось ему отпустить чурки.

Затем пообедала домашнего неприятного обеда, получила деньги, и привела в порядок свой дневник.

Время уже 14:30, проходит день.

Погода пасмурная, не знаю, что будет вечером.

За моё отсутствие было 14 тревог, чёрт не даёт покоя, и говорят, что опять обстреливал город.

Надо написать сегодня письма, знакомому, и Торопову.

Вечером получила от знакомого письмо, хорошо, что не отослала своё, а то оно было обидчивое.

Потом занялась путаньем ниток (**Трощение пряжи, ссучивание нитей*) с Адамом.

Что-то не везёт, не нравится он мне, уж очень нецензурно ругается, ну его, к чёрту, мужика.

10/XI/1941

10/XI. Встала в 7:30 утра, начинаю входить уже в нормальную жизнь.

Сделала экскурсию по всей территории, нашла работы для рабочих.

Уж очень просят рабочие, чтобы я им рассказала о своей поездке.

На диспетчерском немного понервничала, из-за распоряжений наших главок, сидят, чёрт возьми, уже блестят штаны от сиденья, а стрелочник виноват.

Чёрт возьми, дров отпустят лучше какому-нибудь, тестю, или судомойке, чем своим рабочим.

Мне даже дали вчера замечание, зачем я отпустила дрова Шамшеву.

Ну ладно, возьмусь же когда-то я за них, ох, и достанется же им, раздену до нага, и постегаю.

Днём нервничала из-за рабочих, так как без сигнала убежали в укрытие, в кипятилку, за что я их оставила, как школьников, после уроков.

Пусть произведутся (**Толковый словарь Ожегова: произвестись – производиться; вырабо-таться*).

На военного тоже рассердилась, чёрт обманул, ну ладно, за это я его тоже проведу так, что он у меня на Фабрике просидит весь день.

Меня не проведёшь.

Послала письмо знакомому, и Торопову, вот посмеются в Штабе, над моим письмом.

Днём очень нервничала, из-за глухого, чёрт бы его, представляется дурачком.

С Адамом тоже всё время спорим.

11/XI/1941

11/XI. Встала в 7:30, и с утра уже нервничала, так как сообщили, что Нина Волкова лежала три дня без гроба.

Приезжали на Фабрику, и здесь ничего не сделали.

Человек работал 11 лет, и вот заработал, что лучше обеспечат тестя.

Да, управление с этим Ив. Анакиным – он дорожит только за свое брюхо, и за ширму в столовой.

Уже такое настроение, высказать всё в открытую.

День прошёл так себе, только тем плохо, что нас переселяют в Фабуправление, хотят лесцех и сушило от пара отключить.

Вечером была на совещании делегатов фронта.

Очень много почерпнула ещё.

Хорошее было совещание, были представители от Горкома ВКП(б), а также от политуправления Северного фронта.

Завтра делаем информацию о поездке на фронт, на общефабричном собрании.

Очень хочется ко дню Конституции (**Конституция СССР 1936 года. До 1977 года 5 декабря отмечался как официальный государственный праздник: День Конституции*), опять съездить на фронт.

Какая-то я стала бесстрашная, и безразличная к жизни.

Это, по-моему, заметно и по моему дневнику.

Если с первых дней в этот дневник я записывала малейшие подробности разрывов, зениток, и т. д., сейчас нет этого.

Сейчас значительно больше бьют зенитки, делая сплошной огонь.

Кругом бьёт артиллерия, давно, и так, что дрожат стёкла.

По всему горизонту в ночное время вспышки, освещаются заревом, этого не записываю, так как всё это считаешь уже естественным.

Считаю, что это всё так и должно быть.

Всё же, сволочь, Голубев, сожрал 10 кг мяса, стыдно немного ему, за это вертится, как вор.

12/XI/1941

12/XI. Встала в 7:30, спали с Леной вместе, так как вчера трамваи не шли, из-за повреждения сети от обстрела.

Вчерашний день – суп стали отпускать по карточкам.

Да, дело становится неважно.

Хочется, хоть, как говорят, на фронт, самому лично громить фашистов.

Вечером провела открытое собрание, и поехала домой.

Немного подкрепилась, даже с Ленкой выпили маленькую, и легли спать.

Не знаю, сколько было «В.Т.», но я легла спать, так как с первого этажа бежать некуда, но часов с 2 ночи начался обстрел района, в том числе и Боровой.

Снаряды ложились где-то поблизости, и так, что дрожал наш дом, и моя подвальная конура, но я так и не вышла.

Убьют, так значит убьют, не всё ли равно.

Я почему-то не верю в судьбу, если судьба, от смерти – никуда не убежишь.

13/XI/1941

13/XI. Встала в 10 ч. утра, быстро соскочила с постели, так как где-то очень близко пал снаряд так, что посыпались стёкла.

Один снаряд попал в рядом стоящий дом.

С Ленкой сходили в магазин, но ничего купить не пришлось.

Хлеба с 13/XI дают 300 гр.

Так прошёл день, скучно-скучно.

Вечером опять началась «В.Т.», но я спала, даже не встала с койки.

14/XI/1941

14/XI. Встала в 5:30 утра, с сигналом «В.Т.».

Потом поехала на Фабрику, едва добралась.

Морозит – народу в трамвае много.

Сегодня живём на новоселье.

Новая квартира очень неспокойная, все ходят, ходят, не знаю, что за народ, не дают никакого покоя.

Вечером было собрание, прошло очень активно.

Начала вязать свитер Попову.

Вечером опять было несколько «В.Т.», но я спала, говорят, и ночью были «В.Т.», но я ничего не слышала.

15/XI/1941

15/XI. С утра началось хождение рабочих, в части отпусков, для отметки карточек.

Сидим на 300 гр., но настроение бодрое.

Почему-то ждёшь лучшего, и скоро.

День прошёл беспокойно.

Чёрт знает, что с ним, летает, и летает, но у нас пока спокойно.

16/XI/1941

16/XI. Воскресенье, утром основательно выспалась.

День прошёл так себе.

Сегодня же я дежурила на вышке, за день беспокоили 3 раза.

Не успеешь сойти вниз, опять «В.Т.».

Вечером попробовала конины, и покушала с большим аппетитом.

После, правда, было неприятно, ну, ничего не поделаешь.

Почему-то Ленку вызвали в НКВД (**Народный комиссариат внутренних дел*), не знаю, ну, ладно, пора вязать, а то скоро опять начнут беспокоить.

Просидела до часу ночи, вечером было две тревоги, вторая очень беспокойная.

Сволочь, делал 5 волн, и к концу волны освещался весь горизонт.

Во время «В.Т.» сильно била артиллерия.

За день, поднимаясь на вышку, откажутся ноги, хорошо, что Нюра Романова накормила кониной.

Интересно, поднимаешься до III этажа, а там дальше едва-едва тащишь ноги, по ступенькам.

Ну ладно, дежурство остаётся дежурством, вернулась на свою базу, и выспалась.

17/XI/1941

17/XI. Встала 8:30, проснулась, прослушав сводку.

В последнее время сводки не плохие.

Сволочи, мёрзнут, забрались в дамские тёплые платки.

Да, когда я вчера дежурила на вышке, я вспомнила один момент, что когда-то с месяц тому назад, стоя вот здесь, на вышке, было 7 очагов в пожаре, горел весь пригород.

Ноги ходить отказываются, стараюсь больше сидеть, но и сидеть тоже болят.

Откровенно говоря, очень тяжело ходить по лестнице.

Вечером покушала опять конины, ну, и чувствую себя ничего.

Вечером опять была «В.Т.», был сплошной шквал огня, но мы сидели в комнате и вязали свитер.

Сволочь, где-то сбросил две штуки фугаски.

Который день я всё хочу спать, а сегодня особенно.

Получается так, что только приду на новоселье, и сразу хочу спать, так я, недолго думая, обойду территорию, и поднимаюсь к себе, и параллельно, продолжаю другую работу.

Не знаю, что выйдет, у меня из этих работ.

18/XI/1941

18/XI. Так сегодня спала, что ничего не слышала, мне говорят, ночью были «В.Т.».

Били зенитки, и дальнобойные, но я ничего не слышала, пока меня в 7 часов не разбудила Муся Блинова.

Народу с каждым днём всё меньше, и меньше остаётся, одни лодыри, из команды.

Прошёл день, веку поубавилось, и смерть ближе (**Фразеологизм*).

Днём было спокойно, но вечером было 3 «В.Т.», одна за другой, но мы сейчас, после всего, так обжились, и сидим дома, никуда не укрываемся.

Сегодня получила от незнакомого Беляева Сергея Ивановича письмо, с благодарностью за перчатки.

Сегодня же отвечаю ему, ну, написала, как знакомому, большое-большое письмо, пусть читает, жалко, что ли, бумага выдержит.

А может, парень и ничего.

Сегодня Попов сказал, что мне дадут ещё сушильный цех.

Всё равно делать нечего, хоть бы опять, скорее ехать, в гости к бойцам, свезти подарки.

Ну ладно, Саша, уже 10:30 вечера.

Вот второе письмо от Сергея Беляева, а первое письмо, с переездом, потеряла.

Вклейка № 35. «Письмо от 22/XI/41 г.»

Здравствуй Шурик!

С горячим армейским приветом если разрешите таким быть, твой друг и товарищ Сергей Беляев. Шура, письмо я ваше получил 21.11.41, за которое благодарен всей душой и в особенности тем, что наши люди, советские люди, связаны такой дружбой, что делают чудеса и на фронте, и на производстве…

Шурик, хочу тебе сообщить, что предыдущее письмо не я писал, а писал мой товарищ. Ибо я сам был не в состоянии его писать, а вот сейчас я вернулся опять в строй бодрым командиром и притом получил письмо, написанное моей незнакомкой. Ребята мои чувствуют себя очень хорошо, весёлые, жизнерадостные. Одним словом, честные войны нашей любимой родины…

Шура, тебя интересует вопрос – сколько мне лет? Отвечаю – мне 26 лет, я уже пожилой, но рад – человек интересуется таким вопросом, я как большевик должен честно ответить. Шурик, мне очень хочется иметь с тобой дружбу. И не мимоходную, а самую настоящую. А поэтому прошу вас, не откладывая в дальний ящики, дать конкретный ответ. Как получите письмо, так надеюсь получить от вас то наш иной результат.

Мне наверно скоро, представится поездка в Ленинград. И если вы не против, я могу к вам заглянуть. И таким образом давайте не будем считать себя незнакомыми, а наоборот, самыми настоящими друзьями….

Шурик, прости за мою нескромность, то, что я написал в отношении мыла и порошка, я вынужден был это сделать ввиду того, что сейчас эти вещи очень трудно достать и потом, в нашей обстановке….

Второй вопрос – в отношении вашей фото, надеюсь, что вы мою просьбу, не отстороните, и в следующем письме я буду видеть вашу копию, свою я вышлю обязательно, как получу свои вещи с обоза.

Вот всё что хотелось вам написать. Очень жду встречи. Тогда бы можно обсудить всё-всё, что нас интересует….

Шурочка, прости что плохо написал, с одной стороны, очень торопился, а во-вторых, и рука ни так окрепла.

Жду ответ, с нетерпением. Жму твою руку, и крепко целую.

Твой друг, Сергей И.

22.11.1941, подпись.

Действующая Красная Армия, ППС, 164 АЗЕП. Взвод ПХО Б.621

Печать синей штемпельной краской: «ПРОСМОТРЕНО военной цензурой. 405»

19/XI/1941

19/XI. Встала в 7:30 утра.

Ничего особенного, только не выспалась.

Информбюро не слышала, так как нет радио.

Днём что-то было очень плохое настроение.

Днем получила 2 письма: одно от знакомого, и второе от Серёжи (то, что вклеено).

Анька на меня злится, так как её перевели в ДПД (**Добровольная Пожарная Дружина*), а меня оставили на 2 цеха.

Ну и пусть дуется.

Ну ладно, что-то нет сегодня настроения писать дневник.

Лучше всего напишу письмо.

Легла спать 12:30.

20/XI/1941

20/XI. Встала в 8 часов, несмотря на то что выходной день, что-то не спится.

Сообщили, что хлеб подают 250 грамм.

Но я не вешаю головы, что будет.

Всё переживём, а когда победим, тогда накушаемся.

Не вешаю головы, придёт время, сама повесится, как я раз сказала Нюре Сафановой.

Вот прошёл и выходной день, за день я сделала очень мало.

21/XI/1941

21/XI. Встала в 7 часов, так как после выходного было одно поручение, от директора, нужно было выполнить.

Информбюро: бои по всему фронту.

День прошёл как-то бестолково, почти ничего для себя не сделала.

Целый день была ураганная стрельба из пушек, снаряды свистели над головами, но немец, так обстрелянный, что хоть бы что, даже сам себе не веришь.

Ведь первые дни, чуть выстрел из зениток, сразу же записываю в дневник, а сейчас бьют, стреляют, не разбираешь, где и снаряды.

Мне вспоминается ночь на прошлый четверг, когда была я дома.

С двух часов ночи началась стрельба, обстреливали наш район, я спросонку не поняла, думала наши, и спокойно продолжала спать, пока в 10 часов утра снаряд не взорвался, поблизости.

Так вот, и сейчас пишу, а канонада бьёт, и бьёт.

Или во время «В.Т.», сегодня была сильная стрельба, Попов даёт распоряжение: занять бомбоубежище; а мы просто повесили трубку, и давай, продолжать работать.

Я за вечер сделала шапку, и получилась довольно неплохая, совсем скоро буду модисткой (**Толковый словарь Ожегова: мастерица, изготовляющая дамские шляпы, а также портниха*), от скуки на все руки.

Анька на меня дуется, почему меня оставили, её перевели.

Ну пусть не забудет, что я всё же инженер.

Вечером был хоз. – парт. актив. (**Партхозактив – в СССР: собрание, совещание руководящих работников партийных органов и хозяйственных предприятий, организаций*

22/XI/1941

22/XI. Встала в 6 часов, что-то не спалось.

Бои по всему фронту.

Вообще, мне 22/XI памятный день.

День прошёл очень бестолково в связи с новой работой.

Такая каверзная работа: рабочих нет, а делать надо всё.

Но ничего не сделаешь, надо мириться со всем.

Смирилась даже с тем, что, когда сегодня такая артиллерийская стрельба, снаряды летят, и свистят над головой, так, что не обращаешь внимания, пусть летят.

Переживём всё, и будем вспоминать это время и, может быть, кое-что кому иногда и расскажешь, за чашкой чая, а у меня есть кому что рассказать.

Сегодня ещё одно событие, проверила облигации, выиграла 150 рублей.

Вот, есть деньги, да расходовать некуда, а ещё тут прирост, но я ведь осталась без пальто.

Сегодня Попову сдала свитер, очень понравился ему, моя шапочка тоже.

Посылочка Серёже уже собирается, сегодня Мотя принесла зубной порошок, не достаёт шоколаду, и одеколона, надо отсылать, ждёт паренёк.

Роясь в своём архиве, нашла коробку из-под конфет, которую подарил Малов в день приезда в РККА (**Рабоче-Крестьянская Красная Армия*).

Где тот паренёк, жив или нет, ведь не послал ни одного письма.

К знакомому что-то начала остывать, надо искать нового друга.

Ну, А.Н., пора спать – спокойной ночи, завтра опять вставать рано, так как у тебя ещё не закончена одна работа.

А то начался опять сбор на тёплые вещи – это опять шитьё, и вязанье.

Ну, спокойной ночи, Серёжа Беляев (П. П., с 524 164 АЗСП взвод ПХ Обелла).

Спи дорогой, но врага не прокарауль.

День прошёл без стрельбы, хватит на сегодня артиллерийской канонады.

23/XI/1941

23/XI. Воскресенье.

День был пасмурный, и на душе то же.

Сегодня было спокойно в части работы.

Продолжаю сбор на тёплые вещи.

Хорошо бы опять послали на фронт, с тёплыми вещами.

Серёже принесла подворотнички.

Вечером заходил Попов, потом я сбегала к нему, и узнала, как ему, хорошо ли свитер.

Предчувствие, что скоро, как только отгонят врага, придётся расстаться с Ленинградом, так как “Катушку” будут переводить в провинцию.

Ох, как не хочется ехать.

Вот, сейчас сижу, пишу, а сама думаю о кресне (**Крёстная, родственник*).

Вот уж она угостила бы, ну вечером, пусть картошкой с маслом, или похлёбкой, а утром, обязательно ватрушками, или оладьями.

Сегодня у меня предчувствие, что я скоро, скоро буду у них – почему ещё так никогда не было.

Интересно, что они думают обо мне, беспокоятся, или нет.

Днём враг опять обстреливал город, в основном, опять центр, говорят, есть жертвы и разрушения, но много снарядов, говорят, не взрываются.

Да, после этого накормить бы Ленинградцев, они бы своротили горы.

24/XI/1941

24/XI. Встала в 7:30, сводка очень хорошая.

Западнее Ростова наши войска отогнали немцев на 60 км.

Закончила свой шерстяной свитер.

День прошёл ужасно вяло, очень хотелось кушать, так как от этих зеленых щей сейчас тошно.

Днем была «В.Т.», длилась 2,5 часа, и была очень беспокойная.

Было сброшено несколько фугасок на правом берегу Невы.

Даже у нас, в конторе, получилось содрогание.

Директор дал распоряжение: занять укрытие; но я сижу дома.

От судьбы, смерти, не уйдёшь никуда.

Ведь 22 сентября я была несколько метров от смерти.

Чувство мести у каждого на душе, и я часто думаю, накормить бы Ленинградцев, они натворили бы сейчас гору чудес.

Вклейка № 36. Статья «К мести!».

Да, помещаю вот одну вырезку из газеты, действительно, этот день будет вспоминаться Ленинградцам на всю свою жизнь.

Да, жизнь – борьба.

Действительно, Ленинградцы не падают духом, наоборот, бодры, несмотря на временные лишения.

Молодцом чувствуют себя, так должно быть, переживём всё, и тоже будем вспоминать.

Вклейка № 37. Статья «Один день».

Все для победы, переживем всё.

Может быть, ещё труднее впереди, но ничего, победа будет за нами.

Это уже чувствует, наверное, сволочь, Гитлер.

Интересный случай сегодня ночью:

В 3 часа ночи раздается звонок, подходит Романова к телефону, и ей говорят – срочно пошлите Боровикову на вышку, дежурить.

Вот дура.

Второй раз, случай с этой Боровиковой.

Есть у меня тёзка, вот за неё-то я и получаю от Ив. Анакина, на вид.

Правда, он потом зачеркнул это, но, в общем, получается очень смешно.

Интересный мне приснился сегодня сон:

Была, как будто, где-то я на фронте, отъехали на машине полтора километра, сошла, и иду домой пешком.

Вдруг, откуда ни возьмись, собака, чёрная, как трезор (**Пёс Трезор, который спас своих хозяев во время блокады Ленинграда*).

Так она ласкалась около меня, я её отгоняю, а она ещё больше ласкается.

Вот прошёл день, ждём опять завтрашнего, и хорошего сообщения, по радио.

Артиллерийской канонады сегодня не было, лишь изредка раздавались выстрелы.

Сегодня сдала 271 рубль на тёплые вещи.

Ну, Шурочка, пора спать, а то твоя голова уже склоняется.

Спокойной ночи.

25/XI/1941

25/XI. Встала в 8 час. утра.

Сегодня подали 4 вагона торфа, ну, и пришлось побегать, и перекатывать вагоны, вместе с директором.

Ну, ничего.

В основном день прошёл ничего.

Погода была пасмурная, за день было 3 «В.Т.», почти беспрерывно, с 12:15 до 16:30.

У нас в районе, как будто, спокойно.

Дальнобойкой оборвало руку табельщице Берёзиной, когда она стояла в очереди у “Большевика”.

Анисимову контузило – не слышит.

Сегодня первый раз я задумалась, насколько близко я была от смерти, во время бомбежки цеха.

Ведь какая-то доля секунды, и Шуры, с Матросиком, не было бы, куски мяса.

Ну, пока не судьба – живу.

А жить-то хочется, хотя жить сейчас очень пусто, голодновато, и ноги не ходят.

Ничего, еще поживём.

Вечером получила письмо от Торопова.

Молодцы всё же фронтовики, дерутся по-боевому, и их настроение тоже хорошее.

Ну, мне сегодня повезло, рабочие проклинали кишки, так как я их заставила разгрузить вагоны, которые кончили они в 8:30 вечера.

Ну, ничего, настояла на своём, и баста.

Не надо было болтаться днём, а то ещё ходили за табаком, и т. д.

Вечером долго беседовала с Ив. Анакиным, он сказал, что всё же, наверное, будем восстанавливать цех.

Вот было бы хорошо.

Ну ладно, Шурочка, пора спать.

Уже 12 часов, завтра опять вставать, ведь ты же устала, накроила 36 пар белья для бойцов.

Впереди для тебя ещё работа, и работа.

Завтра, думаю, Серёже послать посылку.

Спокойной ночи, Саша.

Выпей чашку чайку, и спи спокойно.

26/XI/1941

26/XI. Встала в 8 часов утра.

Выспалась хорошо.

Ой, какое кошмарное сегодня настроение, записывая вот этот дневник.

Днём была «В.Т.», длилась 3,5 ч. и вот в эту тревогу, не знаю, что творилось в городе.

Вечером мне сказали, что 3 бомбы упали на Боровой, и в общежитии побило все окна.

Сижу вот я здесь, а дома, может быть, ничего уже нет, всё вытащили.

Надеюсь только на Ленку.

А ну его, всё равно, не хорошо.

Чувствую сильную слабость, от плохого питания, остались только кости, и висящая кожа.

Сколько ещё это будет – не знаю.

Да, положение с питанием неважное.

Днём, сволочь, кидал листовки, две из них попали в мои руки, но я сразу же передала Попову.

С Ив. Анакиным сейчас дружим.

Сегодня с Ленкой послали посылку Серёже, – не знаю дойдёт или нет.

Доделала салфетку, вышла хорошенькая.

Хочу жрать, как чёрт, главное, сегодня выкупили моё любимое льняное масло.

Да, пишу, а что-то делается дома, может быть, уже пусто.

Сегодня зачитали указ о подоходном налоге с одиночек (**«Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан» с ноября 1941 года на основании Указов Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г.*).

Ну ладно, Шурочка, спи, не отчаивайся, переживем всё, поешь опять пресные ватрушки, и оладьи.

Писать письмо Торопову что-то нет настроения.

27/XI/1941

27/XI. Выходной день, но я дежурила на вышке, ночь спала хорошо, но утром ещё болела душа по дому.

Была на диспетчерском, вдруг является Ленка, и этого-то я никак не ожидала, чёрт знает её, приезжает с пивом, и, оказывается, даже не ночевала дома.

Уж этого я никак не ожидала.

Пошли обедать, где я перенервничала.

Щи – одна вода, ложек нет, хоть пей через край, потом взяли биточки из каши.

С отвращением покушала, и пошла к себе, с горя выпила пол литра пива.

В 12:15 «В.Т.», я пошла на вышку.

Тревога длилась до 17:45.

Я вся перемёрзла, очень хотелось спать.

И вот, в один момент, выйдя на вышку, вдруг вижу, что-то летит в воздухе, сначала не могла разобраться, что такое.

Потом оказались листовки, столько их было, попали на крышу, на нашу территорию, на территорию Мыловаренного Завода.

Одну поймала я на вышке, и сообщила в Штаб, собрали на территории 500–600 штук.

Ну и чёрт с ними, такие уродливые, бессмысленнее, были листовки, чёрт знает что.

Днём получила от Русских письмо, но пока не ответила, просто некогда.

Также не написала письмо ещё и Торопову.

Дома, говорят, спокойно, и комната моя жива.

Свету сегодня нет, сижу со свечкой.

Хочу как чёрт жрать, а жрать нечего, когда же всё это кончится.

Ведь плохо таскаешь ноги, а на своё тело не хочется смотреть, кожа висит, как мешок.

Ну и чёрт с ним, были бы стропила, а мясо наживётся.

Ложусь спать, спокойной ночи.

28/XI/1941

28/XI. Последняя моя работа дня, это записать вот этот дневник.

Встала в 8 часов утра, спала ночь крепко-крепко, ох, и спится же сейчас.

За день выпила с литр пива, жрать-то нечего, вот и пью пиво.

Да, и откровенно говоря, сегодня я ощутила сильное недоедание.

Так хотелось жрать, и не что-нибудь, не жареную птицу, пельмени, и т. д., а только сухого, чёрного хлеба, с льняным маслом, досыта, больше ничего не надо.

Но нет, ничего не поделаешь.

Надеемся, что в скором времени, всё же улучшится положение.

Так чешутся руки, хочется убить хоть одного фрица.

Днём была 314 «В.Т.», длилась более 5 часов, у нас в районе прошла спокойно.

Чёрт знает, погода что не лётная, а он летает, и летает.

Вечером сшила себе тёплую кофточку.

Ленку отпустила домой пораньше, может быть, что-нибудь достанет.

Ведь жрать то хочется, а нечего есть.

Ещё мясные талоны есть, но в столовой нет ничего.

Сейчас в столовую ходим со своей чашкой, и ложкой.

Да…

Сегодня получила письмо от знакомого, написала ответ Торопову, Русских, и знакомому, но забыла отослать.

Трещит голова, и плохо работают ноги.

Сегодня, почти весь день сидела, и мало ходила по объекту.

Ну его, к чёрту всё.

Берёт злость на дирекцию, хотя бы достали что-нибудь, дуранды (**Дуранда – остатки семян масличных растений после выжимания из них масла; жмых*), которой я не знаю вкусу, и то, было бы хорошо.

Вы обращаете внимания, сколько я обращаю внимания питанию, и вспоминаю пресные ватрушки.

Ничего не поделаешь – у кого что болит, тот о том и говорит.

Ходишь сейчас, как чёртик, сам за собой не следишь, хожу в русских сапогах.

Ну, ладно, Саша, пора спать, ведь уже 10:30 вечера, а сил надо накопить.

Хоть бы Ленка что-нибудь привезла пожрать.

29/XI/1941

29/XI. Встала в 8 часов утра.

Ох, и не хотелось же вставать, последнее время так хорошо спится.

Или сном компенсируешь питание.

Погода была пасмурная, оттепель, моросил дождь, но ножки мои ходят плохо.

Весь день просидели на 200 граммах хлеба, 6 шоколадных конфет, и больше ничего.

Сейчас очень мало хожу по улице.

Просто нет сил.

Думаю, ну его, к чёрту всё.

За день были 2 «В.Т.», фашистский самолёт всё время кружился над нами, но в нашем районе прошло спокойно.

На Исполкомской, и Обводном, опять натворил дел.

Домой не езжу, да и отвыкла сейчас от дому, всё равно, готовить нечего.

Сидишь только, скучаешь, и вспоминаешь прежнюю жизнь.
Вечером заходили Попов и Анакин, немного посидели, я их угостила чаем.
Сегодня получили продуктовые карточки на декабрь месяц.
Хлеба в день 250 гр., мясо 950 гр., крупы 1,5 кг, сахару 1 кг. 200 гр.
Ждём всё же улучшения.
Когда откроется Северная дорога, будем иметь связь со страной, опять заживём.
Получила сегодня газеты, и очень интересное сообщение:
Английских лётчиков наградили орденом Ленина.
Вот интересно, если останутся живыми, то поедут в Англию с орденами Ленина.

Вклейка № 38. Статья «О награждении орденом Ленина лётчиков Британского Королевского Воздушного Флота».

Какое впечатление переживают сейчас они, и какое впечатление правящих кругов Англии.
Ну, пора спать, уже 12 часов ночи.
Завтра воскресенье, но у нас рабочий день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.